
Басни
Крылова
1863 г.
Рис. М. О. Микешинъ
Гр. М. Стариковъ

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА

ВЪ IX КНИГАХЪ.

СЪ БІОГРАФІЕЮ, НАПИСАННОЮ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

РИСУНКИ АКАДЕМИКА К. А. ТРУТОВСКАГО,

ГРАВИРОВАННЫЕ ЛУЧШИМИ ХУДОЖНИКАМИ.

ВОСЬМОЕ **ПОЛНОЕ** ИЗДАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.
1864.

Дозволено ценсурою С. Петербургъ, 24 Декабря 1863 года.

ЖИЗНЬ и СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА.

I.

Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ Русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными. Геній его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ неровностей въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удивлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ. Судьба не благопріятствовала Крылову въ дѣтствѣ и лишила его тѣхъ пособій къ постепеннымъ успѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, которыми другихъ надѣляютъ рожденіе, воспитаніе и образованіе. Но онъ, какъ-бы наперекоръ счастію, въ послѣдствіи времени пріобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливо-рожденнаго молодаго человѣка. Побѣдивши первыя препятствія къ благополучію и удовольствіямъ жизни, онъ на-время ослабилъ дѣятельность свою въ расширеніи знаній и съ непонятнымъ равнодушіемъ провелъ нѣсколько лѣтъ почти безъ дѣла. Наконецъ снова и почти безсознательно принялся Крыловъ за тотъ родъ поэзіи, которому нынѣ обязанъ безсмертіемъ своимъ.

Удивительнѣе всего, что ему суждено было начать славное поприще въ такія лѣта, когда многіе перестаютъ писать сочиненія въ стихахъ, предпочитая имъ прозу. Между-тѣмъ остался-ли хоть легкій слѣдъ на этихъ трудахъ, что авторъ не во-время приступилъ къ нимъ? Нѣтъ: разсматривая ихъ живость и красоты, получаешь убѣжденіе, что это тѣ неувядающіе цвѣта поэзіи, которыми юность украшаетъ генія. И вотъ Крыловъ достигнулъ тогда истинной славы, всеобщаго уваженія, самой чистой къ нему привязанности тѣхъ, которые были къ нему близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастіе вознаградило его за всѣ лишенія молодости. Онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Казалось, передъ любознательнымъ, тонкимъ и свѣтлымъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора.

Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его къ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды и безопасность положенія своего, и не оказалъ ни одного покушенія расширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинъ успѣхъ и счастіе усыпили въ немъ всѣ силы духа! Въ своемъ праздномъ благоразуміи, въ своей безжизненной мудрости онъ похоронилъ, можетъ-быть, нѣсколькихъ Крыловыхъ, для которыхъ въ Россіи много еще праздныхъ мѣстъ. Странное явленіе: съ одной стороны геній, по слѣдамъ котораго уже итти почти некуда; съ другой — недвижный умъ, шагу не переступающій за свой порогъ.

II.

Легкость, съ которою мы успокоиваемся на первой удачѣ, обнаруживаетъ въ насъ какое-то равнодушіе къ земнымъ благамъ, но вмѣстѣ и хладнокровіе къ общественнымъ интересамъ. Такъ-какъ природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, то и игра ихъ въ его образѣ поражаетъ насъ болѣе, нежели въ комъ-нибудь другомъ. Между-тѣмъ, какъ писатель, онъ прямо Русской своей природѣ былъ обязанъ тѣмъ превосходствомъ въ постиженіи духа нашей жизни и нашего языка, которое въ этомъ отношеніи поставило его у насъ на первомъ планѣ. Никого изъ нашихъ писателей нельзя поставить на одной съ нимъ линіи. Онъ придумывалъ разсказы столь естественные, столь простые и каждому понятные, столь несомнѣнные и очевидные, столь согласные съ нашей жизнію, обыкновеніями и привычками, что въ ихъ составѣ не оставалось и тѣни искусства, сочиненія, или подготовленія. Видишь, чувствуешь, какъ дѣло начинается и происходитъ. На мысль не придетъ, что сочинитель повторяетъ старинную басню, извѣстную уже всѣмъ народамъ и прикрываетъ ею общую истину. Разсказываемый имъ случай, по-видимому, только и могъ подобнымъ образомъ произойти у насъ. Онъ проникнутъ духомъ нашей жизни и рѣчи.

Предметы національные часто обработываемы были у насъ и другими писателями. Въ нихъ есть мѣста, не менѣе счастливыя, какъ и у Крылова. Особенно нѣсколько описаній Русскаго быта удалось Кантемиру. Ничего нѣтъ совершеннѣе въ этомъ родѣ его описанія крестьянина, который сначала жаловался на судьбу свою, желалъ попасть въ солдаты, и потомъ исчисляетъ невыгоды новаго состоянія своего, куда завелъ его случай. Но достоинство сочиненія опредѣляется совершенствомъ цѣлаго, а не успѣхомъ нѣсколькихъ частей. Иногда усиліе, иногда удача могутъ довести одно мѣсто до желаемаго совершенства. Но тутъ еще нѣтъ вполнѣ прекраснаго произведенія, и все очарованіе исчезаетъ при переходѣ читателя на

другую сторону созданія. Одинъ Крыловъ въ каждой баснѣ своей выдерживаетъ съ начала до конца ровный характеръ оригинальнаго Русскаго поэта, не сбиваясь на подражаніе, или переводъ, ни тономъ разсказа, ни ходомъ событія. ни украшеніями слога, ни отдѣлкою стиховъ. Въ его самобытно-Русской душѣ, независимо отъ литературъ иностранныхъ и даже отечественной, возникнула въ истинномъ видѣ та часть поэзіи, въ которой онъ явился совершеннѣйшимъ образцомъ. Созрѣла она и вылилась изъ-подъ его пера также во всей оригинальности. Но всѣ стихіи, изъ которыхъ такъ прекрасно образовалось это чудное явленіе, ежеминутно носятся передъ нашими глазами въ жизни Русскаго народа. Остается тайною. отчего другіе писатели наши въ свои созданія не перенесли ихъ въ надлежащей чистотѣ, соразмѣрности и въ художественной прелести?

Больше всего у насъ бросались на подражаніе простонародному языку. Дѣйствительно, это едва-ли не существенная принадлежность сочиненія, когда желаютъ сообщить ему характеръ народности. Языкъ есть полное выраженіе жизни народа. Надобно только въ совершенствѣ овладѣть имъ, чтобы рѣзко и вѣрно отразились въ сочиненіи всѣ отличія, всѣ красоты специальной народной жизни и поэзіи. Безчисленные опыты доказали между-тѣмъ, что искусственный подборъ простонародныхъ словъ такъ-же далекъ отъ простонароднаго языка. какъ словарь отъ книги. Языкъ повинуется умопредставленію, дѣйствію воображенія, ощущеніямъ, памяти, навыку чувствъ, ходу размышленія, склону страстей, словомъ—языкъ есть та-же душа народа, та-же народная жизнь, которою поэтъ проникается для изображенія дѣйствій, или характера народа. Чтобы заимствованный простонародный языкъ сохранилъ въ сочиненіи всѣ принадлежности органической своей природы, сочинителю надобно прежде принять въ душу свою и въ сердце ясный образъ самаго народа. Въ какое-бы вы ни вставили сочиненіе цѣлую сцену, разсказъ, или описаніе, употребивъ простонародный языкъ, никто не почувствуетъ не только неприличія, даже рѣзкой перемѣны въ рѣчи вашей, если только будутъ въ ней чувствовать присутствіе истины. Это всѣ знаютъ по той изумительно-художнической сценѣ Пушкина, которую внесъ онъ въ *Бориса Годунова*, и гдѣ такъ поэтически является простонародный языкъ въ устахъ хозяйки постоялаго дома, ушедшихъ изъ монастыря людей и самого самозванца. Крыловъ обладалъ неизъяснимымъ искусствомъ сливать этотъ языкъ съ общею нашею поэтическою рѣчью. Всѣ подобные оттѣнки у него не раздѣлялись замѣтно, а составляли одно цѣлое. Можно подумать, что для него не было сословій, и онъ въ умѣ своемъ представлялъ только Россію, однимъ духомъ движимую, поражающую воображеніе своею огромностію, величиною частей своихъ, красками своими, и дѣйствующую какъ одно существо въ гигантскихъ размѣрахъ. Отличія рѣчи, выставляющіяся въ стихахъ его, бросаются въ глаза не такъ, какъ что-то оторванное отъ цѣлаго, а какъ красивыя части, природою утверждаемыя на своемъ

мѣстѣ, здоровыя, сильныя и привлекающія къ себѣ вниманіе крѣпкимъ организмомъ, связывающимъ ихъ съ другими.

III.

Поэтъ, которому литература наша обязана окончательнымъ усовершенствованіемъ одной изъ ея отраслей, родился позже перваго Русскаго баснописца ровно пятьюдесятью годами — Сумароковъ въ 1718, а Крыловъ въ 1768 (2 февраля). Трудно попасть на вѣрную цифру, которая, подобно представленной нами, опредѣлила-бы съ точностію художественное разстояніе между ихъ баснями. Это—земля и небо. По серединѣ пространства между ними стоитъ Хемницеръ (р. 1744), баснописецъ, получившій отъ природы самое счастливое дарованіе къ своему искусству, но мало успѣвшій въ стихотворствѣ. Только осьмью годами ранѣе Крылова родился Дмитріевъ, которому суждено было вызвать на одно съ собою поприще еще не опаснаго тогда соперника, показать ему образцы, исполненные прелестей искусства, вкуса и тонкаго ума — и наконецъ уступить ему первенство въ творчествѣ, краскахъ и народности. Всѣ упомянутые здѣсь писатели были счастливѣе Крылова въ дѣтствѣ. Они получили правильное образованіе и тѣ средства, съ которыми человѣку болѣе, или менѣе легко итти впередъ самому. Въ обществѣ они рано поставлены были на хорошую дорогу. Имъ оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами, а не бороться съ искушеніями и препятствіями.

Всѣхъ ихъ дѣятельнѣе былъ Сумароковъ. Онъ какъ-будто торопился занять всѣ пути къ славѣ. Соперничествуя съ Ломоносовымъ, онъ не сознавалъ въ немъ геніальнаго человѣка, а видѣлъ только ученаго. Одно это обстоятельство указываетъ уже на недостатокъ въ немъ художнической воспріимчивости, потому-что истинный талантъ скорѣе прочихъ людей постигаетъ въ другомъ присутствіе дарованія. Для Сумарокова искусство было какъ-бы что-то ограниченное извѣстными формами и условіями. Онъ не подозрѣвалъ его свободнаго развитія и связи съ народнымъ духомъ. Въ самыхъ подражаніяхъ его избраннымъ образцамъ не видно сочувствіе съ ихъ внутренними красотами. Онъ неутомимый говорунъ и пересказщикъ. Съ художнической модели онъ на-скоро и грубо срываетъ верхнюю оболочку, и думаетъ, что тутъ схватилъ и всю поэзію. Такъ обращался онъ и съ языкомъ. Не только у Ломоносова, даже у Кантемира гораздо болѣе умѣнья вести рѣчь, пользоваться богатствами языка и прибирать различныя краски, нежели у Сумарокова. Хемницеръ изумителенъ сочувствіемъ души своей съ внутреннею красотой поэзіи. Оттого не нуждался онъ въ напряженіи. Его простыя, легкія формы до-сихъ-поръ привлекаютъ вниманіе къ баснямъ его. Чуждаясь пестроты и многословія предшественника своего, онъ почти возвратился къ единству и краткости древнихъ,

которые въ басняхъ никогда не были вполнѣ художниками, а только моралистами. Согласно съ характеромъ поэзіи внутренней, и стихъ его обработался только въ безъискуственности, къ сожалѣнію, переходящей иногда въ прозаическую холодность и медленность. Но, судя и потому, сколько простодушія и пріятности успѣлъ онъ сообщить нашей баснѣ, можно было ожидать отъ него дальнѣйшаго въ ней усовершенствованія, если-бы онъ не слишкомъ рано скончался, именно сорока лѣтъ: это возрастъ, въ какой послѣ Крыловъ только началъ писать басни. Дмитріевъ, родившійся пятью годами ранѣе Карамзина, какъ землякъ его и другъ, долго шелъ съ нимъ ровнымъ шагомъ. Они вмѣстѣ открыли славный періодъ литературы нашей, ознаменовавшейся благотворнымъ вліяніемъ на образованіе всѣхъ сословій въ государствѣ. Дмитріевъ писалъ не однѣ басни. Его лирическія стихотворенія, сказки, сатиры и разныя мелкія пьесы обнаруживаютъ талантъ вѣрный, гибкій и прекрасно направленный. Онъ первый изъ нашихъ поэтовъ началъ дорожить художественною стороною сочиненій. Такимъ образомъ и въ басню онъ принесъ живыя краски, поэтическій тонъ и оживленный разсказъ. Это былъ баснописецъ образцовый по благородной игрѣ ума, по обработкѣ стиховъ, по живымъ описаніямъ, по мастерскому разсказу и по господствующему во всемъ вкусу.

Тогда недоставало только стремленія къ частнымъ красотамъ, которыми должны быть отличены и всякая мѣстность и всякая эпоха. Крыловъ глубоко проникъ въ эту идею, хотя ни предшественники его, ни тогдашняя наука, ни самый запасъ свѣдѣній, вынесенный имъ на жизнь изъ первоначальнаго образованія, не могли ему указать на нее. Она составляетъ плодъ его самобытно-поэтической природы. Вызвавъ искусство на его лучшее, совершенно еще новое у насъ поприще, онъ не чувствовалъ надобности оглядываться на своихъ предшественниковъ и только болѣе и болѣе обнималъ разныя стороны поэзіи, такъ глубоко имъ постигнутой.

IV.

Отецъ Крылова былъ бѣдный армейскій офицеръ, по обязанностямъ службы часто перемѣнявшій мѣсто жительства своего. Когда родился нашъ баснописецъ, отецъ его жилъ въ Москвѣ. Скоро однако-же, по случаю безпокойствъ, возникшихъ отъ Пугачева (1777), онъ принужденъ былъ отправиться въ Оренбургъ. Любопытны нѣкоторыя о немъ извѣстія, переданныя потомству Пушкинымъ въ *Исторіи Пугачевскаго бунта*. „Къ счастію, въ крѣпости (Яицкой)“, говоритъ онъ. „находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія.“ Далѣе, описывая неудачу Пугачева на приступѣ подъ ту-же крѣпость, Пушкинъ прибавляетъ: „Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить, не только

Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ." Надобно поэтому думать, что Андрей Прохоровичъ Крыловъ (отецъ баснописца) принадлежалъ въ свое время къ числу людей замѣчательныхъ. Затрудненіе, въ какомъ тогда чувствовали себя многіе даже изъ начальствовавшихъ тамъ лицъ, не отняло у него ни присутствія духа, ни распорядительности, ни самаго успѣха. Нельзя не предполагать, что природный умъ его украшенъ былъ по возможности и нѣкоторыми знаніями. Все, что Крыловъ помнилъ и самъ разсказывалъ о матери своей, несомнѣнно говоритъ въ пользу ея мужа. Женщина, дорого цѣнившая хорошее воспитаніе сына своего и собственными соображеніями находившая средства къ его образованію, конечно, приготовлена была къ тому замужствомъ съ человѣкомъ не грубымъ, не пустымъ, но дѣльнымъ и чему-нибудь учившимся. По смерти Андрея Прохоровича, Крыловъ получилъ въ наслѣдство цѣлый сундукъ книгъ, собранныхъ отцемъ. У человѣка, который принужденъ всегда жить по-походному, это большая рѣдкость.

Капитанъ Крыловъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій противъ мятежника и сообщниковъ его, перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ коллежскаго ассесора и получилъ въ Твери мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата. Здѣсь оставался онъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 1780 году. Заботы о первоначальномъ обученіи сына преимущественно занимали его жену. Марья Алексѣевна, мать поэта, придумывала разные способы, чтобы заохотить ребенка учиться чтенію. Когда онъ порядочно просиживалъ весь урокъ, мать каждый разъ, въ награду, давала ему по нѣскольку копѣекъ. Привычка прятать накопляемыя деньги могла у ребенка обратиться со временемъ въ корыстолюбіе. Благоразуміе матери умѣло предупредить и это послѣдствіе. Она указала сыну, какъ можно пользоваться деньгами, удовлетворяя нѣкоторымъ потребностямъ жизни. И онъ охотно на собственный счетъ покупалъ разныя вещи, необходимыя для его неприхотливаго наряда. Такимъ образомъ ребенокъ, благодаря умной распорядительности матери, и учился хорошо и одѣтъ былъ прилично на однѣ и тѣ-же деньги. Но Марья Алексѣевна не въ состояніи была сама обучать его французскому языку, чего не могла не желать, такъ-какъ и въ тогдашнее время онъ составлялъ уже одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ воспитаніи русскихъ дѣтей. Въ домѣ Тверскаго губернатора находился французъ-учитель, которому позволено было къ его урокамъ допускать и постороннихъ мальчиковъ. Къ нему началъ ходить и Крыловъ нашъ. Только успѣхи его съ иностраннымъ учителемъ не такъ были счастливы, какъ съ матерью, которая и здѣсь рѣшилась употребить съ пользою первоначальное свое средство. Она заставляла его читать по-французски при себѣ, давая обыкновенную награду за терпѣніе и прилежаніе. Сперва онъ только наружно исполнялъ

ея желанie, выговаривая слова и не заботясь о томъ, что ничего не понимаетъ. Напослѣдокъ доброе сердце его взяло верхъ надъ легкомыслiемъ: онъ принялся за лексиконъ, старался узнать смыслъ прочитываемаго и скоро началъ понимать книгу. Никогда однако-же Крыловъ не позаботился о томъ, чтобы вполнѣ овладѣть языкомъ французскимъ. Въ послѣдствiи времени, правда, онъ хорошо понималъ писателей, даже могъ и самъ писать по-французски, но у него не доставало привычки говорить свободно.

V.

При смерти отца, Крылову было одиннадцать лѣтъ. Теперь еще менѣе представлялось возможности заниматься его воспитанiемъ. Вдова съ ребенкомъ своимъ, оставшись безъ состоянiя, не получала и пенсiи. Но мальчикъ видимо обѣщалъ нѣкогда сдѣлаться ея подпорою. Умственныя способности развивались въ немъ замѣтно. Книги, найденныя послѣ отца, привлекли къ себѣ все его вниманiе. Онъ безъ разбору перечитывалъ ихъ и предавался игрѣ воображенiя своего. На дѣтей, родившихся съ поэтическими способностями, обыкновенно первое и самое сильное впечатлѣнiе производятъ драматическiя сочиненiя. Такъ было и съ Крыловымъ. Въ головѣ его, наполненной героями древней Грецiи и Рима, составлялись разные планы театральныхъ пьесъ. Но, не находя пособiй въ свѣдѣнiяхъ своихъ къ образованiю чего-нибудь опредѣленнаго и полнаго, никакъ не умѣлъ онъ приготовить сноснаго сочиненiя изъ этихъ матерiаловъ. Вѣроятно, какая-нибудь старинная Русская опера послужила для него образцемъ и успокоила воображенiе его. На пятнадцатомъ году онъ написалъ свою оперу *Кофейницу*. Это сочиненiе никогда не было напечатаннымъ. Въ послѣдствiи времени, Гнѣдичь выпросилъ себѣ у Крылова, какъ драгоцѣнность, рукопись дѣтскаго его произведенiя и хранилъ у себя до смерти, завѣщавъ ее по духовной вмѣстѣ съ библiотекою своею Полтавской гимназiи, гдѣ переводчикъ Гомера началъ свое образованiе.

Родители, сами не получившiе тщательнаго воспитанiя и у которыхъ недостаетъ средствъ къ содержанiю себя и семейства, у насъ, обыкновенно, спѣшатъ дѣтей своихъ помѣстить въ службу, едва успѣвши порядочно ихъ выучить грамотѣ. Ничтожное жалованье, назначаемое ребенку за переписку бумагъ, они считаютъ великимъ прiобрѣтенiемъ, зная, что оно, естественно, будетъ увеличиваться съ ихъ успѣхами въ работѣ. У нихъ будущее дальше этихъ предѣловъ не простирается. Такъ случилось и съ Крыловымъ. По недостатку празднаго мѣста въ губернскомъ городѣ, мать записала сына своего подканцеляристомъ въ Калязинскiй уѣздный судъ. Это происходило въ слѣдующiй годъ по кончинѣ отца его. Въ исходѣ того-же года, мальчика, по просьбѣ матери, переписали канцеляристомъ въ Тверской ма-

гистратъ, гдѣ нѣкогда служилъ и отецъ его. Къ счастію, нужда такъ сильно преслѣдовала вдову, что она рѣшилась отправиться въ Санктпетербургъ, гдѣ надѣялась выхлопотать себѣ пенсію и найти для сына выгоднѣйшее мѣсто. Здѣсь можно сказать, что несчастіе работало въ пользу нашу. Кто знаетъ, чѣмъ-бы кончилась судьба Крылова безъ этого переѣзда! Пятнадцатилѣтній поэтъ кончилъ теперь все, что надобно было заплатить дѣтству и бѣдности. Но не съ одними безсвязными вымыслами въ душѣ прибылъ онъ въ столицу. Онъ привезъ съ собою жажду къ дѣятельности и знаніямъ. Чѣмъ менѣе удалось ему развить ихъ въ первые годы, тѣмъ настоятельнѣе за ними онъ пустился въ новомъ своемъ мѣстопребываніи. Было и еще важное пріобрѣтеніе въ юной душѣ его, котораго онъ тогда не сознавалъ, а слѣдовательно не могъ и цѣнить. Оставаясь столько времени въ темномъ и тѣсномъ кругу, онъ ближе другихъ писателей разглядѣлъ черты и выраженіе коренной Русской жизни. Кто рано поднимается въ нашъ верхній слой общества, тотъ принужденъ бываетъ только издалека всматриваться въ бытъ народный, не воспитываясь его духомъ и ощущеніями. Самый языкъ чисто-Русскій не легко усвоить человѣку, который съ дѣтства привыкаетъ думать и составлять фразы по образцу, или разговору иностранному. Раннія впечатлѣнія, утвердившись въ душѣ геніальнаго человѣка, сохранились вѣрными и чистыми до той эпохи, въ которую принялся онъ обработывать ихъ въ художническихъ своихъ созданіяхъ.

VI.

Время прибытія Крылова въ Санктпетербургъ замѣчательно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, касавшимся драматическаго искусства въ Россіи, предмета, на который тогда устремлена была вся умственная дѣятельность будущаго великаго нашего баснописца. Правда, что первый указъ объ учрежденіи въ здѣшней столицѣ Русскаго театра послѣдовалъ еще въ 1756 году; но это было учрежденіе, которымъ, не взнося платы за посѣщеніе его, преимущественно пользовались придворные и люди чиновные. Но только съ 1782 года начались приготовленія къ устройству общенароднаго Русскаго театра, который и открытъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году. Такимъ образомъ Крыловъ прибылъ сюда въ эпоху перваго любопытнѣйшаго движенія на сценѣ нашей.

Въ молодой головѣ Крылова образовался планъ извлечь какія-нибудь выгоды изъ перваго его сочиненія. Въ Санктпетербургѣ жилъ иностранецъ Брейткопфъ, происходившій изъ извѣстнаго тогда въ Лейпцигѣ книгопродавческаго дома. Онъ содержалъ здѣсь типографію, торговалъ книгами и занимался музыкою, какъ страстный ея любитель и знатокъ. Къ нему рѣшился обратиться Крыловъ съ своею *Кофейницею*. Опера, которой слова сочинены ребенкомъ, показалась доброму Брейт-

конфу любопытнымъ явленіемъ. Онъ согласился купить ее и предложилъ автору въ вознагражденіе за трудъ 60 рублей. Крыловъ не соблазнился деньгами: онъ взялъ отъ него столько книгъ, сколько ихъ приходилось за эту сумму. Лыбопытенъ былъ выборъ. Крыловъ, отказавшись отъ Вольтера и Кребильона, предпочелъ имъ Расина, Мольера и Буало. Это было основаніе библіотеки его и руководство для будущихъ его трудовъ. Въ подражаніе первому, онъ увлекся героями Греціи и Рима; вторые развили его направленіе сатирическое, которое преобладало въ немъ надъ прочими внушеніями природы. Въ числѣ Русскихъ писателей, современныхъ ему, но упредившихъ его славою, какъ драматическій поэтъ всѣхъ знаменитѣе былъ въ Санктпетербургѣ Княжнинъ. Въ это время (1784) явилась патріотическая трагедія его. Дмитревскій, представлявшій *Рослава* на театрѣ, доставилъ сочиненію успѣхъ необыкновенный. Хотя Крыловъ былъ моложе Княжнина двадцатью шестью годами и не могъ тогда пріобрѣсти еще никакой извѣстности, однако-же онъ отважился представиться творцу *Дидоны*, соединявшему въ талантѣ своемъ также сатирическій характеръ и драматическое стремленіе. Недостаточное состояніе, пріискиваніе службы и литературныя знакомства не остановили любимыхъ занятій Крылова. Его взглядъ на расположеніе драмы и дѣйствія героевъ получилъ, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторую опытность, а вспомогательныхъ знаній и еще больше накопилось. Тогда-то успѣлъ онъ написать первую свою трагедію *Клеопатру*.

VII.

Княжнинъ доставилъ Крылову знакомство съ Дмитревскимъ. Не смотря на разность лѣтъ, знаній и самыхъ занятій, они должны были близко сойтися нѣкогда. Въ самомъ дѣлѣ, эти два человѣка рождены были понимать другъ друга вполнѣ. Дмитревскій былъ старше Крылова тридцатью двумя годами. Хотя и ему, какъ нашему поэту, не привелось въ дѣтствѣ учиться основательно и постоянно, однако же онъ, по прибытіи изъ Ярославля въ Санктпетербургъ, отданъ былъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ ознакомился съ нѣкоторыми науками и иностранными языками. Еще въ 1765 г. Дмитревскій ѣздилъ во Францію, чтобы довершить свое артистическое образованіе, а въ самый годъ рожденія Крылова вторично отправленъ былъ въ Парижъ для принятія въ здѣшнюю труппу нѣкоторыхъ Французскихъ актеровъ. Все это между-тѣмъ, какъ и въ Крыловѣ, не сгладило ни съ характера его, ни съ его ума, ни даже съ его привычекъ тѣхъ рѣзкихъ признаковъ, по которымъ легко видѣть кореннаго Русскаго человѣка, защитившагося отъ владычества иноземнаго воспитанія. Дмитревскій, не ослѣпленный успѣхами своими и славою, доступенъ былъ каждому молодому человѣку, который желалъ воспользоваться совѣтами его и замѣчаніями касательно театральныхъ сочиненій. Какъ лицо общественное, онъ все достоинство свое, всю свою честь полагалъ въ томъ, чтобы опытностію своею

споспѣшествовать общественной пользѣ. Къ довершенію всего, онъ былъ артистъ геніальный. Ему были понятнѣе, нежели обыкновенному человѣку, первые опыты другаго генія. Не удивительно, что два человѣка, получившіе отъ природы столько общаго, послѣ сближенія другъ съ другомъ, навсегда остались между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ другомъ возрастѣ, въ лучшихъ обстоятельствахъ, Крыловъ приходилъ къ Дмитревскому, какъ въ домъ родственника своего. За сытнымъ обѣдомъ, всегда состоявшимъ изъ однихъ чисто-Русскихъ блюдъ, въ халатахъ (если не было посторонихъ), они роскошничали по-своему, и послѣ стола оба любили, по обычаю предковъ, выспаться порядочно.

По этому поводу можно разсказать забавный случай, выпавшій Крылову. Разъ какъ-то очень долго не видался онъ съ Дмитревскимъ и совсѣмъ не зналъ, что пріятель его живетъ уже на новой квартирѣ. Они гдѣ-то встрѣтились. Дмитревскій зазвалъ Крылова къ себѣ обѣдать и заранѣе очаровалъ воображеніе разсказомъ, какъ онъ попотчуетъ его щами, кулебякою, поросенкомъ подъ хрѣномъ въ сметанѣ, гусемъ съ груздями, кашею и проч. Поэтъ въ назначенный день является на знакомую ему квартиру. Слуга объявляетъ ему, что баринъ еще не возвратился домой. „Я подожду, братецъ.“ Спокойно, черезъ пріемную комнату и кабинетъ, добравшись до спальни, онъ раздѣлся и для освѣженія силъ, легъ заснуть на кровати. Квартиру Дмитревскаго въ это время занималъ женатый чиновникъ. Къ обѣденному времени, ранѣе мужа, прибыла жена. Каково было ея удивленіе, когда она увидѣла на кровати въ своей спальнѣ незнакомаго ей мужчину, дюжаго, полнаго и беззаботно спящаго. Можно представить, до какой степени, когда разбудили Крылова, смѣшался онъ, вообще застѣнчивый и не очень ловкой!

Кончивъ свою *Клеопатру*, ребяческое подражаніе Французскимъ трагедіямъ, которыя успѣлъ Крыловъ перечитать, онъ, изъ Измайловскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ матерью, отправился на Гагаринскую пристань къ Дмитревскому. Актеръ принялъ его ласково и сказалъ ему, что желаетъ предварительно прочитать пьесу одинъ. Крылову вообразилось, что у Дмитревскаго не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія трагедіи его, и потому онъ почти каждый день навѣдывался о судьбѣ своего дѣтища. Надобно-же было случиться, что въ теченіе не только нѣсколькихъ дней, но и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, будущіе друзья не могли свидѣться. Чего не передумалъ сочинитель въ этой пыткѣ! Наконецъ Дмитревскій принялъ его и объявилъ, что намѣренъ читать трагедію вмѣстѣ съ авторомъ. Чтеніе было необыкновенно продолжительно, потому-что критикъ не пропустилъ безъ замѣчанія ни одного дѣйствія, ни одного явленія, даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностію показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отчего дѣйствіе не занимательно, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ. Это можно назвать первымъ курсомъ словесности, который Крылову удалось вы-

слушать и гдѣ примѣры ошибокъ брали на каждое правило изъ его трагедіи. Онъ почувствовалъ, что легче было написать новую, нежели исправить старую, что присовѣтовалъ ему и Дмитревскій. Такимъ образомъ этотъ опытъ остался навсегда въ неизвѣстности.

Около этого времени, къ великой радости матери, Крылову дали мѣсто въ здѣшней Казенной Палатѣ съ жалованьемъ въ годъ по 25 рублей. Чтобы постигнуть, какъ могли жить они при этихъ средствахъ, надобно представить всю бережливость бѣдныхъ людей, ограниченность ихъ желаній и бывшую тогда дешевизну во всемъ. О послѣдней можно приблизительно судить по одному: Крыловъ разсказывалъ, что мать его платила тогда за прислугу женщинѣ 2 рубля въ годъ. Недолго. впрочемъ, Марья Алексѣевна утѣшалась милымъ своимъ сыномъ. Ему суждено было одному прокладывать себѣ дальнѣйшую дорогу къ счастію: въ 1788 году онъ лишился матери, о которой никогда не могъ вспомнить безъ сердечнаго умиленія.

VIII.

Природа надѣлила Крылова умомъ дѣятельнымъ, острымъ и даже колкимъ. Въ молодости онъ увлекался всякою первою мыслію. Двадцати лѣтъ, оставшись полнымъ властелиномъ судьбы своей, онъ, какъ по службѣ, такъ и въ литературныхъ предпріятіяхъ, безпрестанно гонялся за новостію. Это было причиною, что, быстро расширивъ кругъ знакомствъ и пользуясь извѣстностію въ кругу писателей, онъ ничему не предавался постоянно и долго оставался безъ существенныхъ успѣховъ на поприщѣ литературномъ. По смерти матери, въ томъ-же году, онъ опредѣлился на службу въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества, откуда, по истеченіи двухъ лѣтъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ провинціальнаго секретаря. Ему казалось, что періодическими изданіями и заведеніемъ собственной типографіи можно пріобрѣсти все: независимость, извѣстность и деньги, что это положеніе спасетъ его отъ пожертвованій, сопряженныхъ съ службою. Обольстившись мечтательнымъ разсчетомъ, Крыловъ съ 1789 по 1801 годъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, оставался безъ должности, работалъ для своихъ журналовъ, хлопоталъ по содержанію типографіи и ревностно обогащалъ театръ новыми пьесами своими.

Молодому человѣку, который чувствовалъ врожденную потребность въ умственныхъ трудахъ и находилъ въ себѣ рѣшительныя способности къ исполненію заманчивыхъ предпріятій, трудно было усидѣть хладнокровно за скучными дѣловыми бумагами въ эту эпоху, когда вся Россія, вдохновенная Екатериною, была—новая жизнь и поэзія. До восшествія Императрицы на престолъ у насъ было только одно періодическое изданіе (ежели не считать *Трудолюбивой Пчелы* Сумарокова, одинъ годъ выходившей). Академикъ Миллеръ, не знавшій порядочно по-Русски, основалъ его въ 1755 году, подъ названіемъ: *Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и*

увеселенію служащія. Теперь являлись безпрестанно новыя, такъ-что предпріятіе Крылова было едва-ли не сороковымъ. Къ умственному движенію, обнаружившемуся такъ рѣзко, наиболѣе содѣйствовалъ указъ 1783 года, доставившій право всѣмъ частнымъ лицамъ заводить типографіи, бывшія до-тѣхъ-поръ исключительною принадлежностію правительственныхъ мѣстъ и казенныхъ учрежденій. Кому не знакомо имя Новикова, представителя тогдашнихъ журналистовъ, типографщиковъ и даже книгопродавцевъ? „Онъ (какъ прекрасно выразился Кирѣевскій) не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Память о немъ почти исчезла. Участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности. Многихъ уже нѣтъ. Но дѣло, ими совершенное, осталось. Оно живетъ. Оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности потомства.“ Надобно полагать, что этотъ человѣкъ, въ началѣ разсматриваемаго здѣсь десятилѣтія, покинувшій Санктпетербургъ и поселившійся въ Москвѣ съ обширными своими предпріятіями, гдѣ онъ образовалъ изъ друзей своихъ типографическую компанію, принявшую въ свой избранный кругъ только-что явившагося Карамзина, надобно полагать, что онъ отчасти служилъ примѣромъ для Крылова. Новиковъ былъ ровесникъ Хемницера, слѣдовательно двадцатью четырьмя годами старше нашего поэта. Его успѣхами всѣ умы еще заняты здѣсь были. Сатирическое изданіе его *Живописецъ* уже четыре раза было перепечатываемо. Какое искушеніе для молодаго писателя, движимаго честолюбіемъ, бѣдностію и даромъ насмѣшливости!

Въ 1789 году Крыловъ соединился съ капитаномъ гвардіи Рахмановымъ, чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ. Ровно за двадцать лѣтъ до нихъ, доннѣ еще забавляющій насъ романическими похожденіями своими и во всѣхъ родахъ литературными предпріятіями, *Ѳедоръ Эминъ*, по рожденію Полякъ, проживщій нѣсколько лѣтъ въ Турціи магометаниномъ и янычаромъ, перекрестившійся въ Лондонѣ у Русскаго посланника въ Православіе и окончившій жизнь въ Санктпетербургѣ за сочиненіемъ книги: *Путь къ спасенію*, издавалъ здѣсь журналъ, подъ названіемъ: *Адская Почта*. Его заглавіе понравилось новымъ журналистамъ, которые и явились въ публику съ *Почтою Духовъ*. *).

IX.

Протекло два года (1790 и 1791), на которыхъ не осталось слѣда литературныхъ занятій Крылова. Изъ нихъ послѣдній ознаменовался появленіемъ въ

*) Это первое періодическое изданіе Крылова выходило ежемѣсячно и существовало не болѣе года. Причиной скораго прекращенія *Почты Духовъ* слѣдуетъ считать скорѣе недостатокъ необходимаго въ журналѣ разнообразія, чѣмъ слабость содержанія. Какъ *книга*, не теряющая интереса, *Почта Духовъ* была издана въ 1802 году въ четырехъ частяхъ особо.

свѣтъ *Московскаго Журнала* Карамзина. Предназначенные судьбою возвысить нѣкогда успѣхами своими Русскую литературу, эти писатели и родились почти въ одно время. Только тремя годами Карамзинъ старѣе былъ Крылова. Но въ дѣтствѣ много преимуществъ досталось історіографу предъ баснописцемъ. Воспитаніе, образованіе и общество, посреди котораго Карамзинъ выросъ, рано развили его умъ, его вкусъ и направили любознательность его на прекрасную дорогу. Крыловъ все пріобрѣталъ случайно. Счастливыя способности помогли ему, между прочимъ, выучиться рисовать и играть на скрипкѣ. Лучшіе наши живописцы, въ послѣдствіи времени, выслушивали сужденія его о своихъ работахъ съ довѣренностію и уваженіемъ. Какъ музыкантъ, онъ, въ молодыя лѣта, славился въ столицѣ игрою своей на скрипкѣ и обыкновенно участвовалъ въ дружескихъ квартетахъ первыхъ виртуозовъ. Неизмѣнная страсть къ театру дополняла его практическое образованіе.

Прекративъ изданіе перваго журнала, Крыловъ удержалъ типографію за собою и за своими въ ней участниками. Она доставляла имъ доходъ, а въ скоромъ времени понадобилась и для собственнаго его предпріятія. Съ 1792 года онъ приступилъ къ составленію новаго журнала, подъ названіемъ: *Зритель.* Подобно первому и это было ежемѣсячное изданіе, но раздѣленное на три части. Преобладающее направленіе его явно показывало, что журналомъ завѣдываетъ редакторъ *Почты Духовъ. Зритель* издавался (заимствуемъ подлинныя слова изъ Введенія къ нему), „чтобы порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла собою читателя.“ Крыловъ здѣсь разнообразнѣе. Онъ мѣняетъ предметы своихъ изслѣдованій, переходитъ отъ одной формы сочиненія къ другой, и шуточныя статьи отдѣляетъ отъ серьезныхъ. Восточная повѣсть его *Каибъ,* хотя своими красками, тономъ, даже планомъ и напоминаетъ многочисленное племя подобныхъ сочиненій, бывшихъ въ большомъ ходу у писателей XVIII столѣтія, однако и до-сихъ-поръ не утратила достоинства своего какъ сатира многосторонняя, умная и живописная. Очень оригинально и необыкновенно тонко въ одномъ мѣстѣ этой повѣсти восточный стихотворецъ изъясняетъ различіе между одами и сатирами. „Мнѣ удивительна способность ваша (говоритъ сочинителю одъ другое лице) хвалить тѣхъ, въ комъ, по вашему-жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ.“ „О, это ничего (отвѣчаетъ поэтъ), повѣрьте, что это бездѣлица! Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода—какъ шелковый чулокъ, который всякой старается растягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на кого изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, которому онъ болѣе подверженъ. Но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя

мелочи, чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ. Можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно — и нѣтъ визиря, который-бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы.“ Въ прочихъ статьяхъ авторъ, не прикрываясь ни аллегоріею, ни калифатомъ, даетъ волю неистощимому сарказму своему и прямо уже описываетъ низкія страсти, развратъ, глупости и ничтожество современнаго ему общества.

Мелкія стихотворенія Крылова, напечатанныя въ *Зритель*, еще не сбросили съ себя чопорнаго убранства прошедшаго вѣка. Молодой поэтъ, какъ и другіе изъ товарищей его, покушался на все, начиная съ переложеній псалмовъ и сочиненія высокихъ одъ до пѣсней и слезныхъ элегій. Ломоносовъ и даже Сумароковъ передъ всѣми носились тогда какъ живые. Знаменитая ода Ломоносова, начинающаяся стихомъ:

„Заря багряною рукою,“

видимо одушевляла Крылова, когда онъ сочинялъ слѣдующую строфу въ своей одѣ *Утро:*

„Заря торжественной десницей
Снимаетъ съ неба темный кровъ
И сыплетъ бисеръ съ багряницей
Предъ освѣтителемъ міровъ.
Врата, хаосомъ вознесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереяхъ своихъ скрипятъ;
Но разъяренны кони Феба
Чрезъ верхъ сапфирныхъ сводовъ неба,
Рыгая пламенемъ, летятъ.“

X.

Изъ числа современниковъ по литературѣ, самое близкое лице къ Крылову въ это время былъ драматическій писатель Клушинъ (ум. 1804). Онъ участвовалъ и въ содержаніи типографіи его, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго (нынѣ Е. И. В. Принца Ольденбургскаго), и въ наполненіи *Зрителя* статьями. Это былъ человѣкъ съ несомнѣннымъ комическимъ дарованіемъ. Крыловъ даже въ старости своей вспоминалъ о немъ съ удовольствіемъ и отзывался всегда съ похвалою. Прекративъ изданіе *Зрителя*, они рѣшились, съ 1793 года, печатать въ общей ихъ типографіи новый журналъ: *Санктпетербургскій Меркурій*, и означить на

немъ имена обоихъ редакторовъ. Крыловъ, съ каждымъ преобразованіемъ періодическихъ трудовъ своихъ, видимо стремился къ совершенствованію ихъ занимательностію содержанія: расширеніемъ программы и сближеніемъ съ потребностями публики. Въ Клушинѣ нашелъ онъ сотрудника ревностнаго и полезнаго. Одарены будучи умомъ тонкимъ и гибкимъ, молодые литераторы не берегли ни остроты, ни насмѣшекъ. Здѣсь Крыловъ помѣстилъ, между прочимъ, двѣ свои статьи, исполненныя ѣдкихъ нападеній на празднолюбцевъ и на бездарныхъ писателей, одну, подъ названіемъ: *Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ;* другую — *Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей.* Клушинъ трудился не только для журнала, но въ тоже время и для театра. Первая изъ комедій его, написанная стихами, называется: *Смѣхъ и Горе.* Она тогда же представлена была на театрѣ. Крыловъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы изложить въ журналѣ своемъ отзывъ о новой пьесѣ. Онъ, въ объясненіе разныхъ видовъ критики, говоритъ: „Я не намѣренъ ни ослѣпить автора ласкательною похвалою, ни огорчить его грубымъ и бранчивымъ сужденіемъ. Словомъ: я поступлю такъ, какъ-бы желалъ, чтобы поступлено было со мною въ таковыхъ же обстоятельствахъ, и какъ-бы должно было поступать со всякимъ новымъ авторомъ. Пристрастная и чрезмѣрная похвала изнѣживаетъ и разслабляетъ дарованія; колкая брань и насмѣшка ихъ повергаетъ въ отчаяніе и задушаетъ въ самомъ рожденіи. Но безпристрастное сужденіе очищаетъ вкусъ — и, указывая на погрѣшности одною рукою, увѣнчиваетъ другою красоты. Такое сужденіе не утупаетъ и не ослѣпляетъ самолюбія, но оставляетъ его въ той степени, какая нужна для воспламененія дарованія.“ Изложивъ содержаніе комедіи, онъ со всѣмъ безпристрастіемъ и достоинствомъ указываетъ на ея недостатки. Другая комедія Клушина, въ этомъ-же году представленная, написана прозою и называется: *Алхимистъ.* И объ ней Крыловъ напечаталъ свой отзывъ въ *Санктпетербургскомъ Меркуріи.* Вотъ одно изъ его замѣчаній, обнаруживающее знатока дѣла. „Разговоры въ комедіи ведены всѣ очень остро, но они по большой части отдалены отъ содержанія комедіи и наполнены эпизодами, которые ни чуть не служатъ къ исправленію *Вскипятилина,* что́-бы, кажется, долженъ былъ имѣть авторъ въ виду.“ Изданіе *Санктпетербургскаго Меркурія* продолжалось, какъ и прежніе журналы Крылова, только одинъ годъ. Клушинъ отправился тогда за границу. Въ послѣдствіи времени написалъ онъ для нашего театра еще три пьесы: комедію *Худо быть близорукимъ,* оперу *Американцы* (обѣ 1800 г.) и комедію *Услужливый* (1801). Крыловъ навсегда покинулъ изданіе журналовъ. Только въ 1835 году, по просьбѣ Смирдина, не принимая никакого участія въ журналѣ, для шутки, онъ позволилъ напечатать въ объявленіи о *Библіотекѣ для Чтенія,* будто онъ взялся быть въ томъ году ея редакторомъ.

Театръ еще долго привлекалъ къ себѣ все вниманіе Крылова и подстрекалъ его дѣятельность. Отъ сочиненія трагедій отказался онъ во́-время, но тѣмъ сильнѣе пристрастился теперь къ комедіямъ въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою. Къ 1793 году относятся двѣ его пьесы: комическая опера *Бѣшеная Семья* и комедія *Проказники*, обѣ тогда-же представленныя и послѣ напечатанныя въ *Россійскомъ Θеатрѣ*. Трудно изъяснить теперь, отчего комедіи Крылова, и особенно первоначально имъ писанныя, такъ мало высказываютъ поэтическаго въ немъ таланта? Нѣтъ въ нихъ ни Русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни характеровъ сословія, изображаемаго сочинителемъ, ни даже той общей истины въ дѣйствіяхъ, которая понятна уму, хотя-бы онъ и не находилъ около себя хорошихъ образцовъ для руководства въ сочиненіи. Видно, напротивъ, что дурные образцы мало-по-малу получаютъ власть надъ самымъ умнымъ человѣкомъ. Въ комической оперѣ: *Бѣшеная Семья*, ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія. Все доведено до самой грубой каррикатуры. Двусмысленныя рѣчи заступаютъ мѣсто шутокъ. Въ языкѣ какая-то неблагородная изысканность. Это самая вѣрная копія пустыхъ, давно забытыхъ пьесъ того времени, когда она была писана. Нисколько не лучше и *Проказники*. Къ недостаткамъ первой пьесы здѣсь прибавлено еще столько излишнихъ сценъ и скучныхъ разговоровъ, что представленіе ея должно было утомить самыхъ неприхотливыхъ зрителей. Между-тѣмъ ровно за десять лѣтъ ужъ была напечатана безсмертная комедія Фонъ-Визина: *Недоросль*. Уже-ли ея чтеніе не открыло глазъ Крылову на искусство? Или она еще такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія красоты ея не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?

Обильно было это время и мелкими стихотвореніями Крылова. Множество напечатано ихъ въ *Санктпетербургскомъ Меркуріѣ*. Со всею игривостію и жаромъ молодаго человѣка, въ разныхъ видахъ, часто съ увлеченіемъ и оригинальностью, описывалъ онъ любовь своего пылкаго сердца. Предметомъ этихъ страстныхъ стиховъ вездѣ является тогда прославленная имъ *Анюта*. Вотъ какъ поэтъ описываетъ самъ періодъ своей юности:

„Изъ всѣхъ наукъ тогда одна
Казалась только мнѣ важна —
Наука, коя вѣчно въ модѣ
И честь приноситъ всей природѣ;
Которую въ пятнадцать лѣтъ
Едва-ль не всякій узнаетъ,
Съ пріятностью лѣтъ тридцать учитъ;
Которою никто не скучитъ,
Доколѣ самъ нескученъ онъ;

Гдѣ милъ, хотя тяжелъ законъ;
Въ которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умокъ силенъ слегка;
Гдѣ трудность всякая сладка;
Въ которой даже слезы милы,
Тѣ слезы съ смѣхомъ пополамъ,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмѣлясь стать счастливой,
Она даетъ блаженство намъ;
Наука нужная, пріятна,
Безъ коей трудно вѣкъ пробыть;
Наука всѣмъ равно понятна:
Умѣть любить и милымъ быть.
Вотъ чѣмъ тогда я занимался,
Когда съ Анютой повстрѣчался;
Изъ сердца мудрецовъ прогналъ,
Въ немъ мѣсто ей одной лишь далъ —
И отъ ученья отказался."

Въ числѣ мелкихъ стихотвореній 1793 года, одно напечатано подъ заглавіемъ: *Къ счастію.* Оно явно показываетъ, что молодой авторъ испытывалъ силы свои въ подражаніи первому лирику Екатерининскаго вѣка. *На счастіе,* сочиненною въ 1789 году, нельзя не чувствовать этого. Въ начальной строфѣ и въ окончательной, Крыловъ повторяетъ мысли образца своего, даже удерживаетъ отчасти и форму его, какъ напримѣръ въ послѣдней:

„Послушай, я не кинусь въ слезы.
Мнѣ шутка всѣ твои угрозы.
Что я стараюсь пріобрѣсть,
То не въ твоихъ рукахъ хранится;
А чѣмъ не можешь подѣлиться,
Того не можешь и унесть."

Между-тѣмъ сколько разности въ цѣломъ! Державинъ исполненъ лирическаго движенія и картинъ, а подражатель остается при однихъ нравоучительныхъ, холодныхъ стихахъ, хотя и не лишенныхъ ѣдкости сатиры.

Сочинитель въ Прихожей, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, написанная прозою, разыграна была въ 1794 году и послѣ напечатана въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ.* Волокитство и мотовство, основы старинныхъ у насъ комедій, составлявшихся по Фран-

цузскимъ образцамъ, господствуютъ и въ театральныхъ пьесахъ Крылова, которыя относятся къ разсматриваемому нами времени. Герой комедіи, *Графъ Дубовой*, такъ ослѣпленъ своею любовью къ кокеткѣ *Новомодовой*, что во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ онъ выходитъ на сцену, нѣтъ у него другихъ рѣчей, кромѣ разсказовъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ и подаркахъ невѣстѣ, которая только и годится, чтобы дать понятіе о глупѣйшей и самой низкой развратницѣ. Оба они мыслятъ и дѣйствуютъ по указаніямъ слуги и служанки, какъ это было въ обыкновеніи у всѣхъ прежнихъ театральныхъ героевъ. Не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорятъ они, что ни предпринимаютъ, о чемъ ни шутятъ, за что ни сердятся, такъ чуждо общества, жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомою намъ планетою, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ. Тамъ между людьми, которые впрочемъ отличены одинъ отъ другаго названіями должностей, очень и между нами извѣстныхъ, никакого нѣтъ различія: у нихъ побужденія, привычки, страсти, языкъ — все такъ подведено подъ одну и ту-же форму, что, долго оставаясь въ ихъ обществѣ, потеряешь воспоминаніе о дѣйствительной жизни. Сочинитель, какъ-бы отвращая всякое подозрѣніе, что онъ своею сатирою мѣтитъ на чью-нибудь личность, съ намѣреніемъ все изображаетъ такъ, какъ у насъ и быть не можетъ. Послѣ этого удивительно-ли, что слова: *лгать* и *сочинять* употребляютъ у насъ нерѣдко какъ синонимы, и что между дѣйствительностію и представляемыми на сценѣ происшествіями никто не думалъ искать соотношенія?

Для оживленія пьесы, сочинитель вывелъ въ этой комедіи *Риѳмохвата*, лицо равнымъ образомъ неестественное, по-крайней-мѣрѣ небывалое, родъ *комическаго идеала*. По *Риѳмохвату* можно составить одно заключеніе, что Крыловъ презиралъ глупыхъ и низкихъ стихокропателей, для которыхъ и роли выдумывалъ самыя отвратительныя. Еще въ прежней своей комедіи: *Проказники*, онъ наложилъ руку на этотъ постыдный классъ людей, изобразивши въ такой-же каррикатурѣ *Риѳмокрада* и жену его *Таратору*. Въ эти портреты, для насъ теперь нѣмые, полинялые, вѣроятно попадали черты жизни, тогда кому-нибудь внятныя: но онѣ такъ мелки посреди грубой живописи небывальщины, что напрасно занялся-бы кто разложеніемъ картинъ на разнородныя части. *Риѳмохватъ*, во всей пьесѣ почти непокидающій сцены и слѣдовательно очень надоѣвшій зрителю своими глупостями, въ одномъ только мѣстѣ разсмѣшитъ его. Онъ разсказываетъ служанкѣ *Новомодовой* о своемъ несчастіи, случившемся въ то время, когда хотѣлось ему поднести *Графу Дубовому* тетрадь стихотвореній. „Да вотъ, сударыня: я желалъ поднести его сіятельству Графу книгу моего сочиненія, и увидѣлъ я его бѣгущаго къ своей каретѣ. Я поклонился; однако-же онъ не догадался и сѣлъ въ карету. А я былъ такъ неостороженъ, что, протягивая къ нему руку съ этою тетрадью, уронилъ ее подъ ко-

лесо — и оно всю ее перемяло. Ну, вотъ такая досада, что лучше-бы это проклятое колесо мнѣ по животу переѣхало!“

XII.

Съ 1795 по 1801 годъ, Крыловъ какъ-бы исчезаетъ отъ насъ. Ни на одномъ изъ его сочиненій не осталось замѣтки, по которой-бы можно было отнести его къ этому шестилѣтію. Самъ онъ не былъ тогда въ службѣ. Литераторъ уже съ извѣстнымъ именемъ, молодой человѣкъ, успѣвшій образовать въ себѣ нѣсколько талантовъ, за которые такъ любятъ въ свѣтѣ, драматическій писатель, вошедшій въ дружескія сношенія съ первыми артистами театра, журналистъ, съ которымъ были въ связи современные литераторы—Крыловъ и самъ не могъ замѣтить, какъ ускользалъ отъ него годъ за годомъ посреди развлеченій столицы. Онъ участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ, прекрасно играя на скрипкѣ. Живописцы искали его общества какъ человѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ дополненіе пособій по литературѣ, Крыловъ выучился по-Итальянски и свободно на этомъ языкѣ читалъ книги. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, гдѣ въ прежнее время такъ радушно принимались люди съ талантами. Между-тѣмъ увлеченія молодаго сердца, естественно, требовали жертвъ, стоившихъ и траты времени и часто удаленія отъ серьезныхъ занятій. Хладнокровіе и благоразуміе не удѣлъ юнаго поэта. По-крайней-мѣрѣ, Крыловъ, повинуясь призыву любви, умѣлъ защититься отъ страсти буйной. Нравственная грація во всю жизнь сопровождала движенія его сердца.

Къ сожалѣнію, въ немъ развилась другая страсть, которая заставила его много погубить времени. Онъ завлекся игрою въ карты. Какъ ни разбирай, картежная игра во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ въ себѣ что-то недостойное благоразумнаго человѣка. Вотъ почему ея начало всегда современно легкомысленной молодости каждаго. Принять-ли ее даже какъ отдохновеніе отъ трудовъ и простое средство къ необходимому развлеченію—надобно предположить удивительную пустоту души, способной для того оставаться въ сферѣ подобной дѣятельности. Не упоминая о музыкѣ, или дружескихъ бесѣдахъ, о прогулкахъ и вообще о всякомъ механическомъ занятіи, самое бездѣйствіе полезнѣе и даже благороднѣе игры. Въ защиту нравственной стороны ея обыкновенно приводятъ мысль, что здѣсь непринужденное, равномѣрное бореніе партій. Но кто не убѣжденъ, что въ игрѣ весь успѣхъ только и зависитъ отъ неравномѣрности либо характеровъ, либо соображеній. Это обстоятельство, всѣми сознаваемое, и низкая цѣль уничтожаютъ достоинство соперничества. Пушкинъ говаривалъ, что сильную игру надобно отнести въ разрядъ тѣхъ предпріятій, которыя, касаясь съ одной стороны близкой гибели,

а съ другой блистательнаго успѣха, наполняютъ душу самыми сильными ощущеніями, всегда увлекательными для людей необыкновенныхъ. И это изъясненіе нисколько не облагороживаетъ приверженцевъ къ игрѣ. Подчиниться властительнымъ порывамъ во время дѣлопроизводства мелкаго, сухаго. безжизненнаго, не соблазняющаго никакою поэзіею, кромѣ чужихъ денегъ—къ этому способны развѣ самые обыкновенные люди, уже успѣвшіе изсушить въ себѣ всѣ стремленія къ чему-бы то ни было поэтическому. Гораздо легче сказать, и это справедливѣе будетъ, что недостатокъ истинно-хорошаго воспитанія, отсутствіе въ душѣ правилъ строгой нравственности, привычка къ развлеченіямъ внѣшнимъ, примѣръ общества и его испорченные нравы незамѣтно роднятъ насъ съ этимъ унизительнымъ препровожденіемъ времени и постепенно разжигаютъ въ насъ другія страсти, удовлетворяемыя выигрышемъ. Какъ-бы то ни было, но Крыловъ заплатилъ дань и этой слабости. Онъ отыскивалъ сборища, въ которыхъ предавались игрѣ съ самозабвеніемъ. Онъ готовъ былъ съѣздить въ другой городъ, ежели узнавалъ, что тамъ найдутся товарищи по игрѣ. Никто не замѣчалъ конечно, чтобы Крыловъ жаденъ былъ къ деньгамъ. Онъ былъ вообще безпеченъ и неразсчетливъ. У этихъ людей, вмѣсто истиннаго сребролюбія, иногда проглядываетъ что-то похожее на безсмыслицу. „Отправляясь со мною вмѣстѣ куда-нибудь въ гости (разсказывалъ Гнѣдичъ), Крыловъ никакъ не соглашался заплатить хорошему извощику столько-же, сколько платилъ я, и считалъ это мотовствомъ. Половину дороги онъ шелъ пѣшкомъ, и наконецъ, усталый, бывалъ принужденъ сѣсть на самый дурной экипажъ, и за половину дороги платилъ почти столько-же, сколько просили съ него при началѣ. Это называлъ онъ бережливостью.“ Вотъ образчикъ разсчетливости поэта, имъ-же изображенный въ баснѣ: *Мельникъ*. Отъ привычки къ игрѣ освобождаются не вдругъ. Съ Крыловымъ было тоже. Извѣстно, что слухъ объ этой страсти его въ послѣдствіи времени дошелъ до Императора Александра Павловича. Государь тогда произнесъ многозначительныя слова: „Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой.“

XIII.

Бездѣйственная жизнь наскучила наконецъ Крылову. Вступить въ службу вновь ему теперь уже не было трудно. Въ немъ готовы были принять участіе самыя значительныя лица. Въ 1801 году онъ удостоился покровительства вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня изволила поручить его Рижскому военному губернатору Князю Сергію Ѳедоровичу Голицыну. Тогда Крылову было 32 года. Многіе въ эти лѣта пользуются уже значительностію по службѣ. Поэтъ занялъ мѣсто секретаря при новомъ своемъ начальникѣ. Живши въ городѣ, кото-

рый былъ для него иностраннымъ, могъ-бы онъ пристраститься къ дѣламъ службы; но привычка къ занятіямъ литературнымъ, а еще болѣе къ игрѣ въ карты, не оставила его и здѣсь. Разсказываютъ, что, въ послѣднемъ отношеніи, на нѣкоторое время онъ былъ даже очень счастливъ, выигрывая много денегъ, которыя, какъ это обыкновенно оканчивается, онъ скоро всѣ проигралъ. Насмѣшливый умъ его отозвался въ Ригѣ шуткою-карикатурой, извѣстною только въ рукописи, подъ названіемъ трагедіи: *Трумфъ.* Основаніемъ каррикатуры служитъ смѣшной выговоръ Русскихъ словъ, произносимыхъ Нѣмцами. Впрочемъ, Крыловъ никогда и не думалъ пустить пьесу въ извѣстность. Она огласилась такъ-же, какъ и все, недоступное печати.

На другой годъ новой службы своей Крыловъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а на третій еще разъ покинулъ службу. Правда, ему больше и дѣлать было нечего въ Ригѣ. Князь Голицынъ, испросивъ себѣ увольненіе отъ должности, тамъ занимаемой имъ, отправился къ себѣ въ деревню Саратовской губерніи. Привыкнувъ къ Крылову и полюбивъ его, онъ уговорилъ поэта переселиться съ нимъ въ новое его мѣстопребываніе. Безъ родства, ничѣмъ не связанный, мало заботясь о будущемъ, можетъ-быть, и любопытствуя взглянуть на деревенскую жизнь вельможи, поэтъ охотно принялъ его предложеніе. Тамъ оставался Крыловъ три года. Его положеніе, не смотря на дружеское къ нему отношеніе Князя, нельзя было назвать совсѣмъ пріятнымъ. Въ многолюдномъ домѣ знатнаго человѣка никакъ не избѣгнешь мелкихъ досадъ, случайныхъ столкновеній съ такими людьми, которые, не умѣя вполнѣ оцѣнить достоинство писателя, смотрятъ на него какъ на безполезнаго нахлѣбника. Впрочемъ, Крыловъ нашелъ способъ отвратить отъ себя всякой упрекъ въ тунеядствѣ. Время, остававшееся празднымъ послѣ деревенскихъ забавъ, собраній и гастрономическихъ занятій, онъ употреблялъ въ пользу дѣтей Князя, обучая ихъ тому, въ чемъ чувствовалъ себя свѣдущимъ. Такимъ образомъ поэтъ нашъ вкусилъ сладость и званія домашняго учителя. Съ маленькими Князьями воспитывался тамъ и чужой мальчикъ, сынъ одного Русскаго дворянина, по происхожденію носившаго Финляндскую фамилію. Крылову тогда и въ голову не приходило, что этотъ ребенокъ нѣкогда удивлять будетъ лучшее наше общество своимъ остроуміемъ, своенравіемъ своимъ, ипохондріею, и приготовитъ для потомства любопытнѣйшія Записки, въ которыхъ читатели найдутъ нѣсколько желчныхъ страницъ и о деревенскомъ Саратовскомъ учителѣ. Изъ нихъ видно, что въ деревнѣ Крыловъ дѣйствительно не былъ какъ у себя. Онъ описанъ человѣкомъ уклончивымъ, тонкимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, что подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи и доказываетъ гибкій, проницательный умъ его, равно постигнувшій истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ: *Трудолюбивый Медвѣдь.* Такъ прошли для Крылова первые годы того славнаго

въ исторіи Россіи двадцатипятилѣтія, на скрижаляхъ котораго сіяетъ и его имя. Въ 1806 году онъ отправился, черезъ Москву, къ старымъ пріятелямъ своимъ и къ старымъ занятіямъ въ Санктпетербургъ, дружески распростившись съ Княземъ Голицынымъ, который и самъ на слѣдующій-же годъ долженъ былъ покинуть деревню, избранный въ главнокомандующіе третьей области земскаго войска.

XIV.

Въ Москвѣ Русская словесность тогда процвѣтала. Не только Дмитріевъ и Карамзинъ, преобразователи языка нашего и вкуса, влекли къ образцамъ своимъ молодое поколѣніе, но и Жуковскаго имя уже пріобрѣло извѣстность. Крылову, который остановился въ Москвѣ, не менѣе какъ и другимъ, пріятно было общество этихъ литераторовъ, которые жили только для успѣховъ ума и вкуса. Онъ особенно сблизился съ Дмитріевымъ. Желая войти съ нимъ въ такія сношенія, которыя-бы касались предмета, для нихъ обоихъ равно занимательнаго, Крыловъ, въ свободное время, перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: *Дубъ и Трость* и *Разборчивую Невѣсту*. Дмитріевъ, прочитавъ ихъ, нашелъ переводъ Крылова очень счастливымъ и достойнымъ прелестнаго подлинника. Тогда онъ началъ уговаривать будущаго соперника своего не покидать этого рода поэзіи, который, по его мнѣнію, болѣе другихъ удался ему и можетъ современемъ составить его славу. Крыловъ послѣдовалъ совѣту законнаго судіи въ этомъ дѣлѣ — и въ Москвѣ-же перевелъ еще изъ Лафонтена: *Старикъ и трое молодыхъ*. Двѣ первыя басни Дмитріевъ немедленно послалъ къ Князю Шаликову для напечатанія въ № 1 его журнала: *Московскій Зритель* (1806). Передъ ними была надпись переводчика: *С. Б. Бкндрфвой* (Бенкендорфовой). Издатель припечаталъ къ нимъ свое слѣдующее примѣчаніе: „Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И* И* Д* (Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. Имя любезнаго поэта обрадуетъ конечно и читателя моего журнала такъ, какъ обрадовало меня.“ Во 2-мъ № *Московскаго-же Зрителя*, опять съ именемъ переводчика, напечатана и третья его басня. И такъ почти за тридцать девять лѣтъ до своей кончины Крыловъ былъ поставленъ судьбою на ту дорогу, которая должна была привести его къ безсмертію.

По возвращеніи своемъ въ Санктпетербургъ, Крыловъ по-прежнему предался страсти къ театру. Вѣроятно, три его новыя пьесы для сцены, всѣ напечатанныя въ 1807 году, подготовлены были уже прежде. Обѣ комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ*, выражаютъ сильное негодованіе поэта на слѣпое пристрастіе Русскихъ къ Французамъ и ихъ языку. Можно подумать, что жизнь въ провинціи подняла всю

его желчь. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ недуги столицъ выказываются отвратительнѣе. Что здѣсь только смѣшно, или глупо, то въ провинціи, какъ въ искривленномъ зеркалѣ, становится гадко и нестерпимо. Многіе изъ писателей нашихъ, начиная съ Княжнина, вооружались сатирою противъ этого общественнаго недуга. Но пользы оказалось мало, даже нисколько. Подъ защитою господствующей моды никто не чувствуетъ боли, какую по-видимому должны-бы произвести острыя стрѣлы насмѣшки. Есть и еще обстоятельство, спасающее порокъ общества. Сатирики изображаютъ его въ такомъ неестественномъ, въ такомъ искаженномъ видѣ, что ни одному человѣку и въ голову не придетъ приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается какъ въ баснѣ Крылова-же: *Зеркало и Обезьяна.* Хотя новыя комедіи его несравненно выше прежнихъ движеніемъ и правдоподобіемъ событія, очертаніемъ характеровъ, указаніями на мѣстность и современные нравы, самымъ языкомъ, довольно естественнымъ, довольно разнообразнымъ; но въ подробностяхъ дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго — и оттого цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Такъ въ *Модной Лавкѣ* Сумбурова, для которой написана вся комедія, нисколько не возбуждаетъ въ насъ того чувства, которое должно оттолкнуть отъ ея гадкаго ничтожества, потому что оно перешло границы правды. Въ *Урокъ Дочкамъ* всѣ сцены, гдѣ разговариваютъ Фекла и Лукерья съ Велькаровымъ, отзываются этимъ-же недостаткомъ. Между-тѣмъ есть здѣсь явленія, исполненныя высокаго комическаго достоинства. Ничего нельзя представить живѣе, увлекательнѣе и граціознѣе VII явленія, XI, XV и XVI. Эти простосердечныя глупости барышень врѣзываются въ памяти — и одинъ намекъ на какую-нибудь подобную сцену вызоветъ краску на лицо виновныхъ въ той-же слабости.

Всего труднѣе разгадать, чѣмъ соблазнился Крыловъ при сочиненіи волшебной оперы своей: *Илья Богатырь,* явившейся тоже въ 1807 году въ печати и на театрѣ. Изъ современныхъ ей и однородныхъ съ нею оперъ публику восхищала *Русалка,* Краснопольскимъ переведенная съ Нѣмецкаго. Крылову показалось, что пьеса, основанная на отечественномъ преданіи, еще большее произведетъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Илья Богатырь, Соловей-Разбойникъ могли увлечь воображеніе поэта. Между-тѣмъ исполненіе идеи доказало, что для поэзіи необходимы краски времени и мѣста, что недостатка ихъ нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь, что частности жизни должны быть заимствованы изъ народныхъ разсказовъ, которыхъ обработка требуетъ знанія древностей. На исторической почвѣ самый счастливый талантъ, самое плодовитое воображеніе мало помогаютъ поэту безъ вѣрныхъ, обильныхъ и уже готовыхъ матеріаловъ. И такъ, неудивительно, что Сѣдырь, Таронъ, Зломѣка и другія лица, смѣшно выдуманныя авторомъ, никого теперь не забавляютъ.

XV.

Въ 1808 году Крылову было отъ роду уже сорокъ лѣтъ. Онъ вошелъ въ это время опять въ службу при монетномъ дворѣ. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, онъ произведенъ былъ въ титулярные совѣтники. Въ Санктпетербургѣ издавался тогда журналъ, подъ названіемъ: *Драматическій Вѣстникъ*. Въ немъ является нѣсколько новыхъ басенъ Крылова и одно стихотвореніе, довольно оригинальное, по содержанію своему и тѣмъ еще замѣчательное, что оно было послѣднею данію его другимъ родамъ поэзіи, кромѣ басенъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ коротенькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ имъ уже гораздо позже въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* по дружбѣ его къ Барону Дельвигу. Стихи, на которые указано выше, названы: *Посланіе о пользѣ страстей*. Гораздо прежде него, Карамзинъ, въ извѣстномъ своемъ *Разговорѣ о счастіи* (1797 г.), явился панегиристомъ страстей. Новыя мысли, и особенно выступающія основаніемъ своимъ изъ ряда такъ называемыхъ *общихъ мѣстъ*, сильно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателей, а въ послѣдствіи, хотя мы о томъ даже и не думаемъ, являются въ нашихъ собственныхъ сочиненіяхъ. Такъ случилось и съ Крыловымъ. Но онъ больше Карамзина развилъ идею въ своемъ посланіи, посвященномъ ей исключительно. Онъ изъ каждой мысли составилъ картину. Еще замѣчательно: онъ здѣсь, говоря о значеніи страстей, какъ-бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое названо: *Пушки и паруса*. Стихи посланія, во многихъ мѣстахъ, такъ обработаны и крѣпки, такъ игривы и блестящи, что достойны имени знаменитаго автора. Возьмемъ изъ нихъ отрывокъ.

„Какъ встарь живалъ нашъ праотецъ Адамъ?
Подъ деревомъ, въ шалашикѣ убогомъ,
Съ праматерью не пекся онъ о многомъ.
Виньель ему не страивалъ палатъ:
Онъ подъ ноги не сталъ ковровъ Персидскихъ,
Ни жемчуговъ не нашивалъ бурмитскихъ;
Не изсѣкалъ онъ яшму и агатъ
На пышные кубки для винъ превкусныхъ;
Не зналъ онъ рѣзьбъ, альфресковъ, позолотъ,
И на стѣнахъ не выставлялъ работъ
Рафаэлей и Рубенсовъ искусныхъ;
Восточныхъ онъ не нашивалъ парчей.
Когда къ нему ночь темна приходила,
Не замѣнялъ онъ люстрами свѣтила,
Не превращалъ въ дни ясные ночей;

Онъ, кромѣ яствъ, не зналъ столу уборовъ,
И не ѣдалъ съ фаянсовъ и фарфоровъ.
Когда изъ тучь осеннiй дождь ливалъ,
Подъ кожами зубъ-объ-зубъ онъ стучалъ —
И, твердо знавъ премѣнчивость природы,
Какъ Стоикъ ждалъ конца дурной погоды,
Иль въ ближнiй лѣсъ за легкимъ тростникомъ
Ходилъ нагой — и вѣрно босикомъ.
Потомъ, расклавъ хворостнику беремя,
Онъ сиживалъ съ женой у огонька,
И проводилъ свое на свѣтѣ время
Въ шалашикѣ, не лучше Калмыка."

Никто не усомнится, что авторъ такихъ стиховъ, непечатавшихся почти за сорокъ лѣтъ до нашего времени, долженъ былъ обратить на себя вниманiе, не говоримъ *публики*, для которой иногда равны писатели, стоящiе на противоположныхъ концахъ художническаго поприща, лишь-бы имена ихъ часто мелькали передъ ея глазами, но вниманiе тѣхъ, для которыхъ Жуковскiй издавалъ нѣкогда книжки свои подъ заглавiемъ: *Для немногихъ*. Безъ сомнѣнiя, еще болѣе въ ихъ душѣ утвердилось прiятныхъ надеждъ при появленiи въ *Драматическомъ*-же *Вѣстникѣ* значительнаго числа басень его. Они представляли собою такiя произведенiя поэзiи, которыми удовлетворялись вдругъ и требованiя литературной критики и ожиданiя нацiональнаго чувства. Патрiотическое стремленiе къ самостоятельной, независимой поэзiи, видѣло въ нихъ залоги для своей эпохи. Въ числѣ образованнѣйшихъ людей того времени, принимавшихъ ближайшее, непосредственное участiе въ успѣхахъ отечественной словесности и художествъ, были Графъ А. С. Строгановъ и А. Н. Оленинъ. Домъ и семейство каждаго изъ нихъ сосредоточивали все, что являлось въ столицѣ замѣчательнаго по литературѣ и изящнымъ искусствамъ. Тамъ не покровительствовали только, а любили таланты, участвовали въ ихъ занятiяхъ, входили во всѣ подробности трудовъ ихъ и возбуждали ихъ дѣятельность не только совѣтами, но и нѣжнѣйшею дружбою. Писателю, какъ и другому человѣку, необходимо общество. Ежели по происхожденiю своему принадлежитъ онъ къ такъ называемому среднему кругу людей, то не совершитъ и половины своего назначеiя, оставшись въ немъ навсегда. Умъ его, образованность и вкусъ не могутъ быть удовлетворены мелочными потребностями, тѣсною рамою жизни средняго круга. Его общество должны составлять люди, чуждые неотступныхъ заботъ, принужденiя, недовѣрчивости, ограниченныхъ сужденiй и скучныхъ разговоровъ. Ему необходимъ открытый и ясный взглядъ на общество, на жизнь. При немъ все должно быть свободно, искренно и высокозанимательно. Изъ такого

общества писатель возвращается въ свое уединеніе съ новыми мыслями, съ новыми знаніями. Онъ соображаетъ свои труды съ дѣйствительными нуждами людей, а не съ ничтожными жалобами невѣжества и себялюбія. Всѣ писатели, коихъ имена и сочиненія составляютъ народную славу, оправдали эту истину. Такой удѣлъ достался теперь и Крылову. Тѣснѣйшею дружбою онъ былъ соединенъ съ домомъ А. Н. Оленина, гдѣ всѣ тогдашніе Русскіе литераторы находили радушіе и участіе. Душою ихъ общества, кромѣ образованнаго хозяина, была супруга его, Е. М. Оленина, урожденная Полтарацкая, существо кроткое, исполненное любви къ прекрасному и его понимавшее сердцемъ. Это семейство и домъ Графа А. С. Строганова составляли какъ-бы одно, избранное общество, въ которомъ созрѣвали знаменитости вкуса, принадлежащія вѣку Александра I.

XVI.

По соображеніи всего, что въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ созналъ свое назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростію. Съ-этихъ-поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли. И вотъ 1809 же году вышло первое изданіе его басенъ въ числѣ 23 — блистательный годъ въ Русской литературѣ. Слава Санктпетербурга отозвалась въ Москвѣ. Тамъ Жуковскій былъ редакторомъ *Вѣстника Европы*. Онъ помѣстилъ въ немъ прекрасный разборъ только-что вышедшихъ въ свѣтъ басенъ Крылова. Совершеннѣйшія изъ нихъ, по отзыву критика—слѣдующія пять: *Два Голубя, Разборчивая Невѣста, Стрекоза и Муравей, Пустынникъ и Медвѣдь*, и *Лягушки, просящія царя*. Разсуждая о баснѣ вообще и прилагая свои выводы къ Лафонтену, Жуковскій говоритъ: „Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясна: Лафонтенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно-стихотворныхъ картинъ, ни того характера *простоты*, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность заимствованное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтену; а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное.“ Критикъ прибавляетъ далѣе, что въ большей части тогдашнихъ басенъ Крылова вымыслы и разсказъ заимствованы у Лафонтена. Не смотря на то, Жуковскій называетъ нашего баснописца поэтомъ тоже оригинальнымъ. „Не опасаясь никакого возраженія (говоритъ онъ), мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя-бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ; переводчикъ *въ стихахъ*—соперникъ.“ Наконецъ, вотъ ближайшая характеристика Крылова, ка-

кую составилъ Жуковскій, разсматривая его басни: „Слогъ басень его вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно, и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ, или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи. Имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя. Каждое дѣйствующее въ баснѣ его лице имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные. Читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ.“

Понятно, какія новыя черты внесъ-бы въ свой отчетъ критикъ, если-бы нынѣ говорилъ о Крыловѣ, когда все получило въ его басняхъ окончательное совершенство, когда имъ поэтъ сообщилъ независимость тона, колорита, выраженія, когда обнялъ онъ собственною мыслію Русскую жизнь въ главныхъ ея оттѣнкахъ и краскахъ, изобразилъ ее рѣзко и вѣрно, наполнилъ созданія свои философіею, сатирою и поэзіею того народа, котораго былъ представителемъ, и когда въ языкѣ своемъ такъ гармонически, такъ художнически слилъ всѣ стихіи разнообразной отечественной рѣчи. Всѣхъ басень Крылова теперь 197. Изъ этого числа (по его собственному показанію въ изданіи 1843 года) только 30 такихъ, которыхъ содержаніе заимствовалъ онъ у другихъ поэтовъ, а 167 принадлежатъ собственно ему и по вымыслу и по разсказу.

XVII.

Со времени перваго изданія басень Крылова до поступленія его на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку прошло четыре года. Изъ нихъ два послѣдніе онъ провелъ въ отставкѣ. Къ театру началъ онъ охладѣвать, что съ лѣтами становилось замѣтнѣе. Прежній сценическій писатель, другъ Дмитревскаго, постоянный посѣтитель каждаго на театрѣ представленія, пришелъ къ тому, что наконецъ по десяти лѣтъ сряду не заглядывалъ въ храмъ Мельпомены и Таліи. Теперь онъ принадлежалъ кругу лучшихъ литераторовъ. Его талантъ вполнѣ цѣнилъ самъ Державинъ. Въ 1810 году, въ домѣ пѣвца Фелицы, устроилась *Бесѣда любителей Русскаго слова.* Всѣ извѣстные въ Санктпетербургѣ литераторы, всѣ любители и покровители наукъ приняли участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Бесѣда образована была на подобіе какого-нибудь судилища. Она раздѣлялась на четыре разряда. Въ каждомъ изъ нихъ находился предсѣдатель, дѣйствительные члены и сотрудники. Сверхъ того было четыре попечителя и неопредѣленное число почетныхъ членовъ. Одинъ разъ въ мѣсяцъ происходили публичныя засѣданія, куда собирался такъ называемый цвѣтъ общества. Въ домѣ Державина, замѣча-

тельномъ своею архитектурою, что на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста, отдѣлана была великолѣпная зала для этихъ литературныхъ собраній. Тамъ въ первый разъ читаны были экзаметры Гнѣдича, который первоначально вздумалъ-было продолжать послѣ Кострова переводъ Иліады Александрійскими стихами, но—благодаря совѣтамъ и настоянію С. С. Уварова (послѣ Графа. Министра Народнаго Просвѣщенія)—рѣшился приступить къ новому труду съ первой пѣсни и взять размѣръ, подобный подлиннику. Въ 1811 году избранъ былъ въ дѣйствительные члены Бесѣды и Крыловъ. Его новыя басни возбуждали общій восторгъ въ каждомъ чтеніи. Ежемѣсячно издавалась особая книжка, въ которой напечатано было все прочитанное и одобренное въ Бесѣдѣ. Лирикъ Державинъ помѣстилъ тамъ, кромѣ послѣднихъ стихотвореній своихъ, разсужденіе о лирической поэзіи. Съ 1811 до 1816 (годъ кончины Державина, послѣ чего и собранія Бесѣды пркратились) вышло двадцать книжекъ.

Такъ-какъ большею частью литераторы, участвовавшіе въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова, были члены Россійской Академіи, то въ концѣ 1811 же года и Крыловъ избранъ въ академики. По смерти А. А. Нартова, въ 1813 году, президентомъ назначенъ А. С. Шишковъ. Блистательный періодъ существованія Россійской Академіи уже прошелъ. Своею славою она обязана Екатеринѣ II, непосредственно участвовавшей въ ея занятіяхъ, и первому президенту своему Княгинѣ Дашковой, умѣвшей постигнуть глубокую мысль великой основательницы Академіи. Крыловъ не нашелъ въ ученыхъ засѣданіяхъ той занимательности и возбужденія, которыя-бы сообщили новый полетъ его генію. Онъ рѣдко посѣщалъ Академію, и то развѣ въ торжественныя собранія. Таковы вездѣ бываютъ отношенія геніальныхъ людей къ прозаическимъ оффиціальнымъ совѣщаніямъ. Разсказываютъ, будто разъ при разсужденіи о способахъ, какъ обезопасить доходы Академіи, въ припадкѣ простодушной веселости своей, Крыловъ предлагалъ купить землю подъ овощные огороды, съ которыхъ доходъ самый прибыльный и самый вѣрный. Впрочемъ, и для Россійской Академіи была еще впереди эпоха, когда на нѣсколько времени ожила ея знаменитость. Въ 1818 году ея лѣтописи украшены были именами Карамзина и Жуковскаго. Академическія собранія, какъ обыкновенныя, такъ и публичныя, оживлены были присутствіемъ и участіемъ лицъ, привлекавшихъ къ трудамъ своимъ всеобщее вниманіе. Отрывки изъ *Исторіи Россійскаго Государства* публично въ первый разъ читаны были въ Академіи. Крыловъ, Жуковскій и Гнѣдичь тутъ-же являлись съ новыми своими произведеніями.

XVIII.

Открытіе Императорской Публичной Библіотеки послѣдовало въ 1812 году. Ея директоромъ назначенъ А. Н. Оленинъ. Должности библіотекарей и помощни-

ковъ ихъ поручены лицамъ, преимущественно извѣстнымъ въ литературѣ, что и послѣ соблюдаемо было нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ здѣсь соединились: переводчикъ Иліады Гнѣдичь, знатокъ Славянской филологіи Востоковъ, первый въ Россіи библіографъ Сопиковъ, переводчикъ Ифигеніи и Федры Расина Лобановъ. Въ этотъ-же кругъ введены были послѣ Баронъ Дельвигъ и Загоскинъ. Сюда Оленинъ пригласилъ и Крылова. Сопиковъ, прежде нѣсколько лѣтъ занимавшійся книжною торговлей, какъ человѣкъ опытный и знавшій все, что касалось до Русскихъ книгъ, назначенъ былъ библіотекаремъ по Русскому отдѣленію, а Крыловъ помощникомъ его. Давній поощритель музы поэта, Брейткопфъ, котораго жена была начальницею Санктпетербургскаго Училища Ордена св. Екатерины, также поступилъ на службу въ Библіотеку. Удивились и обрадовались другъ другу старые знакомцы, нежданно очутившись за однимъ дѣломъ. Въ первыхъ своихъ воспоминаніяхъ они воскресили прошлое. Дошла очередь и до *Кофейницы*. Крылову любопытно было взглянуть на рукопись дѣтства своего. Къ счастію, Брейткопфъ сохранилъ эту драгоцѣнность. Онъ въ цѣлости передалъ ее знаменитому автору. Для жительства служащихъ отведены квартиры черезъ домъ отъ главнаго зданія Библіотеки. Съ этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ 1816 году, когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, умершій въ 1818, Крыловъ занялъ его должность и квартиру (въ среднемъ этажѣ, на углу, что къ Невскому проспекту). Тутъ прожилъ онъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ. Украшеніемъ пріемной комнаты былъ портретъ его, во весь ростъ масляными красками, написанный тоже въ 1812 году профессоромъ Академіи Художествъ Волковымъ на 44 году жизни поэта.

День учрежденія Библіотеки долгое время празднованъ былъ публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній Русскихъ литераторовъ. Въ первый годъ Крыловъ прочиталъ для публики свою басню *Водолазы*. Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработыванія одного рода поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ прочихъ писателей и утвердилъ за собою общее, выгодное для себя мнѣніе. Въ первый годъ службы его въ Библіотекѣ Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1,500 р. ас. пенсіи изъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Спустя восемь лѣтъ, эта Монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

Одна и та-же лѣстница, мимо Крылова, вела на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и равныя от-

ношенія къ гостепріимному дому Олениныхъ тѣсно связала поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и неопрятною, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это впрочемъ не мѣшало каждому изъ нихъ сознавать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другаго и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичь выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіе долголѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича экзаметры его текли изъ устъ медленно, глухо, размѣренно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна, ни противоестественна. Она облачила въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искусство на высокую степень обработанности. Крыловъ-же басни свои какъ-бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безыскусственности. Въ голосѣ его слышались всѣ переливы самыхъ предметовъ, такъ-что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до-тѣхъ-поръ свое общество.

XIX.

Всѣ мы убѣждены, что здѣсь назначеніе наше—дѣятельность. Она источникъ самосовершенствованія, безъ котораго человѣкъ становится виновнымъ и передъ людьми и передъ своимъ Создателемъ. Умственная, нравственная, политическая, какая-бы ни была, даже просто физическая дѣятельность доставляетъ человѣку то, чѣмъ онъ возводитъ свое достоинство выше и выше. Съ этой точки зрѣнія разсматривая Крылова, нельзя не обвинять его во многомъ. Теперь жизнь его, вставленная въ рамки, которыя пришлись по мѣркѣ, улеглась неподвижно. Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и неголоволомной, кромѣ выѣздовъ къ обѣду въ Англійскій клубъ (гдѣ онъ послѣ игралъ нѣкоторое время по привычкѣ въ карты, а подъ конецъ только, дремалъ) и на вечеръ иногда къ Оленинымъ, Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы, особенно

старинные, читалъ не для пріобрѣтенія новыхъ идей, а чтобы убить только время. Можно одну сторону найти въ этомъ хорошую. Онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе чиновническое или писательское, не общая у насъ слабость. Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отсторонился отъ людей, можетъ-быть, не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними. Но онъ и тутъ не былъ позабытъ ни въ какомъ отношеніи. Начиная съ чина коллежскаго ассесора, пожалованнаго ему Государемъ въ 1814 году „въ уваженіе отличныхъ дарованій въ Россійской словесности (какъ сказанно въ имянномъ Высочайшемъ указѣ по этому случаю)“, Крыловъ, постепенно подымаясь, въ 1830 году получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, награжденный еще прежде крестами Владимірскимъ и Анненскимъ.

Новыя изданія басень его, которыхъ число годъ отъ году возрастало, являлись очень часто. Второе вышло 1816 году и раздѣлено было на пять книгъ. Въ послѣднемъ, которое предпринято и кончено самимъ авторомъ въ 1843 году, находится уже девять книгъ. Изъ прочихъ изданій замѣчательнѣе другихъ явившіяся 1825 и 1834. Одно предпринято было Оленинымъ и украшено очень хорошими гравюрами, другое Смирдинымъ, гдѣ почти при каждой баснѣ есть по литографированной картинкѣ, которыя съ удивительнымъ успѣхомъ всѣ исполнены Сапожниковымъ.

Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому ни принадлежалъ-бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки. Въ баснѣ *Безбожники* представлена картина, до такой степени разительная и согласная съ очевидностію, что, вслѣдъ за нею, всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію. Его *Водолазы* рѣшатъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія. *Конь и Всадникъ* есть отвѣтъ на политическіе толки. *Листы и Корни* утверждаютъ законныя отношенія между сословіями. Въ *Мірской Сходкѣ* изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій. Крыловъ представилъ собою писателя, не увлекавшагося ни современными соблазнами, ни одностороннимъ направленіемъ. Для общества онъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, происки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя. Его нравоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости. Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Вникнувъ мыслію въ тайный смыслъ его басень: *Огородникъ и Философъ, Червонецъ, Музыканты, Любопытный,* кто

не почувствуетъ, что по его системѣ, педанство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ? Крыловъ умѣлъ выразить собственное мнѣніе въ самыхъ щекотливыхъ случаяхъ противъ людей сильныхъ и даже опасныхъ. Не было бича язвительнѣе басни его на спѣсь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе. Достаточно для этого вспомнить басни: *Апеллесъ и Осленокъ, Булыжникъ и Алмазъ, Оселъ и Соловей, Парнасъ.* Какіе уроки заключилъ онъ въ *Бритвахъ, Голикъ* и во множествѣ другихъ разсказовъ! Словомъ: книга его басень составляетъ основу истинъ обще-человѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, по какой-бы ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни. Въ отношеніи къ Россіи, это лучшая галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностію не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи.

XX.

Характеръ и движеніе литературныхъ отношеній въ Санктпетербургѣ замѣтно измѣнились въ тотъ-же 1816 годъ, когда послѣдовала кончина Державина. Много было до-этихъ-поръ преимуществъ на сторонѣ Москвы, гдѣ жили Карамзинъ и Жуковскій, одушевители молодаго поколѣнія писателей. Они переселились теперь въ сѣверную столицу. Около нихъ начали между собою соединяться люди, чувствовавшіе призваніе къ литературѣ и понимавшіе важность благородныхъ умственныхъ занятій. Нигдѣ успѣхъ не возможенъ безъ сосредоточенности силъ. Великій писатель не только служитъ образцемъ вкуса, но и сообщаетъ стройность обществу литераторовъ, которые съ довѣрчивостію и любовію принимаютъ его идеи и сообразуются съ нимъ въ правилахъ жизни.

Карамзинъ только и жилъ для безсмертнаго труда своего, отъ котораго никто не могъ отвлечь его днемъ. За то каждый вечеръ отдавалъ онъ своему обществу. Люди государственные и писатели, всѣ, кто искалъ только бесѣды наставительно-пріятной, соединялись у него. Тогда литература занимала въ понятіи образованнаго общества высокое мѣсто. На ней сосредоточивались интересы и ожиданія первыхъ умовъ. Удивительно-ли, что въ обществѣ Карамзина воспитали свое мышленіе не только другіе первоклассные писатели наши, но и тѣ, которымъ предназначено было преобразовать и усовершенствовать разныя отрасли гражданскаго вѣдѣнія? Куда спѣшили Князь Вяземскій, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичь, Пушкинъ, тамъ-же, между Графомъ С. Румянцовымъ, Сперанскимъ, Оленинымъ, сидѣли Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ. Это самое общество, разъ въ недѣлю, по субботамъ, собиралось на вечеръ къ Жуковскому. Сфера идей, тонъ сужденій, краски языка естественно согласовались съ понятіями, стремленіями и умомъ лицъ, соединенныхъ въ собраніи.

Здѣсь и Крыловъ являлся какъ общій другъ. Его практическій умъ и тонкое соображеніе находили для себя много пищи независимо отъ пріятнаго развлеченія, представляемаго разнообразіемъ гостей, любившихъ его одинаково. Еще замѣтнѣе отдавался онъ игрѣ своего остроумія и любезности по субботамъ у Жуковскаго, гдѣ отсутствіе дамъ, чтеніе литературныхъ новостей и большая свобода въ отношеніяхъ развязывали его всегдашнюю осторожность. Между лучшими Русскими писателями, со временъ Ломоносова до смерти Пушкина, всегда замѣтно было искреннее дружелюбіе. Ни тѣни той взаимной зависти, въ которой обвиняютъ соперниковъ. Это низкое чувство никому незнакомо было въ ихъ кругу, всегда оставаясь только въ низшемъ слоѣ литературномъ. Крыловъ сознавалъ въ Жуковскомъ талантъ независимый и энергическій. Онъ постоянно сохранялъ къ нему въ душѣ своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая съ нимъ, Крыловъ бывалъ особенно пріятенъ. Разъ, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, онъ сталъ искать чего-то въ бумагахъ на письменномъ столѣ. „Что вамъ надобно, Иванъ Андреевичъ?" спросили его. „Да вотъ какое обстоятельство", отвѣчалъ онъ: „хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попадающійся мнѣ подъ руку листъ; а здѣсь нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ." Есть очень любопытная картина, представляющая кабинетъ Жуковскаго, когда послѣ онъ жилъ въ той части Зимняго Дворца, которая называлась Шепелевскимъ домомъ. На ней видишь группы людей въ разныхъ положеніяхъ. Это портреты литераторовъ и другихъ лицъ, собиравшихся у него. Всѣхъ замѣтнѣе и живописнѣе тутъ Крыловъ рядомъ съ Пушкинымъ.

XX.

Иностранцы почти такъ-же, какъ и Русскіе, чувствовали достоинство таланта Крылова. Басни его, особенно тѣ, въ которыхъ болѣе національной прелести, переводимы были на разные Европейскіе языки. Но никогда поклоненіе генію его не доходило до такой торжественности, какъ было въ 1823 году въ Парижѣ. Извѣстно, что это была эпоха новыхъ литературныхъ идей во Франціи. Тогда Вильменъ открылъ курсъ лекцій своихъ, которыхъ неотразимая истина, изумительная ученость и мужественное краснорѣчіе произвели переворотъ въ понятіяхъ слушателей. Во Франціи убѣдились, что и за предѣлами ея, даже подъ сумрачнымъ небомъ, разцвѣтая, благоухаетъ иногда цвѣтъ поэзіи. Многіе перешли въ какую-то крайность и начали думать, будто у Французовъ до-тѣхъ-поръ не было еще поэзіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово въ Англіи и въ Германіи. Существенное пріобрѣтеніе отъ лекцій Вильмена состояло въ томъ, что преграда, столько

вѣковъ останавливавшая эстетическое сближеніе Французовъ съ другими народами, наконецъ была разрушена. Любознательность повлеклась въ разныя страны за невѣдомыми, но уже сознаваемыми сокровищами ума и вкуса. Въ это время жилъ въ Парижѣ соотечественникъ нашъ Графъ Григорій Орловъ, авторъ „Записокъ о Неаполитанскомъ королевствѣ“ и „Исторіи музыки и живописи въ Италіи“, только-что приготовлявшій къ печати еще сочиненіе: „Путешествіе въ полуденную Францію“. У него въ домѣ собирались всѣ извѣстнѣйшіе ученые и литераторы. Графиня Орлова, урожденная Графиня Салтыкова, хотя давно не пользовалась хорошимъ здоровьемъ, оживляла однако-же это собраніе тѣмъ очаровательнымъ умомъ, который выражается въ участіи, въ любезности и вкусѣ. Естественно, что въ эту пору всего чаще разговоръ касался соединенія въ одну общую собственность того, что находится лучшаго въ иностранныхъ литературахъ. Графиня обратила вниманіе гостей на предметъ давняго поклоненія своего. Она имъ предложила мысль о новомъ, лучшемъ переводѣ Крылова на Французскій языкъ. Единодушно изъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ всѣ знаменитые тогдашніе литераторы. Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ. Въ домѣ Орловыхъ открылся какъ-бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно. Наконецъ, сколько можно Русской природы внести во Французскую рѣчь, они сдѣлали все— и тогда-то облеклись лучшія Крылова басни въ стихи игривые и блестящіе, можетъ-быть, едва узнавая себя въ этой щегольской одеждѣ, съ такою торжественностію для нихъ приготовленной въ столицѣ вкуса. Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басень переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ темы: по-крайней-мѣрѣ большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Напримѣръ, Герцогъ Бассано, въ баснѣ *Червонецъ*, вмѣсто 38 стиховъ Крылова, помѣстилъ въ 69 стихахъ разсказъ о крестьянинѣ и о какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ *Троеженецъ*, болѣе 20 стиховъ сочинилъ, чтобы перевести два первые стиха подлинника. Русская простота имъ по-видимому непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное.

Несравненно выше, спустя нѣсколько времени, оказана была почесть баснописцу въ его отечествѣ. Въ 1831 году, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ числѣ подарковъ своихъ на Новый годъ Великому Князю Наслѣднику, изволилъ прислать Его Высочеству бюстъ Крылова. Можно вообразить, что почувствовало сердце поэта, когда до него дошло о томъ извѣстіе. Правда, онъ съ давняго времени имѣлъ счастіе пользоваться большимъ благоволеніемъ къ себѣ Особъ Импе-

раторскаго Дома, которому обязанъ былъ всѣмъ своимъ благосостоянiемъ. Но въ выраженiяхъ милостей и благорасположенiя есть неуловимые оттѣнки. Здѣсь, въ безмолвномъ явленiи, высказалось все: и любовь, и урокъ, и почесть. Въ 1834 году, по Высочайшему повелѣнiю, пенсiя — три тысячи рублей, получаемая Крыловымъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, удвоена была суммою изъ Государственнаго Казначейства, „въ уваженiе заслугъ,“ какъ сказано въ указѣ, „оказанныхъ имъ отечественной словесности.“ Во всѣ остальные годы жизни, отношенiя Крылова къ Царскому Семейству были самыя завидныя. Въ какое время и гдѣ-бы ни встрѣчался съ нимъ поэтъ. Оно неизмѣнно привѣтствовало его восхитительными изъявленiями ласковости и дружелюбiя. Всѣмъ памятно еще, что, во время отпѣванiя тѣла Крылова, на груди его лежали засохшiе цвѣты. Это букеты, которые при жизни своей имѣлъ онъ счастiе получить въ разныя, незабвенныя для него, эпохи отъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны. Онъ какъ святыню хранилъ ихъ у себя до самой своей кончины.

XXII.

Служащiе въ Императорской Публичной Библiотекѣ обыкновенно дежурятъ поочереди, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того, и конечно былъ въ правѣ не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго библiотекаря въ лѣтнiе жары, когда ни читателей, ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичь видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположенiе духа. Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Ежели изъ знакомыхъ приходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный-ли онъ, Гнѣдичь не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на Анненскiй свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ. Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванѣ и убивалъ время за чтенiемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя однако-же сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенiя и безостановочной выдачи брошюръ, которыхъ въ Русскомъ отдѣленiи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книгъ, Крыловъ придумалъ футляры въ формѣ толстыхъ книгъ, и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучiя издѣлiя книжной промышленности. Особенно началъ хлопотать онъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники Баронъ Дельвигъ, столь-же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышлености и трудолюбiю

Сопикова. Это однако-же не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они кое-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.

Домашняя жизнь Крылова еще болѣе выказывала въ немъ особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигару съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ. сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя иногда съ пѣсенкой изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи на нихъ стоявшія, и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постелѣ часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 г. Ѣдучи по утру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился-ли ему переводъ, которымъ поэтъ началъ и хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ заглянулъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ объ его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отправляться обѣдать въ Англійскій клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ посторонним посѣтителямъ, съ которыми не былъ связанъ искренне, литераторы-ли были то, или другаго рода люди, Крыловъ вообще оказывалъ боль-

шую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ входить въ споръ, хотя-бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со всякимъ, что́-бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя нелѣпыя начинанія. Между-тѣмъ проницательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать въ первый разъ Ламартина *Meditations poétiques*, онъ долго ихъ листовалъ, перечитывалъ, въ иныхъ мѣстахъ останáвливался — и наконецъ произнесъ сквозь зубы: „да стихи довольно густы." При появленіи въ свѣтъ Пушкина *Руслана и Людмилы* почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой-же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

„Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка."

То, что у насъ называется находчивостью ума, Крыловъ часто показывалъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ. Разъ выпросилъ онъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время компаніи Наполеона. Поутру за своимъ кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сѣлъ у окна на стулѣ, который вмѣстѣ съ столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собой огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ, а другая на окнѣ, онъ, поддерживая лѣвой рукою корешокъ, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его стулъ покачнулся, какъ-будто соскользнувши съ возвышенія. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ въ-торопяхъ схватилъ правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе онъ бросился въ кухню, которая только узенькимъ корридоромъ отдѣлялась отъ залы, гдѣ произошла бѣда. Схвативъ ушатъ съ бывшею въ немъ водою, онъ втащилъ его въ залу — и, кинувъ на полъ разогнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата. Служанка, все это видѣвшая, но ничего не понявшая, опрометью бросилась на верхъ къ Гнѣдичу, призывая его къ Крылову и давая чувствовать намеками, что баринъ ея не въ своемъ умѣ. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ Гнѣдичь, немножко всегда театральный. „Вхожу. На

полу море. Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ." Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившейся бѣдѣ и изъяснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

XXIII.

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ. Онъ при всей осторожности своей и наружномъ хладнокровіи, съ большимъ чувствомъ и какъ-бы съ умиленіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ: Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ — и видитъ, что дама брала дѣтей по-очередно на руки, поднимала ихъ надъ заборчикомъ, и глазами своими указывала на Крылова каждому изъ нихъ. Изъ другаго происшествія, которое сначало польстило его самолюбію, а послѣ укололо его, онъ всегда выводилъ нравоученіе, какъ смѣшно полагаться на свою извѣстность. Крыловъ зашелъ когда-то въ лавку Королева, чтó прежде была подъ Англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ, и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***. Расплачиваясь за устрицы, и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ-ли онъ повѣрить ему нà-слово такъ-какъ теперь у него недостаетъ нѣсколько денегъ, чтобы все заплатить по ихъ счету. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести знать его и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: „вотъ если угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю." — А какъ-же меня знаешь ты? — спросилъ Крыловъ. „Помилуйте, Иванъ Андреевичь (отвѣчалъ добродушно лавочникъ), да васъ, я думаю, всякой мальчишка на каждой улицѣ знаетъ." Возвращаясь домой, Крыловъ зашелъ передъ окнами своей квартиры въ лавку Гостинаго двора, чтобы купить нотной бумаги. „За деньгами, сказалъ онъ, пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двухъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я Крыловъ." — Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ (проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу): много живетъ здѣсь народу.

Свою извѣстность Крыловъ по скромности изъяснилъ и тѣмъ, что у всякаго изъ насъ въ обществѣ гораздо болѣе (какъ говорилъ онъ) такихъ людей, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ. Въ собраніяхъ, на прогулкахъ, въ Библіотекѣ, даже у себя на дому, часто онъ принужденъ былъ, улыбаясь, ра-

скланиваться, или говорить по-пріятельски съ такими людьми, которыхъ конечно когда-нибудь видалъ, но ни имени, ни мѣста службы совсѣмъ онъ теперь не помнилъ. При свиданіяхъ съ иными сочинителями онъ благодарилъ ихъ за присылку сочиненій, между-тѣмъ, какъ приношенія послѣдовали совершенно отъ другихъ лицъ. Иногда, казалось, онъ и не вѣрилъ въ свое великое призваніе, приписывая успѣхи свои стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ посланіи своемъ къ Оленину, написанномъ 1826 г., онъ отъ полноты души говоритъ:

„Хоть, можетъ-быть, инымъ я страненъ покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь,
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ Монаршихъ лучь склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ —
И, можетъ, безъ тебя-бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я-бы умеръ весь для свѣта.“

Крыловъ не бывалъ за границею. Если-бы пришлось ему покороче ознакомиться съ новою жизнію, какъ знать, удержалъ-ли-бы онъ неизмѣнное настроеніе ума своего, который всегда стремился къ пріобрѣтенію только практической мудрости, и который такъ легко отклонялъ крайности, вѣрно усматривая вездѣ златую середину? Поѣздка въ чужіе краи разъ и его едва не соблазнила. Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басень своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговаривать Гнѣдича собраться съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіе. Но другъ отсовѣтовалъ ему на шестомъ десяткѣ жизни подвергаться хлопотамъ дальней дороги и разлукѣ съ милой родиной. Въ стихахъ Гнѣдича, по этому случаю написанныхъ, много истины, меланхоліи и граціи. Крыловъ согласился остаться дома. Но имъ овладѣла другая прихоть. Онъ рѣшился издержать лишнія деньги на убранство своихъ комнатъ. И вотъ онѣ украшены богатою мебелью и разными дорогими тканями. Изъ магазиновъ и съ фабрикъ наставили ему вездѣ серебра, бронзы, фарфору, хрусталю и алебастровыхъ вещей. Англійскіе ковры разостланы на полу. Въ буфетѣ очутились модные сервизы и прочія принадлежности роскоши. Устроившись, Крыловъ назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ семейство Оленина съ общими ихъ друзьями. Удовольствовавшись первымъ и послѣднимъ опытомъ суетности, Крыловъ почувствовалъ, что это не прибавило ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе

и поэтическая лѣнь. Онъ безъ вниманія и заботливости оставилъ дорогія свои вещи. Голуби по-прежнему стали располагаться въ обновленныхъ его комнатахъ и всему сообщили видъ знакомаго имъ жилища. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, кабинетъ Крылова рукою искуснаго художника сохраненъ для потомства. Великая Княгиня Марія Николаевна приказала перенести его на картину, которая и находится у Ея Высочества.

XXIV.

Безпечность и празднолюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣнихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Въ послѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было некому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ средней комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ—и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что-же, отвѣчалъ Крыловъ, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось головѣ его отъ картины? „Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію, и слѣдовательно она минуетъ мою голову.“ Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между-тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года, у Оленина-же, онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелемъ экзамена, который Гнѣдичь долженъ произвесть ему въ Греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье—и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его, безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичь провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу: онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ Греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера

передъ сномъ. Потому-то Греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постелѣ приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ Греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ-было подъ кровать руку за Эзопомъ — но тамъ уже не осталось никого изъ Грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить печь въ спальнѣ. Она-то ихъ и перевела. Замѣчательно, что Крыловъ, самъ собою свободно выучившійся по-Гречески, чувствовалъ во всю жизнь отвращеніе отъ Латинскаго языка — и всегда говорилъ, что ни изъ чего-бы не рѣшился когда-нибудь учиться по-Латынѣ.

Тяжело подымаясь съ мѣста на какое-нибудь дѣло и по большей части проводя время въ неподвижности, Крыловъ бывалъ всегда проворенъ и даже съ постели вскакивалъ одѣваться, когда ему сказывали, что гдѣ-нибудь видѣнъ пожаръ. Это было для него занимательнѣйшее зрѣлище. Онъ не пропустилъ ни одного изъ большихъ пожаровъ въ городѣ, и о каждомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Въ разсказахъ объ этихъ случаяхъ онъ былъ живъ и даже краснорѣчивъ, особенно когда вспоминалъ о пожарѣ, бывшемъ здѣсь близъ взморья на Невѣ, гдѣ горѣли камели. Безъ сомнѣнія, отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно-точны и оригинально-хороши.

XXV.

Менѣе всего благоразуменъ былъ Крыловъ въ употребленіи пищи. За нѣсколько лѣтъ до послѣдней болѣзни своей, испытавши припадокъ паралича, правда, онъ въ остальные годы строго наблюдалъ, чтобы не ѣсть много разныхъ кушаньевъ, но и при двухъ-трехъ блюдахъ умѣренность не была его добродѣтелью. Извѣстно, что Императрица Марія Өеодоровна всегда покровительствовала Крылову и оказывала ему всѣ знаки благоволенія. Онъ лѣто проводилъ чаще въ городѣ, нежели на дачѣ, выѣзжая только развѣ гостить недѣли на двѣ въ Пріютино къ Оленинымъ. Государыня нерѣдко изволила приглашать его въ Павловскъ. Крыловъ, являясь къ Ея Величеству, никогда не забывалъ любимаго Императрицею стариннаго обыкновенія, чтобы мужчины пудрились. Часто, принимая поэта, Государыня встрѣчала его слѣдующею шуткою: „Вы, можетъ-быть, пріѣхали и несовсѣмъ для меня; но это (показывая на его пудреную голову) я ужъ беру прямо

на свой счетъ.“ Въ Павловскѣ написалъ онъ свою басню *Василекъ*, оставивъ ее, какъ свидѣтельство глубочайшаго чувства признательности къ вѣнценосной Благотворительницѣ, въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ *Розовомъ павильонѣ* разложены были для удовольствія посѣтителей. Однажды, за обѣденнымъ столомъ у Императрицы, другой поэтъ, Нелединскій, шепнулъ Крылову: „ты ѣшь за десятерыхъ: откажись хоть отъ одного блюда. Развѣ ты не замѣчаешь, что Государыня поминутно на тебя взглядываетъ, желая попотчивать?“—Ну, а если не попотчуетъ?—отвѣчалъ онъ, продолжая угощать себя.

Особенно весело было Крылову, когда на званомъ обѣдѣ, или ужинѣ, приготовляли для него Русскія кушанья. Это обыкновенно и дѣлали всѣ изъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. За нѣсколько лѣтъ до того, какъ Крыловъ покинулъ службу въ Библіотекѣ, на вечера по пятницамъ литераторы собирались у А. А. Перовскаго. Хозяинъ каждый разъ приказывалъ подавать гостямъ ужинъ. Садились не многіе: въ числѣ ихъ всегда бывалъ Крыловъ. Разъ, во время толковъ о привычкѣ къ ужину, одни говорили, что никогда не ужинаютъ, другіе, что давно перестали, третьи, что намѣрены перестать; Крыловъ-же, накладывая на свою тарелку кушанье, примолвилъ тутъ: а я, какъ мнѣ кажется, потеряю привычку ужинать въ тотъ день, въ который перестану обѣдать. Послѣдніе изъ многолюдныхъ литературныхъ обѣдовъ бывали у В. И. Карлгофа. Въ его домѣ Крыловъ видѣлъ особенное, непритворное къ себѣ радушіе хозяина и хозяйки. Хотя изрѣдка, являлся наконецъ онъ на обѣды къ Графинѣ Е. П. Растопчиной, а на ужины къ Князю В. Ѳ. Одоевскому. Впрочемъ, не было человѣка менѣе спѣсиваго на зовъ, какъ нашъ поэтъ. Переживъ столько поколѣній литераторовъ и оставшись въ искренней дружбѣ только съ малымъ числомъ первокласныхъ писателей, онъ почиталъ себя въ отношеніи къ другимъ какою-то общею, законною добычею.

XXVI.

2 Февраля 1838 года, со дня рожденія Крылова, должно было исполниться ровно семьдесятъ лѣтъ. Хотя еще слишкомъ за годъ передъ тѣмъ совершилось пятидесятилѣтіе со времени появленія его *Филомелы* въ печати, но вспомнили о томъ только по случаю приближавшагося дня его рожденія. Всѣ литераторы оживились, обрадовавшись случаю отпраздновать юбилей знаменитаго Русскаго баснописца. По докладѣ о томъ Государю Императору, Министръ Народнаго Просвѣщенія далъ знать, что Его Величество соизволяетъ на общее желаніе. Изъ лицъ, къ поэту ближайшихъ по дружбѣ, составленъ былъ комитетъ для учрежденія

праздника. Подъ предсѣдательствомъ Оленина тамъ были: Жуковскій, Князь Вяземскій, Плетневъ, Карлгофъ и Князь Одоевскій. Предположили. въ день Рожденія Крылова, дать обѣдъ въ залѣ Дворянскаго собранія, что было въ домѣ г-жи Энгельгардтъ. Гостей соединилось около 300 человѣкъ. Въ Санктпетербургѣ не было ни одного таланта, въ какомъ-бы онъ родѣ искусства неполучилъ извѣстность. который-бы не поспѣшилъ присоединиться къ торжеству, родственному для всей Россіи. Передъ обѣдомъ, Плетневъ и Карлгофъ поѣхали за Крыловымъ. До него не могли не дойти слухи о приготовляемомъ праздникѣ, но онъ ничего не зналъ опредѣлительно. Впрочемъ, депутація нашла его уже одѣтымъ. „Иванъ Андреевичъ!" сказалъ ему Плетневъ, „сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ вы явились посреди Русскихъ писателей; они собрались провести вмѣстѣ этотъ день достопамятный для нихъ и для всей Россіи, и просятъ васъ не отказаться быть съ ними, чтобы этотъ день сдѣлался для нихъ навсегда незабвеннымъ праздникомъ." — Знаете что, отвѣчалъ онъ, я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно мнѣ еще веселѣе быть сегодня вмѣстѣ съ ними; боюсь только, не придумали-бы вы чего лишняго: вѣдь я тоже. что иной морякъ. съ которымъ оттого только и бѣды не случалось, что онъ не хаживалъ далеко въ море.—По прибытіи ихъ въ собраніе, Оленинъ привѣтствовалъ Крылова: „Иванъ Андреевичь! Русскіе литераторы сѣверной нашей столицы, художники и любители отечественной словесности собрались въ день вашего рожденія, чтобъ единодушно праздновать пятидесятилѣтніе ваши успѣхи на поприщѣ Русской словесности. Примите по сему случаю искреннее наше поздравленіе и нелицемѣрное желаніе, чтобы многіе еще годы вы украшали знаменитыми, полезными и пріятными вашими трудами Русскую нашу словесность." Министръ Народнаго Просвѣщенія прочиталъ слѣдующій Высочайшій Рескриптъ на имя Крылова: „Отличные успѣхи, коими сопровождались ваши долговременные труды на поприщѣ отечественной словесности, и благородное, истинно-Русское чувство, которое всегда выражалось въ произведеніяхъ вашихъ, сдѣлавшихся народными въ Россіи, обращали на себя Наше постоянное вниманіе, въ ознаменованіе коего жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны. Николай." Украсивъ звѣздою грудь поэта, Министръ пригласилъ его въ особенную залу, куда Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичь и Михаилъ Николаевичь изволили прибыть для поздравленія Крылова. Всѣмъ этимъ онъ уже до слезъ былъ разстроганъ.

Начался обѣдъ. Помѣщеніе гостей было такъ устроено, что они отовсюду могли видѣть общаго любимца. Противъ него, на другой сторонѣ залы, постав-

лепъ былъ столъ, прекрасно освѣщенный и убранный цвѣтами, гдѣ стоялъ въ лавровомъ вѣнкѣ бюстъ его и лежали разныя изданія всѣхъ сочиненій Крылова, какія только могли собрать тогда. На хорахъ помѣстились дамы, желавшія присутствовать при торжествѣ. Крыловъ сидѣлъ между Оленинымъ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По обѣ стороны отъ нихъ заняли мѣста прочіе министры, почтившіе своимъ присутствіемъ юбилей народнаго писателя. Между ними находился и Графъ Канкринъ, особенно любившій поэта и дружески принимавшій его у себя. Передъ Крыловымъ сидѣли всѣ пять членовъ комитета, распоряжавшаго празднествомъ. За обѣдомъ провозглашено было четыре тоста: Оленинымъ за здравіе Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамиліи. Музыка заиграла въ это время извѣстные Жуковскаго стихи: *Боже, Царя храни!* Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тостъ за здоровье Ивана Андреевича Крылова и сказалъ ему: „За здоровье Ивана Андреевича Крылова—да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современныхъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству! Я считаю однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни день, въ который удостоился я быть посреди васъ, Мм. Гг., орудіемъ Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора къ нашему незабвенному Крылову, и на этомъ праздникѣ Русской словесности представителемъ Его державнаго благоволенія къ ея трудамъ и успѣхамъ!“ Вслѣдъ за его словами Петровъ запѣлъ стихи Князя Вяземскаго, на этотъ случай написанные:

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ—всѣ мы сватья!
И не къ чему таить вину:
Всѣ заодно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ,
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный:
Самъ Фебъ его благословилъ!

Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти—славные ребята!
И дѣти всѣ умны въ отца.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя;
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-Русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою.
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать-бы?
Чтобы отъ свадьбы золотой
Онъ дожилъ до алмазной свадьбы
Съ своей столѣтнею женой
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй. дѣдушка Крыловъ!

Жуковскимъ предложенъ былъ тостъ за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи Русской словесности, при чемъ онъ произнесъ: „Любовь къ словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы отечества, соединила насъ здѣсь въ эту минуту. Иванъ Андреевичъ, мы выражаемъ эту намъ общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собрались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла-бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и вы, отъ насъ немногихъ, услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ, вопервыхъ за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ

бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которыя съ вашимъ именемъ начинали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за Русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы. Но, выражая предъ вами тѣ чувства, которыя всѣ, находящіеся здѣсь со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ не достаетъ двухъ, которыхъ присутствіе было-бы его украшеніемъ и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ вашемъ сердцѣ. Одинъ знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, не давно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное отечеству имя; другой, едва расцвѣтшій и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ отечествѣ его геніемъ. Воспоминаніе о Дмитріевѣ и Пушкинѣ само собою сливается съ отечественнымъ праздникомъ Крылова. Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ силы и свѣжести, ибо они обратились въ народныя пословицы; а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.“ Наконецъ Князь Одоевскій предложилъ тостъ за здоровье присутствовавшихъ, присоединивъ слѣдующія слова: „Я принадлежу къ тому поколѣнію, которое училось читать по вашимъ баснямъ, и до-сихъ-поръ перечитываетъ ихъ съ новымъ, всегда свѣжимъ наслажденіемъ. Мы еще были въ колыбели, когда ваши творенія уже сдѣлались дорогою собственностію Россіи и предметомъ удивленія для иноземцевъ: отъ раннихъ лѣтъ мы привыкли не отдѣлять вашего имени отъ имени нашей словесности. Существуютъ произведенія знаменитыя, но доступныя лишь тому, или другому возрасту, бо̀льшей, или меньшей степени образованности; немного такихъ, которыя близки человѣку во всѣхъ лѣтахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни. Ваши стихи во всѣхъ концахъ нашей величественной родины лепечетъ младенецъ, повторяетъ мужъ, воспоминаетъ старецъ; ихъ произноситъ простолюдинъ какъ уроки положительной мудрости, ихъ изучаетъ литераторъ какъ образцы остроумной поэзіи, изящества и истины. Примите-же дань благодарности отъ лица младшихъ дѣлателей на томъ поприщѣ, которое вы проходите съ такою

честію для васъ и для Русскаго слова; пусть долго, долго вашъ примѣръ будетъ намъ путеводителемъ; пусть новыми вашими твореніями вы обогатите если не славу вашу, то по-крайней-мѣрѣ сокровище тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя порождаются въ людяхъ только произведеніями высокаго искусства. Голосъ нашей признательности исчезаетъ въ общемъ голосѣ нашихъ соотчичей; но это чувство въ насъ тѣмъ живѣе, что для насъ прелесть старины и младенческихъ воспоминаній возвышается наслажденіемъ видѣть въ лице знаменитаго современника, быть очевидными свидѣтелями его нравственной доблести; для насъ память ума соединяется съ памятью сердца.“

Бенедиктовъ сочинилъ для этого праздника помѣщаемые здѣсь стихи, которые были прочитаны Блудовымъ:

День счастливый, день прекрасный —
Онъ насталъ, и полный клиръ,
Душъ отверстыхъ клиръ согласный
Возвѣстилъ намъ праздникъ ясный,
Просвѣщенья свѣтлый пиръ.

Небесамъ благодаренье
И Владыкѣ Русскихъ силъ,
Кто въ родномъ соединеньѣ
Старца чуднаго рожденье
Пировать благословилъ.

Духомъ юноши моложе,
Онъ предъ нами — славы сынъ!
Витыхъ локоновъ пригоже,
Золотыхъ кудрей дороже
Серебро его сѣдинъ.

Не сожмутъ сердецъ морозы;
Въ насъ горятъ къ нему сердца:
Онъ предъ нами — сыпьтесь розы;
Лейте радостныя слезы
На листы его вѣнца!

Общаго одушевленія и радости столь не притворной, столь живой, кажется, не бывало еще въ такомъ многолюдномъ собраніи. Между-тѣмъ выраженіе, которое постоянно оставалось на лицѣ Крылова, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на мыслящаго человѣка. О немъ въ *Современникѣ* тогда было напечатано:

„Крыловъ, окруженный многочисленными почитателями своими, въ эти минуты занималъ каждаго какъ первый изъ тѣхъ талантовъ, которые созидаютъ неисчезающее величіе націй. Но что выражало его полувеселое и полузадумчивое лице? О, къ его душѣ, вѣрно, тѣснилось все прошедшее—одно, что не измѣняется никогда въ своей прелести. Онъ вѣрно проходилъ мыслію по этому чудному пути, который указало ему тайное Провидѣніе, чтобы темное, заботамъ и трудамъ обреченное дитя увѣнчано было въ старости по единодушному отзыву всего отечества." Когда Крыловъ, вставъ изъ-за стола, проходилъ близъ хоръ, на него посыпались цвѣты и лавровые вѣнки. Онъ съ чувствомъ благодарилъ дамъ за ихъ трогательное вниманіе къ нему—и, взявъ одинъ изъ вѣнковъ, роздалъ изъ него по листку друзьямъ своимъ. Въ заключеніе празднества, по приглашенію председателя его, всѣ присутствовавшіе согласились участвовать, чтобы, въ память этого событія, выбита была медаль съ изображеніемъ Крылова. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ напечатано было въ Коммерческой газетѣ объявленіе: „Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ воспоминаніе совершившагося пятидесятилѣтія литературнаго поприща И. А. Крылова, изъявить Высочайшее соизволеніе не только на выбитіе на счетъ казны медали съ его портретомъ, но и на открытіе подписки для учрежденія стипендіи, подъ названіемъ: *Крыловской*, чтобы проценты съ собранной суммы были употребляемы на взносъ въ одно изъ учебныхъ заведеній для воспитанія въ немъ, смотря по суммѣ, одного, или нѣсколькихъ молодыхъ людей. Сообразно съ сею Высочайшею волею, Министръ Финансовъ приглашаетъ желающихъ почтить знаменитаго нашего баснописца, принявъ участіе въ дѣлѣ, которое съ подвигомъ благотворительности связуетъ одно изъ любезнѣйшихъ для всякаго Русскаго именъ." Послѣ учрежденія стипендіи, Крыловъ пожелалъ, чтобы ею воспользовался мальчикъ, Степанъ Кобеляцкій, сирота безъ отца и безъ матери, сынъ подпоручика Алексѣя Степановича Кобеляцкаго, бывшаго помѣщика Черниговской губерніи Нѣжинскаго уѣзда. Его помѣстили въ 3-ю Санктпетербургскую гимназію. Въ 1845 году молодой человѣкъ уже поступилъ въ Императорскій Санктпетербургскій университетъ по юридическому факультету.

Въ 1839 г. И. А. Крыловъ избралъ въ свои стипендіаты еще молодаго человѣка, который опредѣленъ былъ во 2-ю Санктпетербургскую гимназію. Это сынъ Главной Надзирательницы при Сиротскомъ Институтѣ Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома Анны Ѳедоровны Оомъ, вдовы учителя Морскаго кадетскаго корпуса, которая до замужества своего жила въ домѣ Оленина. Крыловъ, знавшій ее почти съ ея дѣтства, до смерти своей сохранилъ къ ней то уваженіе и дружбу, которыя внушаются прекрасными качествами сердца, высокообразованнымъ умомъ и наилучшимъ воспитаніемъ. Молодой человѣкъ, сынъ ея,

Теодоръ Оомъ, въ Іюлѣ 1846 года, изъ гимназіи поступилъ въ Императорскій Санктпетербургскій Университетъ.

XXVII.

Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу. Высочайше предписано было производить ему пенсіи изъ Государственнаго Казначейства по 5,700 р. ас. что съ пенсіею, которую получалъ онъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества, составляло 11.700 р. ас. Онъ переѣхалъ жить на Васильевскій островъ въ домъ купца Блинова, что въ первой линіи. Отсюда еще менѣе сталъ выѣзжать онъ въ свѣтъ. Даже въ англійскомъ клубѣ видали его рѣдко. Изъ его короткихъ знакомыхъ жили съ нимъ по сосѣдству только двое: въ первомъ кадетскомъ корпусѣ Я. И. Ростовцевъ и въ университетѣ Плетневъ. Они еще навѣщали его. Онъ какъ-будто отяжелѣлъ. Впрочемъ, тучность издавна одолѣвала его. Онъ самъ очень мило подшучивалъ иногда надъ нею. Въ блистательномъ маскарадѣ. бывшемъ у Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ всѣ характерные костюмы подобраны были съ такимъ вкусомъ и разнообразіемъ, Крыловъ. нарядившись музою Таліею, произнесъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ стихи. и между-прочимъ сказалъ:

„Люблю, гдѣ случай есть. пороки пощипать —
Все лучше-таки ихъ немножко унимать.
Однако-жъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему; а это жаль — безъ дѣла
Я, право, ужъ боюсь, чтобы не потолстѣла.

Послѣднюю изъ басень своихъ (*Вельможа*) написалъ онъ еще въ 1835 году. Онъ ее читалъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ также въ маскарадѣ. бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ. гдѣ Крыловъ былъ одѣтъ кравчимъ, въ Русскомъ кафтанѣ. шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанной сѣдой бородою. Отъ стихотвореній въ другихъ родахъ отказался онъ давно. Были однако-же случаи, при которыхъ онъ брался за перо. Такъ. еще въ 1824 году. написалъ онъ Анакреонтическую оду свою *три поцѣлуя*, въ воспоминаніе самой пріятной для него шутки трехъ молоденькихъ почитательницъ его таланта. Послѣ обѣда у Оленина онъ сѣлъ въ кресла и заснулъ. Не зная. какъ учтивѣе разбудить его. эти Граціи сговорились поцѣловать его по-очередно одна за другою. Въ послѣдній разъ сидѣлъ онъ надъ риѳмою чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего юбилея. Это было одно изъ самыхъ грустныхъ для него событій: 3-го Іюня 1838 года скончалась Е. М. Оленина. Онъ почтилъ ея прахъ эпитафіею. которая и вырѣзана на ея над-

гробномъ камнѣ. Замѣчательно, что Крыловъ отдѣлкою языка въ лучшихъ басняхъ своихъ нисколько не напоминаетъ блестящей школы Жуковскаго. Есть что-то, такъ сказать, увѣсистое въ стихахъ его какъ въ немъ самомъ. Однако-же тутъ нѣтъ и того, что называется недоконченностію обработки. Напротивъ, ни на одномъ словѣ не задумаешься и не пожелаешь перемѣны его, или перестановки. Эти стихи не доставались Крылову такъ легко, какъ думаютъ. Онъ иногда десять разъ совершенно по-новому передѣлывалъ одну и ту-же басню. Особенно пришлось ему помучиться надъ баснею *Дубъ и Трость.* Конечно, главною тутъ причиной былъ превосходный образецъ Дмитріева. Совершенно выправленныя басни Крыловъ любилъ начисто переписывать самъ, на особомъ листкѣ каждую. Только старинный почеркъ его былъ такъ неразборчивъ, что иныя изъ своихъ рукописей подъ конецъ никакъ не могъ онъ разобрать и самъ.

Въ отшельнической жизни своей, Крыловъ нашелъ забаву, обучая дѣтей грамотѣ и прослушивая ихъ уроки музыки. Онъ усыновилъ семейство крестницы своей (стран. LXXII, стр. 14), которое и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Ему весело было, когда около него играли дѣти, съ которыми дома обѣдалъ онъ и чай пилъ. Дѣвочка, по имени Надинька, особенно утѣшала его. Ея понятливость и способности къ музыкѣ часто выхвалялъ онъ какъ что-то необыкновенное. Въ сношеніяхъ своихъ съ обществомъ, когда явно требовало того приличіе, онъ по-прежнему оставался человѣкомъ совѣстливо-внимательнымъ. 8 Февраля 1844 года Санктпетербургскій университетъ праздновалъ торжественнымъ актомъ первое свое двадцатипятилѣтіе. Крыловъ съ 1829 года былъ почетнымъ членомъ университета. Отъ Ректора онъ получилъ приглашеніе на приготовлявшійся ученый праздникъ, который долженъ былъ происходить во вторникъ. Наканунѣ этого дня, въ комнату Ректора Крыловъ является въ мундирѣ. „Что это значитъ, Иванъ Андреевичъ?“— Ахъ, какъ я усталъ, отвѣчаетъ онъ. Дайте отдохнуть. Высоко всходить къ вамъ.—Усѣвшись и отдохнувъ, онъ разсказалъ Ректору, что, по разсѣянности своей, непростительно ошибся, читая приглашеніе, и пріѣхалъ на актъ вмѣсто вторника въ понедѣльникъ. Тогда-же и другая бѣда случилась съ нимъ. Выходя изъ экипажа у подъѣзда, онъ поскользнулся на тротуарѣ и упалъ. „По-крайней-мѣрѣ, будьте свидѣтелемъ, прибавилъ онъ, что я цѣню дорого вниманіе ко мнѣ университета. Завтра ужъ я могу и не пріѣхать.“ Ректоръ не могъ не упрашивать его о томъ-же, такъ-какъ холодъ доходилъ тогда до 20 градусовъ. Въ этомъ-же мѣсяцѣ онъ снова явился въ университетской залѣ, привлеченный всегдашнею любовію въ музыкѣ и славою Віардо-Гарціи. Она пріѣхала пѣть въ одномъ изъ университетскихъ концертовъ, ежегодно устраиваемыхъ студентами въ пользу тѣхъ изъ своихъ товарищей, которымъ нужно денежное вспомоществованіе для окончанія ученія. Крыловъ изъ концерта зашелъ на вечеръ къ ректору, чтобы потолковать о знаменитой пѣвицѣ и вообще о музыкѣ. Онъ на-

шелъ тамъ знатока и страстнаго любителя музыки Князя Г. П. Волконскаго, бывшаго тогда Попечителемъ здѣшняго учебнаго округа. Кажется, это было послѣднее свиданіе Крылова съ островскимъ его сосѣдомъ, которому онъ двадцать пять лѣтъ оказывалъ неизмѣнное дружелюбіе.

XXVIII.

Во всю жизнь Крыловъ пользовался завиднымъ здоровьемъ, благодаря той простотѣ, въ которой онъ выросъ и которая навсегда такъ много доставляетъ выгодъ и преимуществъ бѣднымъ людямъ надъ богатыми. Неумѣренность въ пищѣ и сидячая жизнь не могли ослабить физической его крѣпости, захваченной имъ въ дѣтствѣ. Правда, еще задолго до послѣдней болѣзни своей, онъ два раза, въ разныя эпохи, чувствовалъ легкіе припадки паралича. Но и они, миновавъ безъ гибельныхъ послѣдствій, не заставили его озаботиться что-нибудь перемѣнить въ образѣ жизни. Съ удивительнымъ спокойствіемъ, - даже съ какою-то непонятною шутливостію, передъ самой смертію своей, говорилъ онъ о бывшемъ у него параличѣ, когда Я. И. Ростовцовъ, желая пригласить къ нему отца его духовнаго, спросилъ какъ-бы невзначай, не мнителенъ-ли Иванъ Андреевичь. „А вотъ я что-то разскажу вамъ, и вы узнаете, отвѣчалъ онъ, мнителенъ-ли я. Давно какъ-то, ужъ не помню, сколько лѣтъ тому назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю ее доктору и спрашиваю, что-бы это значило? Вотъ какъ вы-же, онъ напередъ и вывѣдываетъ у меня, не мнителенъ-ли я. Нѣтъ, говорю. Такъ съ вами, сказалъ онъ, можетъ сдѣлаться параличъ. Да нельзя-ли какъ отвратить эту бѣду? Можно: вамъ надобно во всю жизнь не ѣсть мяснаго и быть вообще очень осторожнымъ.“ — Вы, безъ сомнѣнія, спросилъ Я. И. Ростовцевъ, строго исполняли это? — „Да; исполнялъ мѣсяца два.“ — А потомъ? — „А потомъ нисколько и не думалъ объ этомъ, какъ сами, конечно, замѣтили. Вотъ какъ я не мнителенъ“, заключилъ Крыловъ. Равнодушіе и безпечность еще замѣтнѣе сдѣлались въ немъ въ послѣднее время жизни. Случилось, что открылся пожаръ въ домѣ, смежномъ съ его квартирою. Торопливо увѣдомивъ о томъ Крылова, люди его бросились спасать разныя вещи отъ видимой опасности и неотступно просили, чтобы онъ поспѣшилъ собрать тѣ изъ своихъ бумагъ и дорогихъ вещей, которыхъ потеря необходимо разстроитъ остатокъ жизни его. Но онъ, противъ обыкновенія, не спѣшилъ и на пожаръ взглянуть. Не обращая вниманія на крикъ и слезы, онъ не одѣвался, приказалъ готовить себѣ чай — и, выпивъ его не торопясь, закурилъ еще сигару. Кончивъ это все, началъ онъ одѣваться какъ-бы не хотя. Потомъ, вышедши на улицу, поглядѣлъ на горѣвшее зданіе — и, какъ знатокъ дѣла, сказалъ только: „не для чего перебираться.“ Онъ возвратился въ свою комнату и скоро улег-

ся спать. Не задолго до его послѣдней болѣзни, изъ Парижа присланы были къ нему для поправки листы, на которыхъ печаталось его жизнеописаніе для біографическаго словаря достопамятныхъ людей. „Пускай пишутъ обо мнѣ, что хотятъ,“ сказалъ онъ, откладывая бумаги—и, только уступивъ усильнымъ просьбамъ бывшихъ при этомъ свидѣтелей, внесъ туда нѣсколько замѣтокъ.

XXIX.

Предсмертная болѣзнь Крылова произошла отъ несваренія пищи въ желудкѣ. Разъ, вечеромъ, по всегдашнему обыкновенію своему, для ужина приказалъ онъ приготовить себѣ протертыхъ рябчиковъ въ видѣ каши, и облилъ ее масломъ. Это тяжелое кушанье въ прежнее время не оказалось-бы для него вреднымъ; но на 77 году жизни его вышло противное. Помощь врачей не спасла поэта. Онъ и въ эти минуты сохранялъ, сколько могъ, спокойствіе и даже нѣкоторую веселость. Разговаривая, о чемъ-бы-то ни было, онъ всегда пояснялъ свои мысли апологами для которыхъ въ памяти своей, или даже въ предметахъ, имъ тутъ-же видимыхъ, мгновенно находилъ матеріалы. Такъ и про случившееся теперь съ нимъ послѣднее несчастіе онъ разсказалъ Я. И. Ростовцову слѣдующую басню: „Мужикъ собрался отвести на продажу возъ сушеной рыбы. Лошаденка у него была измученная и слабая. Не смотря на то, онъ навалилъ поклажи столько, сколько можно было увязать. Глядѣвшіе на все это сосѣди смѣялись надъ нимъ и предсказывали, что быть бѣдѣ съ его лошадью. А мужикъ имъ въ отвѣтъ все одно: да вѣдь рыба-то сушеная. Но дорóгою убѣдился онъ, что непомѣрная тяжесть должна свалить лошаденку, хоть и сушеною рыбою надсадишь ее. Вотъ и со мною вышло то-же. Не обременятъ желудка рябчики, подумалъ я: вѣдь они протертые. А лишекъ-то все не хорошъ, какъ его ни возьми.“

Когда опасность усилилась, Крыловъ пожелалъ исполнить Христіанскій долгъ. Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ онъ глазами отца своего духовнаго и съ сердечною благодарностію принялъ утѣшеніе святой вѣры. Передъ самою кончиною, онъ попросилъ перенести себя въ кресла, но, почувствовавъ тоску, сказалъ: „тяжело мнѣ“—и снова пожелалъ лечь на постелю. Тамъ скоро произнесъ онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ: „Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои.“ Послѣдовавшій за тѣмъ глубокій вздохъ былъ послѣднимъ въ его жизни. Онъ скончался утромъ въ четвергъ въ ³/₄8 часа 9 Ноября 1844 года (который былъ високосный), 76 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 7 дней отъ-роду.

У Крылова не осталось родственниковъ, кромѣ усыновленнаго имъ семейства крестницы его Савельевой. Душеприкащикомъ по духовному его завѣщанію, па-

значенъ Я. И. Ростовцовъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ Академіи Наукъ и университету принять участіе въ печальномъ сопровожденіи покойнаго въ церковь Исакіевскаго собора и при погребеніи его на кладбищѣ Александроневской лавры. Крыловъ въ Академіи былъ дѣйствительнымъ членомъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, а въ университетѣ, какъ выше означено, почетнымъ. Государь Императоръ, въ изъявленіе Высочайшаго вниманія Своего къ литературнымъ заслугамъ Крылова, повелѣть соизволилъ исчисленную на погребеніе сумму 9 т. р. ас. отпустить изъ Государственнаго Казначейства. Церковь Св. Исаакія Далматскаго едва могла вмѣщать собравшихся туда на послѣднее прощаніе съ народнымъ баснописцемъ. Викарій Санктпетербургскій, преосвященный Іустинъ совершалъ литію, а надгробное слово произнесъ протоіерей Исакіевскаго собора А. И. Маловъ. Первые сановники государства несли гробъ изъ церкви. На траурныхъ принадлежностяхъ, вмѣсто герба, находилось изображеніе медали, выбитой въ память пятидесятилѣтняго юбилея Крылова. Студенты Санктпетербургскаго университета поддерживали балдахинъ и несли ордена покойнаго. Народъ, столпившійся при погребальномъ шествіи, занялъ весь Невскій проспектъ. Въ Александроневской лаврѣ, послѣ божественной литургіи, обрядъ отпѣванія совершалъ высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ Новгородскій, Санктпетербургскій, Эстляндскій и Финляндскій съ Аѳанасіемъ, епископомъ Винницкимъ и викаріемъ Іустиномъ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ въ день юбилея. Передъ закрытіемъ гроба, Министръ Народнаго Просвѣщенія положилъ туда медаль, поднесенную поэту въ воспоминаніе 2 Февраля 1838 года. Крыловъ погребенъ на такъ называемомъ новомъ кладбищѣ подлѣ Гнѣдича, откуда видна и Карамзина гробница съ умилительною надписью: „блажени чистіи сердцемъ.“

На другой день по кончинѣ Крылова болѣе тысячи особъ въ Санктпетербургѣ получили по экземпляру басень его, которыя, начавъ печатать въ 1843 году и кончивъ изданіе подъ собственнымъ надзоромъ, онъ не успѣлъ еще пустить въ свѣтъ. Всѣ эти книги разосланы были въ траурной оберткѣ съ слѣдующими словами, припечатанными на первомъ заглавномъ листкѣ: „Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санктпетербургъ. 1844. 9 Ноября. 3/48-го утромъ.“ Драгоцѣнный этотъ подарокъ дѣйствительно предназначаемъ былъ самимъ Крыловымъ въ изъявленіе благодарности лицамъ, участвовавшимъ въ составленіи юбилейнаго для него торжества. Онъ не успѣлъ удовлетворить желанія сердца своего. Ревнуя къ чести его и доброй о немъ памяти, вѣрный каждой его мысли, душеприкащикъ прекрасно исполнилъ его намѣреніе.

XXX.

Утрата, которую живо почувствовали всѣ, мгновенно обратила мысли къ одному предмету—увѣковѣчить для Россіи память Крылова видимымъ образомъ. Единодушное желаніе предупредило всякой холодный судъ въ этомъ дѣлѣ. И можно-ли усомниться въ правахъ Крылова на памятникъ? Онъ, безъ власти, не достигнувшій знатности, не обладавшій богатствомъ, жившій почти затворникомъ, безъ усиленной дѣятельности, наполнилъ собою помышленія милліоновъ людей, вселился въ ихъ душу и навѣкъ остался присутственнымъ въ ихъ умѣ и памяти. О немъ-то должно повторить, что̀ древніе сказали про Гомера: „онъ каждому, и юношѣ и мужу и старцу, столько даетъ, сколько кто взять можетъ.“ Есть люди, которые видятъ въ Крыловѣ только поэта для дѣтей. Правда, ни изъ чьихъ сочиненій дѣти не извлекутъ столько пользы, какъ изъ его басень. Но мыслящій человѣкъ почерпнетъ и еще болѣе. Есть мудрость, доступная всѣмъ возрастамъ. Но, во всей глубинѣ своей, она можетъ быть постигнута только умомъ зрѣлымъ. То, что составляетъ самое существенное достоинство сочиненій Крылова, не можетъ потерять цѣны своей отъ измѣненій вкуса, языка и требованій времени. На него никогда не пройдетъ мода, потому-что успѣхъ его отъ нея никогда и не зависѣлъ. Никто не откинетъ Крылова, кто читаетъ для того, чтобы окрѣпнуть умомъ и обогатиться опытностію.

Его Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на исполненіе общаго желанія. Комитетъ, составленный для приведенія въ дѣйствіе Высочайшей воли, немедленно напечаталъ свое объявленіе о памятникѣ Крылову, въ проектѣ написанное членомъ Комитета княземъ П. А. Вяземскимъ. Оно помѣщается здѣсь, потому-что въ жизнеописаніе Крылова вноситъ прекрасную характеристику.

„По всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ благоволилъ изъявить Всемилостивѣйшее согласіе на сооруженіе памятника Ивану Андреевичу Крылову и на повсемѣстное по Имперіи открытіе подписки для собранія суммы, потребной на исполненіе сего предпріятія.

„Вслѣдъ за тѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ Комитетъ для открытія подписки и всѣхъ распоряженій по этому дѣлу.

„Памятники, сооружаемые въ честь знаменитымъ соотечественникамъ, суть высшія выраженія благодарности народной; въ нихъ освящается и увѣковѣчивается память прошедшаго; въ нихъ преподается назидательный и поощрительный урокъ грядущимъ поколѣніямъ.

„Правительство, въ семейномъ сочувствіи съ народомъ, объемля просвѣщеннымъ вниманіемъ и гордою любовію всѣ заслуги, всѣ отличія, всѣ подвиги знаменитыхъ мужей, прославившихся въ отечествѣ, усыновляетъ ихъ и за предѣломъ

жизни, и возноситъ незыблемую память ихъ надъ тлѣнными могилами смѣняющихся поколѣній.

„Историческія эпохи въ жизни народа имѣютъ свои памятники. Димитрій Донской, Ермакъ, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ, Петръ Великій, Александръ Благословенный, Суворовъ, Румянцовъ, Кутузовъ, Барклай, въ нѣмомъ краснорѣчіи своемъ, повѣствуютъ о своей и нашей славѣ: въ неподвижномъ величіи стоятъ они на стражѣ независимости и непобѣдимости народной. Но и другія дѣянія и другіе мирные подвиги не остались также безъ вниманія и безъ народнаго сочувствія. Памятники Ломоносова, Державина, Карамзина краснорѣчиво о томъ свидѣтельствуютъ. Сіи памятники, сіи олицетворенія народной славы, разбросанные отъ береговъ Ледовитаго моря до восточной грани Европы, знаменіями умственной жизни и духовной силы населяютъ пространство нашего необозримаго отечества. Подобно Мемноновой статуѣ, сіи памятники издаютъ, въ обширныхъ и холодныхъ степяхъ нашихъ, краснорѣчивые и жизнодательные голоса подъ солнцемъ любви къ отечеству и нераздѣльной съ нею любви къ просвѣщенію.

„Подобно тремъ поименованнымъ писателямъ, и Крыловъ неизгладимо врѣзалъ имя свое на скрижаляхъ Русскаго языка.

„Русскій умъ олицетворился въ Крыловѣ и выражается въ твореніяхъ его. Басни его—живой и вѣрный отголосокъ Русскаго ума съ его смѣтливостью, наблюдательностью, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостью и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ. Стихи его отразились живымъ впечатлѣніемъ въ умѣ читателей его. И кто-же въ Россіи не принадлежитъ къ числу его читателей? Всѣ возрасты, всѣ званія, нѣсколько поколѣній съ нимъ, начиная отъ воспріимчиваго и легкомысленнаго дѣтства до охладѣвшей и разсудительной старости, отъ избраннаго круга образованныхъ цѣнителей дарованія до низшихъ степеней общества, до людей мало доступныхъ обольщеніямъ искусства, но одаренныхъ природною понятливостью, и для коихъ голосъ истины и здраваго смысла, облеченный въ слово животрепещущее, всегда вразумителенъ и привлекателенъ.

„Крыловъ, нѣтъ сомнѣнія, извѣстенъ у насъ многимъ изъ тѣхъ, для коихъ грамота есть таинство еще недоступное. И тѣ знаютъ его по наслышкѣ, затвердили нѣкоторые стихи его съ голоса, по изустному преданію, и присвоили ихъ себѣ какъ пословицы, сіи выраженія общей народной мудрости. Грамотная, печатная память его не умретъ: она живетъ въ десяткахъ тысячь экземпляровъ басней его, которыя перешли изъ рукъ въ руки, изъ рода въ родъ; она будетъ жить въ несчетныхъ изданіяхъ, которыя въ теченіе времени передадутъ славу его дальнѣйшему потомству, пока останется хоть одно Русское сердце — и отзовется оно на родной звукъ Русскаго языка. Крыловъ свое дѣло сдѣлалъ. Онъ подарилъ Россію

славою незабвенною. Нынѣ пришла очередь наша. Недавно праздновали мы пятидесятилѣтній юбилей его литературной жизни. Нынѣ, когда его уже не стало, равномѣрно отблагодаримъ его достойнымъ образомъ: сотворимъ по немъ народную тризну, увѣковѣчимъ благодарность нашу, какъ онъ увѣковѣчилъ даръ, принесенный имъ на алтарь отечества и просвѣщенія. Кто изъ Русскихъ не порадуется, что Русскій Царь, который благоволилъ къ Крылову при жизни его, благоволитъ и къ его памяти? Кто не порадуется, что Онъ милостивымъ, живительнымъ словомъ разрѣшаетъ народную признательность принести знаменитому современнику возмездіе за жизнь, которая такъ звучно, такъ глубоко отозвалась въ общественной жизни нѣсколькихъ поколѣній? Нѣтъ сомнѣнія, что общій голосъ откликнется радушнымъ отвѣтомъ на вызовъ соорудить памятникъ Крылову—и поблагодаритъ Правительство, которое угадало и предупредило общее желаніе.

„Заботясь о томъ, чтобы вполнѣ осуществить сіе желаніе и сдѣлать исполненіе его доступнымъ всѣмъ и каждому, Комитетъ постановилъ себѣ первымъ правиломъ принимать всякое приношеніе, начиная отъ щедрой дани богатаго ревнителя отечественной славы до скромнаго и малозначительнаго пожертвованія смиреннаго добродателя. Кто захочетъ опредѣлить границу благодарности? И тѣмъ болѣе кто возьмется установить крайнюю цѣну ея, ниже чего ей и показаться нельзя? Благодарности и добровольному выраженію ея предоставляется полная свобода. Крыловъ принадлежитъ всѣмъ возрастамъ и всѣмъ званіямъ. Онъ болѣе, нежели литераторъ и поэтъ. Въ этомъ выраженіи есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногихъ; но кругъ дѣйствія его былъ обширнѣе и всенароднѣе. Слишкомъ смѣло было-бы сравнивать письменныя заслуги, хотя и блистательныя, съ историческими подвигами гражданской доблести. Но, вспомня Минина, который былъ *выборный человѣкъ отъ всея Русскія земли*, нельзя-ли, безъ всякаго примѣненія къ лицамъ и событіямъ, сказать о Крыловѣ, что онъ *выборный грамотный человѣкъ всей Россіи?* Голосъ его раздался и будетъ раздаваться въ столицахъ и селахъ, на ученическихъ скамьяхъ дѣтей, подъ сѣнью семейнаго крова, въ роскошныхъ палатахъ и въ храминахъ науки и просвѣщенія, въ лавкѣ торговца и въ трудолюбивомъ пріютѣ грамотнаго ремесленника. Пусть и голосъ благодарности отзовется отовсюду.

„Памятникъ Крылову воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ. И гдѣ-же быть ему, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіею. Не былъ-ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, онъ-же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ Петербургскихъ жителей не зналъ его по-крайней-мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ, широкимъ лицомъ, на коемъ

отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучею, обросшею сѣдыми волосами львиною головою, не даромъ приданною баснописцу, который также повелитель звѣрей, этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи Богатыря? Кто, и незнакомый съ нимъ, встрѣтя его, не говорилъ: *вотъ дѣдушка Крыловъ!* и мысленно не поклонялся поэту, который былъ близокъ каждому Русскому.

„Художнику, призванному увѣковѣчить изображеніе его, не нужно будетъ идеализировать свое созданіе. Ему только слѣдуетъ быть вѣрнымъ истинѣ и природѣ. Пусть представитъ онъ намъ подлинникъ въ живомъ и, такъ сказать, буквальномъ переводѣ. Пусть явится передъ нами въ строгомъ и вѣрномъ значеніи слова вылитый Крыловъ. Тутъ будетъ и дѣйствительность и поэзія. Тутъ сольются и въ стройномъ цѣломъ обозначатся общее и высокое понятіе объ искусствѣ и олицетворенный снимокъ съ частнаго самобытнаго образца, въ которомъ рѣзко и живописно выразились черты Русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни.

„Всѣ суммы, которыя будутъ собраны по подпискѣ, до приступа къ исполненію предположенія, должны храниться въ казначействѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Пожертвованія можно обращать прямо въ Министерство; принимаются также Гг. Губернскими Предводителями Дворянства и Градскими Главами, отъ которыхъ всѣ сборы по губерніямъ будутъ сосредоточиваться у Гг. Гражданскихъ Губернаторовъ. По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія порученіе это возложено, подъ распоряженіемъ Гг. Попечителей учебныхъ округовъ, на Директоровъ училищъ въ губерніяхъ.“ Подписали:

Президентъ Академіи Наукъ *С. Уваровъ.*

Почетный Членъ Академіи Наукъ Графъ *Д. Блудовъ.*

Вице-Президентъ Академіи Наукъ Князь *Дондуковъ-Корсаковъ.*

Дѣйствительный Членъ Академіи Наукъ Князь *П. Вяземскій.*

Ректоръ С. Петербургскаго Университета *П. Плетневъ.*

Душеприкащикъ И. А. Крылова *Я. Ростовцовъ.*

XXXI.

Высочайше утвержденное „Объявленіе о подпискѣ на сооруженіе памятника И. А. Крылову“ напечатано было въ вѣдомостяхъ, по распоряженію Комитета, въ Январѣ 1845 года. При содѣйствіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ, приглашены къ къ участію въ принятіи пожертвованій Предводители дворянства и градскіе Главы. Къ Попечителямъ учебныхъ округовъ разосланы экземпляры объявленій о подпискѣ. Такія-же сообщенія послѣдовали и къ другимъ министерствамъ. Департаменту Ми-

нистерства Народнаго Просвѣщенія предписано особо хранить доставляемыя на сооруженіе памятника суммы и вести имъ особый счетъ впредь до новаго распоряженія Комитета. Всеобщее сочувствіе къ памяти Крылова высказалось быстро и повсемѣстно. Видимо было, что это патріотическое предпріятіе оживило сердце Россіи. Первыя приношенія появились въ Январѣ-же, когда напечатали и объявленіе. Въ Мартѣ того-же года, бывшій тогда Профессоромъ Казанскаго Университета (нынѣ Дерптскаго), *Н. А. Ивановъ*, просилъ позволенія, что и было ему разрѣшено, читать публичныя лекціи по предмету Русской Исторіи, съ тѣмъ, чтобы собранныя деньги приняты были въ число пожертвованій на памятникъ. Для доставленія возможности каждому слѣдовать за возвышеніемъ жертвуемыхъ суммъ, въ вѣдомостяхъ постоянно печатались списки приносителей съ ихъ взносами. Еще въ Апрѣлѣ, тоже 1845 года, изъ Департамента внесено было въ Заемный Банкъ 1.590 р., а въ Іюлѣ 10.015 р.

Къ первымъ соображеніямъ касательно самаго памятника Комитетъ приступилъ только въ 1848 г. Въ засѣданіи его 23 Апрѣля, Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ С. С. Уваровъ, сообщилъ членамъ, что, не считая процентовъ, накопившихся на нѣкоторыя части собранной суммы, внесенныя въ государственныя кредитныя установленія, собранный капиталъ состоялъ тогда изъ 29.425 р. 51 к. Приглашенный къ участію въ совѣщаніяхъ комитета, Конференцъ-Секретарь Академіи Художествъ, В. И. Григоровичъ представилъ смѣты по сооруженію памятниковъ Державину и Карамзину, изъясняя, что имѣющаяся въ виду сумма обезпечиваетъ возможность отлить бронзовую статую въ 5 аршинъ, или сидячую фигуру въ 4 аршина, съ барельефами и пьедесталомъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Графъ Уваровъ представлялъ на Высочайшее усмотрѣніе, что, ежели невозможно воздвигнуть памятникъ посреди сквера предъ Александринскимъ театромъ, а должно будетъ поставить его на Васильевскомъ островѣ между Университетомъ и Академіею Наукъ, то, по мнѣнію Комитета, пространство между этими зданіями, прилегающее къ набережной Невы, представляетъ болѣе удобности для установки памятника, нежели площадь предъ срединою Университетскаго дома и скверомъ Биржи. Въ то-же время, при поднесеніи Государю Императору плана упоминаемой мѣстности, обращено Высочайшее вниманіе на имена художниковъ, которымъ Комитетъ предполагалъ поручить заготовленіе проэктовъ совершенія труда. Изъ числа скульпторовъ, находившихся въ отечествѣ, названы: *Витали Баронъ-Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ* и *Теребеневъ*, а изъ бывшихъ за границею: *Пименовъ* и *Ставассеръ*. 7 Мая 1848 года, Его Императорское Величество изволилъ повелѣть Комитету снестись съ Министромъ Императорскаго Двора объ открытіи конкурса между названными художниками, а указаніе мѣста для памятника угодно было Государю Императору предоставить Себѣ.

Въ Ноябрѣ 1849 года, отъ Министра Императорскаго Двора, получено въ Комитетѣ увѣдомленіе, что Государь Императоръ изволилъ Высочайше утвердить проэктъ памятника Крылову, составленный Профессоромъ Барономъ Клодтомъ. Прежде приступленія къ исполненію проэкта потребовано свѣдѣніе о суммѣ, собранной по 1-е Декабря 1849 года. Оказалось въ билетахъ Заемнаго Банка 29,571 р. 33 к.; процентовъ-же на нихъ причиталось 5.109 р. 11¼ к. Слѣдовательно въ распоряженіи Комитета было 34.680 р. 44¼ к. На всеподданнѣйшемъ докладѣ объ указаніи мѣста для памятника, Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно написать: „Въ Лѣтнемъ Саду: а мѣсто укажу Министру Двора."

Еще въ Сентябрѣ 1849 года Графъ С. С. Уваровъ застигнутъ былъ болѣзнію, которая лишала его силъ продолжать службу въ должности Министра. По этому обстоятельству въ засѣданіи Комитета 30 Декабря того-же года предсѣдательствовалъ Графъ Д. Н. Блудовъ. Въ собраніе приглашены были: Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, Конференцъ-Секретарь Академіи Художествъ В. И. Григоровичъ и Профессоръ Баронъ П. К. Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ. Комитетъ, по выслушаніи предшествовавшихъ обстоятельствъ дѣла, обратился къ ближайшему разсмотрѣнію слѣдующихъ предметовъ.

1. На Высочайше утвержденномъ рисункѣ памятникъ представленъ только съ одной лицевой стороны. По словесному объясненію Барона Клодта, онъ будетъ украшенъ со всѣхъ другихъ сторонъ барельефами-же подъ сидящею фигурою Крылова, взятыми изъ содержанія нѣсколькихъ басень, и исполненіе ихъ художникъ намѣренъ представить въ модели. Одобривъ эту мысль, Комитетъ предоставилъ скульптору сочиненіе барельефовъ и сверхъ того приличныхъ изображеній въ медальонахъ, которые-бы помѣщены были на боковыхъ и задней сторонахъ, а на передней назначилъ сдѣлать надпись: *Крылову*, въ такомъ-то году, разумѣя годъ открытія монумента.

2. Баронъ Клодтъ представилъ смѣту расходовъ на приготовленіе двухъ моделей и на сооруженіе самаго памятника, принимая на себя исполненіе его во всѣхъ отношеніяхъ подъ надзоромъ Совѣта Академіи Художествъ. Сидящая фигура Крылова и подъ нею барельефы предположены изъ бронзы, а пьедесталъ изъ чернаго Сердобольскаго гранита. На всѣ матеріалы и работы, по исчисленію скульптора, требовалось денегъ 41,000 р. сер., а въ случаѣ безденежнаго въ его распоряженіе отпуска 1,000 пудовъ мѣди, расходъ не превышалъ-бы 31.000 руб.

3. Собранной на памятникъ суммы и наросшихъ на нее процентовъ было въ то время 34,800 р. Предполагалось, что, въ продолженіе работъ, это количество денегъ можетъ, примѣрно, подняться до 36,000 р. Въ этомъ случаѣ, на удовле-

твореніе художника, недоставало-бы только 5.000 р., т. е. суммы на покупку 500 пудовъ мѣди.

На сооруженіе памятниковъ Державину, Карамзину отпущено было безвозмездно изъ казны нѣкоторое количество мѣди. По этому Комитетъ опредѣлилъ всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, чтобы на памятникъ Крылову Всемилостивѣйше повелѣно было также безвозмездно отпустить изъ казны недостающее количество мѣди. Высочайшее соизволеніе на ходатайство Комитета послѣдовало въ Февралѣ 1850 года. Мѣсто для поставки памятника указано было въ Лѣтнемъ Саду на площадкѣ передъ кофейнымъ домомъ. Художникъ, съ Мая того-же 1850 года, приступилъ къ предварительнымъ своимъ работамъ. Малая модель памятника окончена была 13 Апрѣля 1851 года. Тогда-же она была освидѣтельствована Членами Академіи Художествъ и осмотрѣна Членами Комитета. По истеченіи года, подобному освидѣтельствованію подвергнута была большая модель.

7-го Апрѣля 1854 года Баронъ Клодтъ донесъ, что какъ самая фигура, такъ и прочія части памятника съ пьедесталомъ совершенно имъ окончены для поставки. 1 Мая Члены Комитета осмотрѣли работы. Хотя 20 Мая и получено было Высочайшее разрѣшеніе, чтобы приступить къ постановкѣ монумента на указанномъ мѣстѣ, однако же, 9 февраля 1855 года, изъ Канцеляріи Министра Двора дано знать, что, вслѣдствіе словеснаго донесенія Барона Клодта Министру о неудобствѣ мѣста, указаннаго для памятника, повелѣно художнику избрать одно изъ двухъ Высочайше указанныхъ мѣстъ въ Лѣтнемъ Саду. На основаніи сего Баронъ Клодтъ для постановки памятника предпочелъ круглую площадку, гдѣ обыкновенно играютъ дѣти и гдѣ стояла статуя Діаны. Это предположеніе удостоено утвержденія Его Величества. Памятникъ открытъ былъ и осмотрѣнъ Членами Комитета 14 Мая 1855 года.

При окончаніи всѣхъ разсчетовъ, оказалось въ остаткѣ и безъ назначенія 2,463 р. 91⅓ к. По Высочайшему повелѣнію, эта сумма, 30 Іюня 1855 года, препровождена къ Военному Министру для обращенія, на память И. А. Крылова, въ пользу тѣхъ, которые были ранены въ Крыму, равно какъ и тѣхъ, которые, лишившись тамъ мужей или отцовъ, остались во вдовствѣ или сиротами.

XXXII.

Художникъ, увѣковѣчившій для Россіи образъ истинно-Русскаго поэта, воздвигъ тѣмъ и себѣ вѣчный памятникъ. Ихъ имена сольются въ потомствѣ. При видѣ этой колоссальной статуи съ барельефами, воспроизведенными такъ поэтически, такъ вѣрно природѣ, такъ легко, отчетливо и живо, возникаетъ въ душѣ

полный міръ чуднаго творчества. И поэтъ и художникъ вылились въ той изумительной степени имъ только принадлежащаго спокойствія и совершенства, за которою одно лишнее украшеніе показалось-бы изысканностію и ложью. Ни въ жизни Крылова, ни въ созданіяхъ его, ни въ самомъ языкѣ, не было искусственности, не было напряженія, тяжелаго труда, мелкихъ прикрасъ. Все приходило и передавалось по образцу того первообраза, который вѣчно передъ нами въ истинѣ, красотѣ и величіи природы. Если можно въ литературѣ нашей на чемъ-нибудь остановиться, успокоиться и чувствовать полное удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ ума и вкуса, конечно Крылова басни въ этомъ случаѣ для всѣхъ будутъ на первомъ мѣстѣ.

Таково было убѣжденіе и художника, когда онъ обдумывалъ идею монумента. Онъ чувствовалъ потребность совокупить въ новомъ своемъ созданіи олицетвореніе великой умственной силы, невозмущаемаго душевнаго покоя, геніальной, но свободной, ничѣмъ случайнымъ неуправляемой производительности, олицетвореніе той вѣчной гармоніи въ цѣломъ и въ частяхъ, въ формѣ и выраженіи, которая всегда и повсюду соприсутственна дыханію всемірной жизни. Крылову, какъ баснописцу, геній его указалъ мѣсто выше и внѣ обыкновенныхъ стремленій его современниковъ и эпохи его. Онъ даровалъ ему ту яснозерцающую мудрость, тотъ здравый, переживающій человѣческія поколѣнія смыслъ, постиженіе тѣхъ непреложныхъ истинъ, которыхъ живительное вліяніе, какъ дѣйствіе небесныхъ свѣтилъ на землю, не проходитъ, не умаляется, закрыты-ли они, или видимы. Ощущеніе и сознаніе этихъ силъ въ душѣ охраняли дѣятельность поэта отъ случайныхъ тревогъ, отъ временныхъ увлеченій, отъ мелкихъ разсчетовъ самолюбія, отъ стремленія къ какому-бы-то ни было преобладанію: они запечатлѣли его дѣятельность неизмѣнноровнымъ, прямымъ и для всякаго яснымъ развитіемъ обще-человѣческихъ истинъ, слитыхъ съ самою сущностію человѣческой природы, въ какое-бы время и въ какомъ-бы мѣстѣ ни отыскивали прямыхъ своихъ благъ смѣняющіяся поколѣнія. Всѣ эти характеристическія особенности, внимательно и глубоко изслѣдованныя вдохновеннымъ художникомъ, явились въ его произведеніи.

Главная аллея Лѣтняго Сада привлекаетъ подъ свою освѣжительную сѣнь наибольшую часть прогуливающихся. Съ самаго ранняго утра до поздняго вечера движется по ней населеніе столицы, освобождаясь или отъ обычнаго труда, или отъ скуки запертой жизни. Кто ищетъ развлеченія, кому хочется сосредоточить мысли. Поэтъ-мудрецъ, пріютившись въ сторонѣ отъ толпы, но вблизи аллеи, остается, какъ и въ продолженіе жизни своей, едва усматриваемымъ наблюдателемъ. Недвижная, спокойная, но размышляющая его фигура какъ-бы продолжаетъ духовное свое существованіе. Нечаянно взглянувъ на нее, кто не пораженъ былъ мыслію, что Крыловъ еще готовитъ про себя новый апологъ въ назиданіе обще-

ства? Ему такъ хорошо въ окружающей его зелени липъ и акацій, сквозь которыя пробиваются всегда животворные лучи солнца. Легкой шорохъ не вдали отъ него идущихъ людей, иногда оживленный между ними разговоръ, часто передаваемые въ молчаніи и вполнѣ другъ-друга понимающіе взгляды, но чаще молчаливыя, погруженныя въ размышленіе лица—все занимаетъ металлическаго наблюдателя и диктуетъ его настроенному слуху тѣ остроумныя и неожиданныя соображенія, изъ которыхъ такъ много почерпали всѣ житейской опытности.

Оградивъ своего Героя прозрачнымъ покровомъ животрепещущихъ и благоуханныхъ сѣней отъ докучныхъ толковъ и нескромныхъ взглядовъ праздной толпы, художникъ ввелъ его и по смерти въ такой-же пріютъ полууединенія, тишины и кажущейся праздности, въ которомъ, оставаясь на свободѣ, поэтъ орлинымъ полетомъ мысли обнималъ міръ и готовилъ для него дивные свои уроки. Его Герой былъ смиренный жрецъ самой робкой изъ стыдливыхъ музъ, любимецъ тружениковъ едва знаемой науки правдиваго слова, избранникъ Судьбы, не ведущей путемъ громкихъ подвиговъ на вершину земнаго величія, а пробирающейся съ любимцемъ своимъ темною тропинкой, чтобы въ душѣ его возлелѣять любовь къ вѣчной красотѣ и вѣчной истинѣ. Этотъ Герой сталъ въ ряды мирныхъ воиновъ общаго добра и просвѣщенія съ тѣмъ смиреніемъ и твердостію, за которыя вѣнчаютъ побѣдителей любовію и благодарностью. Онъ вышелъ изъ-подъ крова нужды, бѣдности и терпѣнія. Но признательное отечество почтило память его какъ одного изъ лучшихъ своихъ героевъ.

Слава Крылова не ослѣпила художника. Онъ водворилъ его тамъ, гдѣ наиболѣе привыкли сбираться дѣти. Въ этомъ не было мысли, что дышущіе простотой и легкостью разсказы поэта только и созданы для назиданія перваго возраста людей. Художникъ, посвятивъ всю силу воображенія своего воплощенію въ барельефахъ неистощимой производительности поэта, обнимающаго геніемъ цѣлый міръ, ясно показалъ, на какой высотѣ посреди писателей стоялъ передъ нимъ Крыловъ, этотъ наставникъ-философъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій. Но художникъ зналъ, что никогда спасительные уроки мудрости съ такою вѣрою и любовію не пріемлются въ сердце, никогда ихъ слѣды не печатлѣются такъ глубоко на памяти нашей и воображеніи, никогда мы такъ не способны, не готовы, такъ не близки къ чистой правдѣ и ея прелести, какъ въ томъ цвѣтущемъ возрастѣ, въ которомъ жизнь только-что разверзается для принятія впечатлѣній и вещественнаго и духовнаго міра. Окруживъ великаго мыслителя роемъ созданій, блещущихъ красотой, веселостью, граціей, свободой и очарованіемъ чистыхъ забавъ, художникъ внесъ лучшую черту въ свои соображенія объ идеалѣ памятника Крылову. Въ незлобивой душѣ поэта цѣлую жизнь хранилось дѣтское простодушіе. Въ ста-

рости онъ еще какъ дитя любилъ по преимуществу предметы, забавляющіе дѣтей. Его до глубины сердца трогали выраженія признательности дѣтей за уроки, почерпаемые ими въ басняхъ. Ближайшіе къ сердцу его представители человѣчества, пусть они со всею искренностію своей высказываютъ ему, какъ свято чтится между соотечественниками мирная память его. У подножія этого драгоцѣннаго для всѣхъ памятника, окруженнаго деревьями, они, какъ весенніе цвѣты, украшаютъ убѣжище задумавшагося поэта—и, оживляя величественную картину, озаряютъ ее восхитительнымъ блескомъ всевоскрешающей денницы.

КНИГА ПЕРВАЯ

I.

ВОРОНА и ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ.
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

—

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,

И говорить такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица, —
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!“
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло. —
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

II.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— „По истинѣ, роптать ты вправѣ на природу.“
Сказалъ онъ: „воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ-тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою я твердъ и прямъ,
Какъ-будто-бъ огражденъ ненарушимымъ міромъ:
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя-бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ-бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:

Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья."
— „Ты очень жалостливъ;" сказала трость въ отвѣтъ:
„Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но — подождемъ конца!"
Едва-лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто къ небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.

Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
— „Помилуй ты меня,“ сказалъ онъ съ удивленьемъ:
„Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ!“
— „То правда,“ отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
„Они немножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.“

—

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

IV.

ВОРОНА и КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу

Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
— „А ты, что́-жъ, кумушка, въ дорогу?“
Ей съ возу Курица кричитъ:
„Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.“
— „Мнѣ что до этого за дѣло?“
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „Я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь Воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

—

Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
Попался, какъ ворона въ супъ!

V.

ЛАРЧИКЪ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ сто́итъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

—

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.

Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: „Ларецъ съ секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отъищу секретъ, и Ларчикъ вамъ открою:
Въ Механикѣ и я чего-нибудь да стою.“
Вотъ за Ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
„Не тутъ, не такъ, не тамъ!“ Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался:
А Ларчикъ просто открывался.

VI.

ЛЯГУШКА и ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться.
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
„Смотри-ка, квакушка, что буду-ль я съ него?“
Подругѣ говоритъ.— „Нѣтъ, кумушка, далеко!“
— „Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась-ли я?“ — „Почти-что ничего.“
— „Ну, какъ теперь?“ — „Все тожъ.“ Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что не сравнявшися съ Воломъ,

Съ натуги лопнула и — околѣла.

—

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво-ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

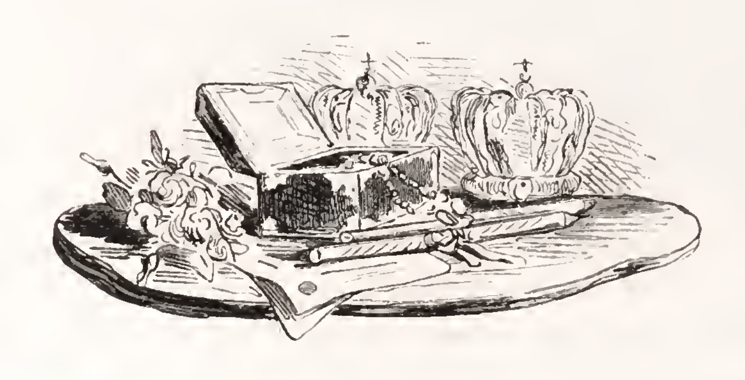
VII.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смыпиляла жениха:
Тутъ нѣтъ еще грѣха.
Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ-бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ — кто-жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ:

А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль, карманы пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не прійдетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи средней ужъ руки.
„Какіе простаки!“
Твердитъ красавица: „по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ-будто-бъ я себя замужствомъ торопила,
Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ни чуть мнѣ не пристойно.“
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ;
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили:
Ее какъ-будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что̀-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ; тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости, какъ-будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:

Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно:
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица не глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за колѣку.

VIII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Грецiи вонъ выгнали боговъ,
И по мiрянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ ословъ.
Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде Музы тутъ живали,
И говорятъ: „Не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ:
Знать, Музы свѣту надоѣли,

И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
„Смотрите же,“ кричитъ одинъ: „не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стало,
И громче девяти сестеръ
Подымемъ музыку и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.“
Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ-будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

—

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

IX.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты.
За то, отъ головы до ногъ
Обвѣшанъ и сребромъ и златомъ,
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И оиміамомъ задушенъ.

Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ-вдругъ, — о чудо, о позоръ! —
Заговорилъ Оракулъ вздоръ:
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;
И кто къ нему зачѣмъ не подойдетъ,
Оракулъ нашъ что молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякій дивовался!
Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
И такъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не путалъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

—

Я слышалъ — правда ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

X.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины:
Зефиру между-тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
— „Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть-можетъ, и меня оно бы оживило?“
— „Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!“
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
„Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь?

И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!"
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

—

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли — благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрустоляхъ,
И все его благословляетъ.

XI.

РОЩА и ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ, —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

—

Зимою Огонекъ подъ Рощей тлился;
Какъ-видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ: Огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
— „Скажи мнѣ, Роща дорогая!
За что̀ твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?
— „За тѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,“
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
— „Бездѣлица!“ Огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной: тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ:
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!“
Вотъ, дѣло слажено: ужъ въ Рощѣ Огонекъ

Становится Огнемъ, Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

XII.

ЧИЖЪ и ЕЖЪ.

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не зачто; такъ какъ-то пѣлось!
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ. — „Ты что̀ жъ,“
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:
„Пріятель, не поешь?“
— „За тѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ,“
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
„А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.“

—

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я-бъ АЛЕКСАНДРА пѣлъ.

XIII.

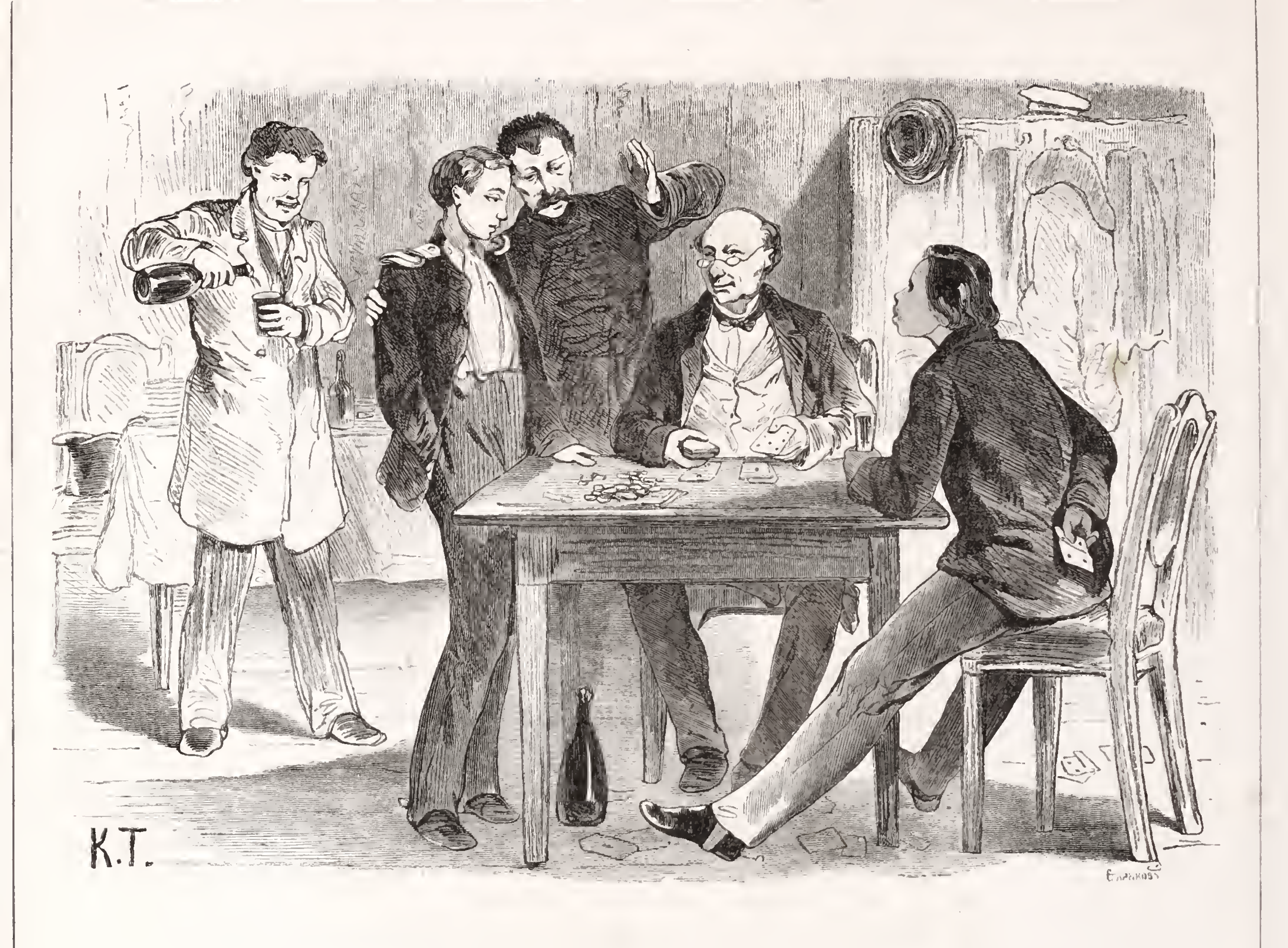
ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ Исторіи мы тму примѣровъ слышимъ,
Но мы Исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ, какъ въ Басняхъ говорятъ.

—

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: „Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое

Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тѣбя сорву."
— „Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ.
Осмѣлюсь я донесть: что ниже по ручью
Отъ Свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу."
— „Поэтому я лгу?
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!"
— „Помилуй, мнѣ еще и отъ-роду нѣтъ году,"
Ягненокъ говоритъ. — „Такъ это былъ твой братъ."
— „Нѣтъ братьевъ у меня." — „Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи."
— „Ахъ, я чѣмъ виноватъ?" — „Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать."
Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

XIV.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто Обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много Обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,

И шепчутъ всѣ другъ-другу:
— „Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ..." Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
„Что̀ жъ," говорятъ онѣ: „и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!"
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричатъ, визжатъ — веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между-тѣмъ стерегъ,
И видя что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ. чтобъ на-утёкъ.
Да ужъ никто распутаться не могъ:
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XV.

СИНИЦА.

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.

Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ Океанъ, и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самый тороватый
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
„Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!"
Ни тутъ-то̀: море не горитъ,
Кипитъ ли хоть? и не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ-свояси уплыла;
Надѣлала Синица славы,
А море не зажгла.

—

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что дѣломъ не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

XVI.

ОСЕЛЪ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ,
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и Оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но съ умыслу ль, или, имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошалъ:
А вылился Оселъ почти какъ бѣлка малъ.

Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спѣси никому Оселъ ни уступалъ.
Ослу хотѣлось бы повеличаться:
Но чѣмъ? имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру Оселъ спѣсивый мой,
И росту сталъ просить большаго.
— „Помилуй,“ говоритъ: „какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
Притомъ, съ великаго и до меньшаго,
Все рѣчь о нихъ лишь, да о нихъ;
За что жъ къ Осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ Ослахъ никто ни слова?
А если бъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спѣси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ.“
Что день, то снова
Оселъ мой то жъ Зевесу пѣлъ;
И дотого онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія Ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ Оселъ скотиной превеликой;
А сверхъ-того ему такой данъ голосъ дикой,
Что мой ушастый Геркулесъ
Пораспугалъ-было весь лѣсъ.
„Что то за звѣрь? какого роду?
Чай, онъ зубастъ? роговъ, чай, нѣтъ числа?“
Ну только и рѣчей пошло, что про Осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ все узнали, кто Оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ.
И на Ослѣ ужъ возятъ воду.

—

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша;
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

XVII.

МАРТЫШКА и ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стòитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку нà-волосъ нѣтъ въ нихъ.“
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

—

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой тòлкъ всё къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда по-знатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

XVIII.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя какъ два родные брата жили,
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ, вѣрно. тамъ;
И радость и печаль, все было по-поламъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало;
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ — летѣть
Увидѣть, осмотрѣть
Диковинки земнаго круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.

„Куда ты?“ говоритъ сквозь слезъ ему другой:
„Чтò пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?
Безсовѣстный! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны.
И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ, и малъ.
Да, чу! и вòронъ прокричалъ:
Вѣдь это, вѣрно, къ худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой!
Куда жъ еще тебѣ летѣть, не разумѣю;
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ;
Всё стану надъ тобой бояться я ненастья:
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья!“
Растрогала рѣчь эта голубка;
Жаль братца, да летѣть охота велика:
Она и разсуждать, и чувствовать мѣшаетъ.
— „Не плачь, мой милый,“ такъ онъ друга утѣшаетъ,
„Я на три дня съ тобой, не больше разлучусь.
Все нà-скоро въ пути замѣчу на полетѣ,
И осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все разскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ-будто бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной.“
Тутъ — дѣлать нечего — друзья поцѣловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался;
Кой-какъ угнѣздился, прижался

Къ нему нашъ Голубокъ;
Но ни отъ вѣтру онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ по-малу громъ. Чуть солнце просіяло,
Желанье позывать бѣдняжку далѣ стало.
Встряхнулся и летитъ, — летитъ и видитъ онъ:
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился — въ сѣти тутъ попалась наша птичка!
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По счастью, сѣть стара: кой-какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ!
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой!
Отколь ни взялся ястребъ злой;
Не взвидѣлъ свѣта Голубь мой!
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ, силы въ-короткѣ! совсѣмъ истощены!
Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ.
Тогда орелъ, съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой —
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ-тѣмъ нашъ Голубь милой,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ Голубка
— Сей возрастъ жалости не знаетъ, —
Швырнулъ и раскроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей,
Услуги, лекаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

—

О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите!

Вы эту басенку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтеся не вдругъ.
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше;
Но, вѣрьте, той земли не съищете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

XIX.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно-ль просвѣщенье?
Полезно. слова нѣтъ о томъ.
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье.
И даже. нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять.
Чтобъ не ослабить духъ ихъ. не испортить нравы.
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ-бы рѣчей на цѣлу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Такъ съ шуткой по-поламъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

—

Мужикъ, простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ Червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однакожъ пятаковъ пригоршни трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
„Постой-же," думаетъ мужикъ: „дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ."
Тутъ, взявъ песку. дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,

Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу.
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ точитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ Червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю Червонецъ потерялъ.

XX.

ТРОЕЖЕНЕЦЪ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до Царя о томъ донесся слухъ,
(А Царь былъ строгъ и не охотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ Многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать,
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покуситься-бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье:
„А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повѣшу тутъ-же всѣхъ судей вокругъ стола."
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.
Судьи толкуютъ трои сутки,
Какую-бъ выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,
Что все онѣ людей отъ зла не отъучаютъ.
Однакожъ наконецъ, ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ, для объявленья
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ, съ общаго сужденья,
Приговорили: женъ отдать ему всѣхъ трехъ.

Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что Царь велитъ повѣсить всѣхъ судей;
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ Троеженецъ удавился:
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

XXI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ, къ стыду земныхъ племенъ,
Который до того въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей, шумя, несутся въ поле.
Зачинщики, изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безтолковъ;
Что боги или спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ каменьями не трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ,
И заметать Олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,
Чтобы бѣду онъ отвратилъ:
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потопъ, иль съ трусомъ громъ,
Или хоть каменнымъ ударить въ нихъ дождемъ.
„Пождемъ".
Юпитеръ рекъ: „а если не смирятся,
И въ буйствѣ прекоснятъ, безсмертныхъ не боясь,
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся."
Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась

Тма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ богомятежныхъ;
Но съ тысячью смертей, и злыхъ, и неизбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились главы.

—

Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

XXII.

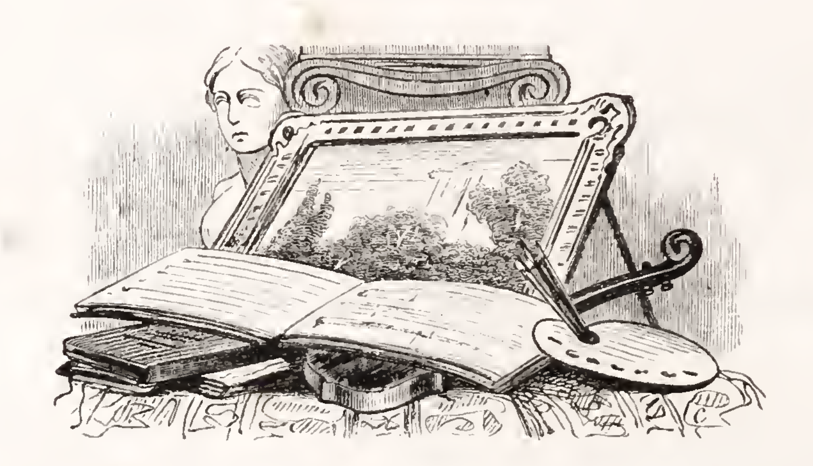
ОРЕЛЪ и КУРЫ.

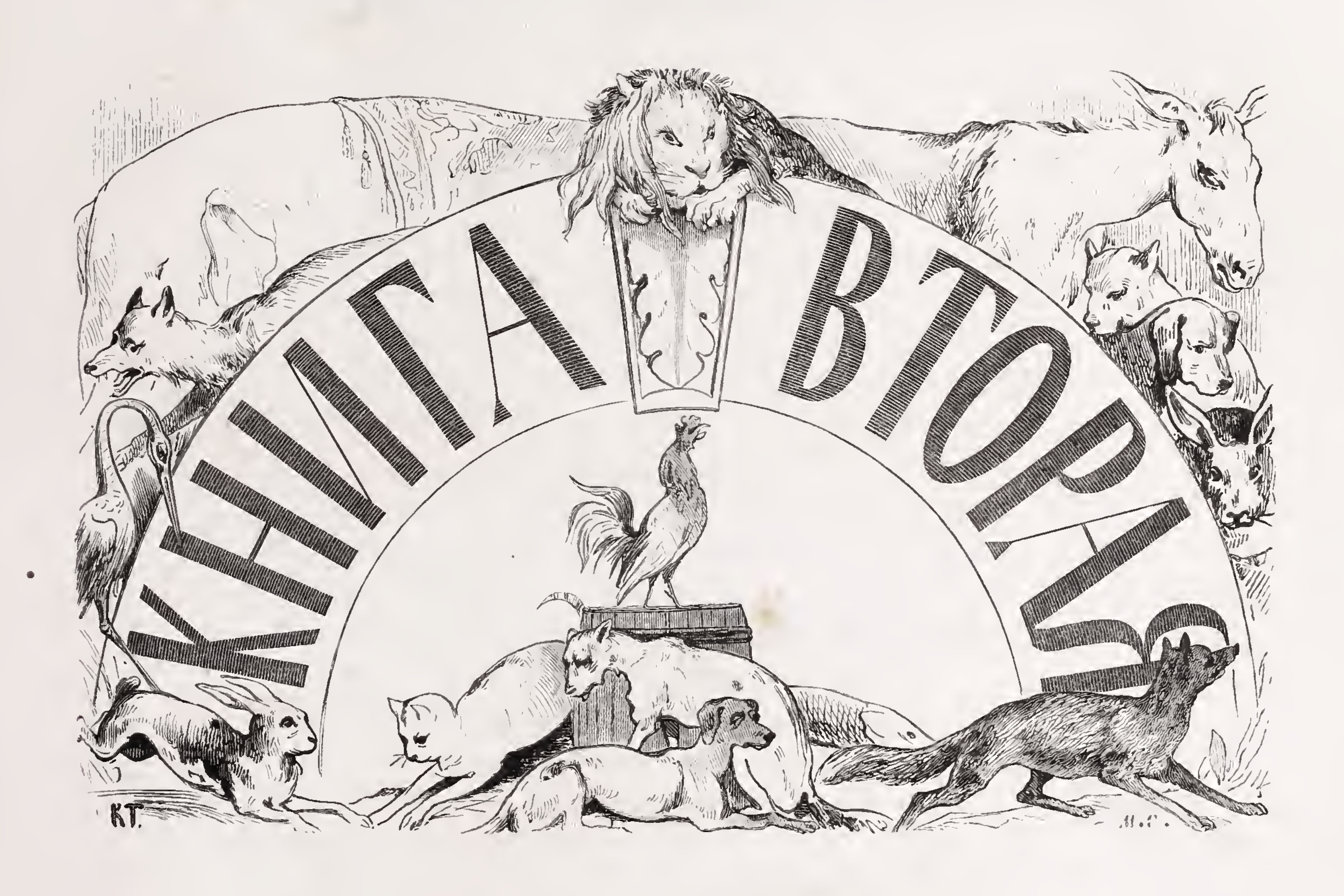
Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ налюбоваться,
Орелъ поднебесью леталъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молніи родятся.
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ.
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ незавидный;
Но у Царей свои причуды есть.
Быть-можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сѣсть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только-что Орелъ

Не много посидѣлъ.
И тутъ-же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохлатая насѣдка.
Толкуетъ такъ съ своей кумой:
— „За что Орлы въ чести такой?
Неужли за полетъ, голубушка сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ-же впередъ такія дуры,
Чтобъ почитать Орловъ знатнѣе насъ. —
Не больше нашего у нихъ ни ногъ. ни глазъ:
Да ты-же видѣла сейчасъ.
Что по̀ низу они летаютъ такъ. какъ куры.“
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
— „Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ никогда до облакъ не подняться!“

—

Когда таланты судишь ты, —
Считать ихъ слабости, трудовъ не трать напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно. и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

КНИГА ВТОРАЯ
КТ.

I.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно.
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ Царя онѣ просить.
Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и не сродно;
На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ:
Далъ имъ Царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ Царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство:
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что Царь на-диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ.
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ.
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ Царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то

Украдкой, изъ-дали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому-бъ не приглядѣлся свѣтъ:
То и онѣ сперва отъ страху отдохнули,
Потомъ къ Царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ Царемъ ничкомъ;
А тамъ. кто по-смѣлѣй. дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще по-удалѣй,
Къ Царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Не много погодя, посмотришь. кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.
Въ три дня наскучило съ такимъ Царемъ житье.
Лягушки новое челобитье.
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно Царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго нраву:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого.
За то ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ. что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ Лягушкахъ каждый день великій недочётъ
Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и — проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье, и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ Царя инова;
Что нынѣшній ихъ Царь глотаетъ ихъ какъ мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ Царь тошнѣе имъ засухъ.
— „Почто-жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣ-ль, безумныя,“ вѣщалъ имъ съ неба гласъ:
„Покоя не было отъ васъ?

Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ Царь? такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ — такъ этотъ очень лихъ:
Живите-жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!“

II.

ЛЕВЪ и БАРСЪ.

Когда-то, въ старину,
Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правамъ — не тотъ у нихъ былъ нравъ;
Да сильные-жъ въ правахъ бываютъ часто слѣпы.
У нихъ на это свой уставъ:
Кто одолѣетъ, тотъ и правъ.
Однако наконецъ, не вѣчно-жъ драться —
И когти притупятся:
Герои по правамъ рѣшились разобраться:
Намѣрились дѣла военны прекратить,
Окончить всѣ раздоры,
Потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключить
До первой ссоры.
„Назначимъ-же скорѣй
Мы отъ себя секретарей,“
Льву предлагаетъ Барсъ: „и какъ ихъ умъ разсудитъ,
Пусть такъ и будетъ.
Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю кота.
Звѣрекъ хоть неказистъ, да совѣсть въ немъ чиста;
А ты осла назначь: онъ знатнаго-же чина,
И, къ слову молвить здѣсь,
Куда онъ у тебя завидная скотина!
Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь
Его копытца врядъ-ли стоютъ.
Положимся-жъ на томъ,
На чемъ
Съ моимъ котишкомъ онъ устроитъ.“

И Левъ мысль Барса утвердилъ
Безъ спору;
Но только не осла, лисицу нарядилъ
Онъ отъ себя для этого разбору,
Примолвя про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ):
„Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.“

III.

ВЕЛЬМОЖА и ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ толкуя съ Мудрецомъ
О томъ, о семъ,
—„Скажи мнѣ,“ говоритъ: „ты свѣтъ довольно знаешь,
И будто въ книгѣ, ты въ сердцахъ людей читаешь:
Какъ это, что мы ни начнемъ,
Суды-ли, общества-ль учены заведемъ,
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся?
Ужли отъ нихъ совсѣмъ лекарства нѣтъ?“
— „Не думаю,“ сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ:
„И съ обществами та-жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами.“
— „Какъ“ „Такъ-же: я вотъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись.“

IV.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежъ двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ:
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы:
Неумолимая, какъ сѣно коситъ ихъ.
А тѣ, которые въ-живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ,
Тѣ-жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ лиса, поститсяя въ подземельѣ:
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.

Съ голубкой голубь врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души.
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.
„О, други!“ началъ Левъ: „по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть-можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому не вѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякой вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно, иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь — хоть это мнѣ и больно —
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда — кто безъ грѣха:
Случалось, дралъ и пастуха:
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучше-бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того-бы въ жертву и принесть, —
И было-бы богамъ то болѣе угодно.“
— „О. царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты,“
Лисица говоритъ: „въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То прійдетъ съ-голоду пропасть намъ наконецъ;
Притомъ-же, нашъ отецъ!
Повѣрь, что эта честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ:

Ихъ чаще такъ учить — имъ это по-дѣломъ.
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спѣсью дышетъ,
И нашими себя вездѣ царями пишетъ.“
Окончила Лиса; за ней на тотъ-же ладъ,
Льстецы Льву то-же говорятъ,
И всякой доказать спѣшитъ наперехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь, и Тигръ, и Волки въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мычитъ: — „И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ.“
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ Медвѣди, Тигры, Волки:
— „Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво-ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его, безчинника, съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы!
Чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!“
Приговорили —
И на костеръ Вола взвалили.

—

И въ людяхъ такъ-же говорятъ:
Кто по-смирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

V.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа, грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе-бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись —
И вѣжливые-жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ —
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ.
—„Что можетъ,“ говоритъ Полканъ: „пріятнѣй быть
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;

Не спить безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ.
Нельзя-ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если-бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась: —
Скажу я смѣло,
Мы-бъ и не видѣли, какъ время-бы летѣло."
— „А-что же? это дѣло!"
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
„Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ-же, право стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ-будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно."
— „Явимъ-же въ ней примѣръ мы въ наши времена,"
Вскричалъ Полканъ: „дай лапу!" — „Вотъ она!"
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и прировняться:
„Орестъ мой! Мой Пиладъ!" Прочь свары, зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся, —
Лишь только клочья вверхъ летятъ:
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

—

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки:
Послушать, кажется одна у нихъ душа, —
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

VI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору,
Окончили торги, и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ, —
Какъ-вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
„Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!“
Кричитъ одинъ изъ нихъ: „ступайте:
А счеты послѣ мы сведемъ!“
— „Мнѣ только тысячу мою сперва додайте.“
Шумитъ другой:
„Я съ мѣста не сойду долой.“
— „Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны,“
Еще одинъ кричитъ. — „Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!
Да какъ, за что, и почему!“
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

—

Въ дѣлахъ, которыя гораздо по-важнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ-бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

VII.

БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ вещь святая!

Вотъ, если-бъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
Тутъ дружба всторону, и можно-бъ отказать;
А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все-бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
Квасъ, пиво-ли сварятъ, ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту Бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ,
И съ Бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.

—

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

VIII.

ВОЛКЪ на ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „Ахти, ребята. воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ-минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ.
Иной съ ружьемъ.
— „Огня!“ кричатъ: „огня!“ — Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотѣлъ-бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ, —
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: „Друзья! кчему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“ — **„Послушай-ка, сосѣдъ,“**
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ
И Волчью вашу я давно натуру знаю:
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.“ —
И тутъ-же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

IX.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, Ручей журчитъ сердито:
— „Рѣка несытая! что, если-бъ дно твое
Такъ было, какъ мое
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ-бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай-бы, со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.

Мнѣ кажется, когда-бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ-бы зла:
Какъ осторожно-бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка!
Благословляли-бы меня лишь берега,
И я-бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ-бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго-бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро."
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что-жъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

—

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

X.

ЛИСИЦА и СУРОКЪ.

— „Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?“
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
— „Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала.
Ночей не досыпала;
И я-жъ за то подъ гнѣвъ попала;
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто-жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ-ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько.“
— „Нѣтъ, кумушка; а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.“

—

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ-будто рубль послѣдній доживаетъ:
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой —
А смотришь, по-маленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь:
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

———

XI.

ПРОХОЖІЕ и СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой.
Какъ-вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было, уже Прохожій камень взялъ:
— „И, полно, братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймешь отъ лаю.
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.“
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,

Собаки начали по-малу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

—

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

XII.

СТРЕКОЗА и МУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому-же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!

Злой тоской удручена.
Къ Муравью ползетъ она:
— „Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!
— „Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала-ль ты въ лѣто?“
Говоритъ ей муравей.
— „До того-ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ, что голову вскружило.“
— „А, такъ ты...“ — „Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.“
— „Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди-же, попляши!“

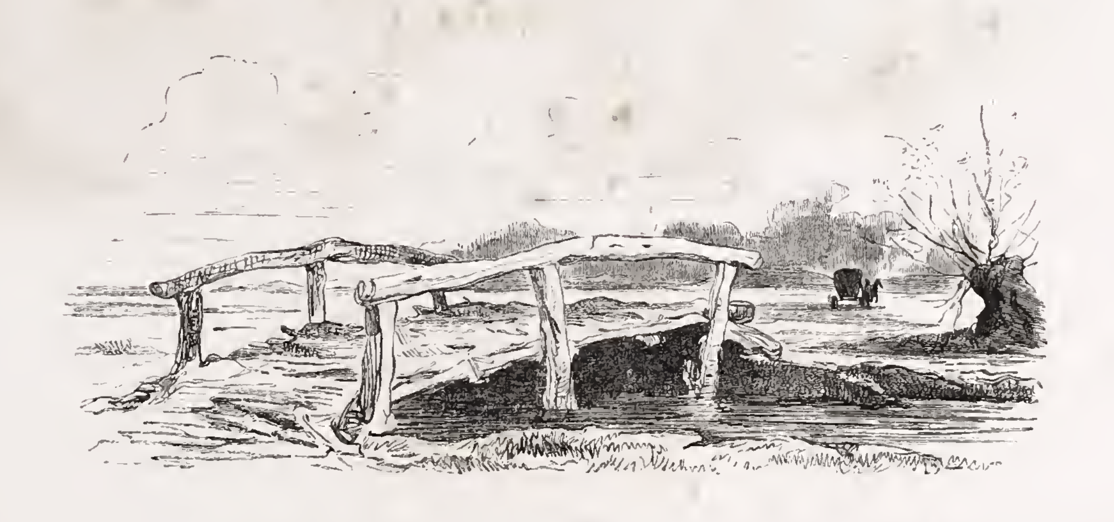
XIII.

ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ-быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ,“ говоритъ: „что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.

Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнишь, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ: что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А еслибъ посмотрѣть, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь-ли? ну, право, былъ онъ съ гору."
— „Что за диковина!" пріятель отвѣчалъ:
„На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами, вотъ, теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь-ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ."
— „А какова у васъ рѣка?
„Да не мелка.
Такъ видишь-ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?
— „Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ."
— „Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ Лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.“
— „Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!“
— „Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно,
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ....“
— „Послушай-ка,“ тутъ перервалъ мой Лжецъ:
„Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду.“

XIV.

ОРЕЛЪ и ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

—

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
„Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка.
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!

Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто-же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что-жъ имѣть въ виду?...
Безвѣстной умереть со всѣми на-ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.“
Пчела отвѣтствуетъ: — „**Тебѣ хвала и честь!**
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.“

XV.

ЗАЯЦЪ на ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили —
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ-же тянетъ.
„Ба, ты, косой,“
Кричатъ ему: „пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.“
— „Вотъ, братцы!“ Заяцъ отвѣчалъ:
„Да изъ лѣсу-то кто-жъ, — все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка?“
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,

Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка.

—

Надъ хвастунами хоть смѣются:
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

XVI.

ЩУКА и КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ анбарѣ половить.
„Да полно, знаешь-ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться.“
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.“
— „И, полно, куманекъ! Вотъ нѣвидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.“
— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“ Пошли, засѣли.

Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ за̀-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

XVII.

ВОЛКЪ и КУКУШКА.

Прощай, сосѣдка!“ Волкъ Кукушкѣ говорилъ:
„Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ-жъ у васъ и люди, и собаки:
Одинъ другаго злѣй; и хоть ты ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.“
— „А далеко-ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?“
— „О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка. то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ что война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи-жъ сама, голубка мнѣ,
Не мило-ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?

Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ:
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ какъ здѣсь, ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ.“
— „Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!“
Кукушка говоритъ: „а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?“
— „Ужъ кинуть, вздоръ какой!“
— „Такъ вспомни-же меня, что быть тебѣ безъ шубы.“

—

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

XVIII.

ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ Жемчужное Зерно,
И говоритъ: „Куда оно,
Какая вещь пустая!
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я-бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно.“

—

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

XIX.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой.
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться:
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ-же часто худо;
Всѣ въ-запуски его цѣнятъ;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

—

Старикъ-Крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ, подъ-вечеръ лѣскомъ,
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику,
„Степанушка родной, не выдай, милой!"
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ пол-черепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой,
Медвѣдь взревѣлъ, и за̀-мертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,
И онъ-же Батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй," говоритъ: „за что?" — За что, болванъ!
Чему обрадовался съ-дуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!"

———

XX.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шелъ Обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо! криво!
Смѣлѣе! вотъ толчекъ опять:
А тутъ-бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро-бы было въ-гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ-гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду-бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!“
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ-гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ, пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

—

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту-же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXI.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орелъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка.
А воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это Вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: „Ужь брать, такъ брать,
А то и когти что марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты.
Ну, только-ль въ стадѣ что ягняты?
Вотъ, я какъ захочу,
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочикъ подхвачу!“
Тутъ Воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ
Барана, да какого?
Прежирнаго, прематераго,
Который доброму-бъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился,
И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.
Тогда-то онъ узналъ, что добыча не по немъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ,
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окарнали,
И дѣтямъ отдали играть.

—

Нерѣдко у людей то-жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

XXII.

СЛОНЪ на ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

—

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однако-же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ Воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ-умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый Воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ Приказъ:
„Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.“
— „О, плуты!“ Слонъ кричитъ: „какое преступленье!
Кто грабить далъ имъ позволенье?“
А волки говорятъ: „Помилуй, нашъ отецъ!
Не ты-ль намъ къ-зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ!
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкурѣ снять;
Да и того имъ жаль отдать.“
„Ну то-то-жъ,“ говоритъ имъ Слонъ: „смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ.“

XXIII.

ОСЕЛЪ и СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ-бы очень я

Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?"
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно," говоритъ: „сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко поучился."
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и — полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

———

КНИГА ТРЕТЬЯ

I.

ОТКУПЩИКЪ и САПОЖНИКЪ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякій день давалъ пиры, банкеты,
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты,
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай:
Всего съ избыткомъ, черезъ край.
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго-ль боится онъ суда,
Иль, просто, труситъ раззориться:
Да только все ему не крѣпко какъ-то спится.
А сверхъ-того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до-ночи безъ-умолку поетъ.
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать: такъ власти нѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ
Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.

Пришелъ сосѣдъ.
„Пріятель дорогой, здорово!“
— „Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово.“
— „Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?“
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).
— „Дѣлишки, баринъ? Да, не худо!“
— „Такъ оттого-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?“
— „На Бога грѣхъ роптать, и что-жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда:
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй.“
— „И деньги есть?“ — „Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ:
Зато нѣтъ лишнихъ и затѣй.“
— „И такъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?“
— „Я этого не говорю:
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю:
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ-бы быть богатѣй не мѣшало.“
— „Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства,
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми-же: вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ:
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пять сотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!“ Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ, летомъ;
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той-же ночи въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ — и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);

Все подозрительно и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ Откупщику,
И говоритъ: „Спасибо на пріятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ, за пѣсни и за сонъ,
Не надобенъ и милліонъ.“

II.

КРЕСТЬЯНИНЪ въ БѢДѢ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по-міру поди съ сумою;

Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя-ли", говоритъ: „помочь бѣдѣ моей?"
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: — „Эхъ, свѣтъ!
Не надобно-бы тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ."
Сватъ Климычъ говоритъ:—„Впередъ мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить."
„Эхъ, братцы, это все не такъ."
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любаго
Отъ жучки: я-бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить."
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—

На свѣтѣ таково-жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямъ:
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

III.

ХОЗЯИНЪ и МЫШИ.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать,

Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

—

Купчина выстроилъ анбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары.
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ Мышей Купчина;
По кладовымъ и день и ночь дозоръ;
И все-бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?).
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ-бы вора подстеречь,
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ, и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ Купчина мой.
А Мыши лишь того и ждали. и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ въ анбаръ,
И въ двѣ, иль три недѣли,
Поѣли весь товаръ.

IV.

СЛОНЪ и МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на-показъ —
Извѣстно, что Слоны въ-диковинку у насъ —
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Откол ѣни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться,“
Ей шафка говоритъ: „тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.“

— „Эхъ, эхъ!“ ей Моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай-же говорятъ собаки:
„Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!“

V.

ВОЛКЪ и ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка Волкъ, начавъ по-малу пріучать
Отцовскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между-тѣмъ велѣлъ прилежнѣй примѣчать,
Нельзя-ль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хоть, захватя грѣха,
На счетъ-бы пастуха
Позавтракать, иль пообѣдать!
Приходитъ ученикъ домой,
И говоритъ: „Пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть.“
— „Постой-ка,“ Волкъ сказалъ: „сперва мнѣ вѣдать надо,
Каковъ пастухъ у стада?“
— „Хоть говорятъ, что онъ
Не плохъ, заботливъ и уменъ,
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны,
И плохи, кажется, и смирны.“
— „Меня такъ этотъ слухъ“,
Волкъ старый говоритъ: „не очень къ стаду манитъ;
Коль подлинно не плохъ пастухъ,

Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ.
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду!
Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.“

VI.

ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

—

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы, — какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышетъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

VII.

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ-вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ Мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;

А сверхъ-того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель-ли къ хозяину приходитъ:
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
А ежели Мѣшокъ открытъ,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;
Когда-же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ, иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ, и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ:
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго-ль былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ,
И долго-ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.

—

Мы басней никого обидѣть не хотѣли:
Но сколько есть такихъ Мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ, по-поламъ съ грѣхомъ, богаты стали;
Съ которыми теперь и графы и князья —
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ за-просто въ бостонъ?
Велико дѣло — милліонъ!
Однако-же, друзья, вы столько не гордитесь!

Сказать-ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если раззоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ Мѣшкомъ.

VIII.

КОТЪ и ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что-же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу.
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ.
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
„Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!“
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
„Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не только-что людей?
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
Какъ! бывъ честнымъ Котомъ до-этихъ-поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ —
А ты.... ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
„Котъ-Васька плутъ! Котъ-Васька воръ!
И Ваську-де, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!“
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

—

А я-бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

IX.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся,
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спѣсь наказанъ Комаромъ.
Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ;
Зло взяло Комара: обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань,
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ:

То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ!
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва спустился.
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ-же и не труситъ!
Льву сѣлъ на самый лобъ, и Львину кровь сосетъ.
Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ,
Скрежещетъ съ ярости зубами
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ.
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ:
Отколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ-будто-бы пришелъ потопъ, или пожаръ!
И кто-жъ? Комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!
Рвался, метался Левъ, и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

X.

ОГОРОДНИКЪ и ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ такъ рылся Огородникъ,
Какъ-будто-бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:
Мужикъ ретивый былъ работникъ,
И дюжъ, и свѣжъ на взглядъ;
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ пол-сотни грядъ.
Дворъ-обо-дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великій краснобай, названный другъ природы,

Недоученый Философъ.

Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды,
Однако-жъ, за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить;
И тоже огурцы садить:
А между-тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
„Сосѣдъ, какъ хочешь ты потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду:
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-какъ идетъ.
Какъ ты еще не раззорился?
Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ не учился?“
„И некогда“, сосѣда былъ отвѣтъ.
„Прилежность, навыкъ, руки:
Вотъ всѣ мои тутъ и науки;
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ.“
— „Невѣжа! возставать противъ наукъ ты смѣешь?“
— „Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво словъ:
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ.
А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта-бъ намъ дождаться...
Но, баринъ, не пора-ль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой-что посѣялъ, посадилъ:
А ты и грядъ еще не взрылъ.“
— „Да, я не взрылъ, за недосугомъ:
Я все читалъ,
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой иль плугомъ.
Но время еще не уйдетъ.“
— „Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ“.
Послѣдній отвѣчалъ, — и тутъ-же съ нимъ разстался,
Взявъ заступъ свой:
А Философъ пошелъ домой.
Читалъ, выписывалъ, справлялся,
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ,
Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ —

Все перероетъ. пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой-же вылился конецъ?
У Огородника взошло все и поспѣло:
Онъ съ прибылью. и въ шляпѣ дѣло:
А Философъ —
Безъ огурцовъ.

XI.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛИСИЦА.

Скажи мнѣ, кумушка. что у тебя за страсть
Куръ красть?"
Крестьянинъ говорилъ Лисицѣ. встрѣтясь съ нею.
„Я, право. о тебѣ жалѣю!
Послушай. мы теперь вдвоемъ.
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже. что красть и грѣхъ. и стыдно.
И что бранитъ тебя весь свѣтъ:
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты за ужинъ. иль обѣдъ
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну. стоютъ-ли того всѣ куры?"
— „Кому такая жизнь сносна?"
Лисица отвѣчаетъ:
„Меня такъ все въ ней огорчаетъ.
Что даже мнѣ и пища не вкусна.
Когда-бъ ты зналъ. какъ я въ душѣ честна!
Да что-же дѣлать? Нужда. дѣти:
Притомъ-же иногда. голубчикъ-кумъ.
И то приходитъ въ умъ.
Что я-ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ."
— „Ну. что-жъ?"
Крестьянинъ говоритъ: „коль вправду ты не лжешь.
Я отъ грѣха тебя избавлю.

И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;
Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять:
Кому, какъ не Лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
Зато ни въ чемъ не будешь ты нуждаться."
И станешь у меня какъ въ маслѣ сыръ кататься."
Торгъ слаженъ: и съ того-жъ часа
Вступила въ караулъ Лиса.
Пошло у мужика житье Лисѣ привольно;
Мужикъ богатъ, всего Лисѣ довольно;
Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй,
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Некраденый кусокъ прiѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку по-темнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

—

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой-бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть миллiонъ —
Онъ воровать не перестанетъ.

XII.

ВОСПИТАНIЕ ЛЬВА.

Льву, Кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете природу:
У нихъ, не какъ у насъ — у насъ ребенокъ году,
Хотя-бъ онъ царскiй былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ;
А годовалый Львенокъ
Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году Левъ-отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ-бы за сынка народъ отца бранить.

Кого-жъ-бы попросить, нанять, или заставить
Царевича Царемъ на-выучку поставить?
Отдать его Лисѣ — Лиса умна:
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука:
— Такъ это, думалъ Царь, не царская наука.
Отдать Кроту: о немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ:
Безъ ощупи шага не ступитъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ;
И словомъ, слава шла,
Что Кротъ великій звѣрь на малыя дѣла:
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза Кротовы зорки,
Да вдаль не видятъ ничего;
Порядокъ-же Кротовъ хорошъ, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять-ли Барса? Барсъ отваженъ и силенъ;
А сверхъ-того великій тактикъ онъ:
Да Барсъ политики не знаетъ:
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ,
Какіе-жъ царствовать уроки онъ подастъ!
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А Барсъ лишь рѣзаться горраздъ:
Такъ и дѣтей учить онъ царскихъ недостоинъ.
Короче: звѣри всѣ, и даже самый Слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Льву все-еще казался не уменъ,
И не ученъ.
По счастью, или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе,
Такой-же царь, пернатыхъ царь, Орелъ,
Который велъ
Со Львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ Львенка воспитать.
У Льва какъ гору съ плечъ свалило.
И подлинно, чего, казалось, лучше было,
Царевичу царя въ учители сыскать?
Вотъ Львенка снарядили

И отпустили
Учиться царствовать къ Орлу.
Проходитъ годъ и два; межъ-тѣмъ, кого ни спросятъ,
О Львенкѣ отъ всѣхъ лишь слышатъ похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.
И наконецъ приходитъ срочный годъ,
Царь-Левъ за сыномъ шлетъ.
Явился сынъ; тутъ царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ, и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,
И говоритъ ему онъ такъ: „Любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь:
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ.
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему ученъ ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?“
— „Папа,“ отвѣтствовалъ сынокъ: „я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто;
И отъ орла до перепелки,
Какой гдѣ птицѣ болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки:
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды;
Когда-жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды.“
Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ;
Повѣсилъ головы Совѣтъ,
А Левъ-старикъ поздненько спохватился,
Что Львенокъ пустякамъ учился
И не добро онъ говоритъ:
Что пользы нѣтъ большой тому знать птичій бытъ,
Кого звѣрьми владѣть поставила природа —
И что важнѣйшая наука для Царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

XIII.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
„Ужъ пусть-бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!"
Такъ, Старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
„Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ-ли затѣвать толь дальніе разсчеты?
Едва-ли для тебя текущій вѣренъ часъ?
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой."
— „Друзья!" смиренно имъ отвѣтствуетъ Старикъ:
„Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю:
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не всё лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится,
И это для меня ужъ плодъ.
Да можно-ль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ-ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ-быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ."
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило;

Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца — все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти,
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій, въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до-смерти залечили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

XIV.

ДЕРЕВО.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
„Голубчикъ,“ Деревцо сказало молодое:
„Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу расти въ покоѣ:
Ни солнца мнѣ не видѣнъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды!
Когда-бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ-бы сдѣлалось красою сей странѣ,
И тѣнью-бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина.“
Взялся крестьянинъ за топоръ,

И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ;
Но торжество его недолго было!
То солнцемъ дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ наконецъ то Деревцо сломило.
„Безумное!“ ему сказала тутъ змѣя:
„Не отъ тебя-ль бѣда твоя?
Когда-бъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало:
Тебѣ-бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли,
Тебя-бы старыя деревья берегли;
А если-бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ-бы отошло:
Тогда, въ свою чреду, ты столько-бъ возрасло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой-бы не случилось,
И бурю, можетъ-быть, ты-бъ выдержать могло!“

XV.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню,
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ-будто-бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,

Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!"
— „А вы хотите быть за что отличены?"
Спросилъ прохожій ихъ. — „Да наши предки..." „Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?"
— „Да наши предки Римъ спасли!
— „Все такъ, да вы что сдѣлали такое?"
— „Мы? Ничего!" — „Такъ что-жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое."

—

Басню эту можно-бы и болѣ пояснить —
Да чтобъ гусей не раздразнить.

XVI.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по-уши до-сыта накупалась:
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
„Ну, что-жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?"
Свинью спросилъ пастухъ:
„Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ, такъ одно богатѣе другаго?"
Хавронья хрюкаетъ: — „Ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ, да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла

Весь заднiй дворъ.“

—

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ-же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

XVII.

МУХА и ДОРОЖНЫЕ.

Въ Iюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ-гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И, лошадей мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ:
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его тронули,
Но въ-гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ Мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперегъ шныряетъ межъ людей;
Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто
Никакъ помочь не хочетъ.
Гуторя слуги вздоръ, плетутся влѣдъ шажкомъ;

Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ:
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ,
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ-тѣмъ лошадушки, шагъ-за-шагъ, по-немногу,
Встащилися на ровную дорогу.
„Ну,“ Муха говоритъ: „теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня на-силу крылья носятъ.“

—

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XVIII.

ОРЕЛЪ и ПАУКЪ.

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся,
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско Море,
Какъ вѐрона крыло, чернѣлося вдали.
„Хвала тебѣ, Зевесъ, что управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты,“
Орелъ къ Юпитеру взываетъ:
„И что смотрю оттоль на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ.“
— „Какой-же ты хвастунъ, какъ погляжу!“
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ:

„Да ниже-ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?“
Орелъ глядитъ: и подлинно, Паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И, кажется, Орлу заткать онъ солнце хочетъ.
— „Ты какъ на этой высотѣ?“
Спросилъ Орелъ: „и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ:
А ты безъ крылъ и слабъ; неужли ты доползъ?“
— „Нѣтъ, я-бъ на это не рѣшился.“
— „Да какъ-же здѣсь ты очутился?“
— „Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И снизу на хвостѣ ты самъ меня занесъ:
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;
И такъ передо мной прошу не величаться;
И знай, что я...“ Тутъ вихрь, отколѣ ни возьмись,
И сдунулъ Паука опять на самый низъ.

—

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ нерѣдко пауковъ
Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надуваютъ грудь,
Какъ-будто-бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

XIX.

ЛАНЬ и ДЕРВИШЪ.

Младая Лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.
Въ лѣсу живущій съ ней одномъ,
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,
„О, безразсудная!“ сказалъ: „къ кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты роду чаешь?
Быть-можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою-же кровь.“
— „Быть-можетъ,“ Лань на это отвѣчала:

„Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня-бы тяготило,
Когда-бъ не стала я питать.“

—

Такъ, истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

XX.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,
Хоть нужды не было Собакѣ той ни въ чемъ:
Иная-бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала-бы красть!
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что изъ мяснаго ни достанетъ.
Въ-минуту стянетъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился,
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
„Послушай,“ говоритъ: „хоть, кажется, ты строгъ,
Но ты лишь красть Собаку пріучаешь,
Затѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь.
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней.“
Едва-лишь на себѣ Собака испытала
Совѣтъ разумный сей, —
Шалить Собака перестала.

XXI.

ОРЕЛЪ и КРОТЪ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

—

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ Орлицею вдвоемъ,
Задумали навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ

И скоро, можетъ-быть, свалится;
Такъ, чтобъ Орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати-ли Орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ Крота! А гдѣ-же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать Кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ по-скорѣй, совѣтчика презря, —
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у Орлицы.
Но что-жъ? — Однажды, какъ зарей,
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился!
И подавило имъ Орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
„Несчастный!“ онъ сказалъ:
„За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно-ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?“
— „Когда-бы ты не презрѣлъ мною,“
Изъ норки Кротъ сказалъ: „то вспомнилъ-бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово-ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.“

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка,
Затѣяли съиграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!" кричитъ Мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!"
Разсѣлись, начали Квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
— „Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ,"
Кричитъ Оселъ: „мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,

Кому и какъ сидѣть.
Случилось, соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
—„Пожалуй," говорятъ: „возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!"
—„Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по-нѣжнѣй."
Имъ отвѣчаетъ соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь."

II.

ЛИСТЫ и КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
„Не правда-ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что-бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы-ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы-ль красивостью своей

Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ-же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами."
— „Примолвить можно-бы спасибо тутъ и намъ."
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— „Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?"
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— „Мы тѣ,"
„Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится, —
Не станетъ дерева, ни васъ."

III.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ
Мы этой басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина снюснѣе впол-открыта.

—

Лиса, курятинки накушавшись до-сыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
„Что, кумушка, бѣды!“ онъ говоритъ:
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,

Пришло хоть удавиться!"
— „Неужли?" — „Право такъ." — „Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь-ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова."
А куму не сѣнца, хотѣлось-бы мяснова —
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой.
Обласканъ по̀-уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

IV.

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака,
Бумажный Змѣй, примѣтя съ-высока
Въ долинѣ мотылька:
„Повѣришь-ли!" кричитъ: „чуть-чуть тебя мнѣ видно;
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокій столь полетъ."
— „Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь:
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далеко;
А я, хоть правда невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу;
Да я-же такъ, какъ ты, въ забаву для другаго,
Пустаго
Вѣкъ цѣлый не трещу."

V.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА и РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ:
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только му́ка.

—

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

VI.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго талантъ есть свой:
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

—

Какой-то съ-молоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ-будто-бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій Скворушку хвалилъ.
Иной-бы былъ такой доволенъ частью;
Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья,
А Скворушка завистливъ былъ, къ несчастью, —
И думаетъ: „Постойте-же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ.“
И подлинно запѣлъ;
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ;
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

VII.

ПРУДЪ и РѢКА.

Что это,“ говорилъ Рѣкѣ сосѣднiй Прудъ:
„Кàкъ на тебя ни взглянешь,
А вòды все твои текутъ!
Неужли таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ-же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкiя суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Ужъ я не говорю про лодки, челноки:
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ-бы съ-тоски.
Въ сравненiи съ твоимъ, какъ жребiй мой прiятенъ!
Конечно, я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,

Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:
Да это, право, все пустое!
За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ;
Не только что судовъ,
Или плотовъ,
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ,
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что̀ беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Нѐ движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ."
— „**А, философствуя, ты помнишь-ли законъ?**
Рѣка на это отвѣчаетъ:
„**Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?**
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
За то по всякій годъ,
Обиліемъ и чистотою водъ.
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ-быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ-поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь."
Слова ея сбылись: она течетъ по-нынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ-отъ-году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

—

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

VIII.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался,
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако-же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: „Такъ я-же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю:
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

—

Такимъ-же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

IX.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодецъ купилъ огромный домъ,
Домъ, правда, дѣдовскій, но строенный на-славу:
И прочность и уютъ, все было въ домѣ томъ,
И домъ-бы всѣмъ пришелъ ему по нраву,
Да только то бѣда —
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
„Ну, что-жъ,“ онъ думаетъ: „въ своемъ добрѣ я властенъ;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,

Велю машинами къ рѣкѣ я перевесть
(Какъ видно. молодецъ механикой былъ страстенъ!),
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ securityанье,
А тамъ уже, изладя на каткахъ,
Я вòротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой буду домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ немъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На новоселье я поѣду какъ въ каретѣ."
Плѣняся глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ Механикъ мой.
Рабочихъ подрядилъ. подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берегъ;
Однако-жъ дома онъ перетащить не могъ.
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

—

Какъ много у людей
Затѣй.
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

X.

ПОЖАРЪ и АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей той тревогѣ.
Потерянный Алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ. валяясь по дорогѣ.
„Какъ ты, со всей своей игрой,"
Сказалъ Огонь: „ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьи,

Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучъ иль мой, иль солнечный играетъ!
Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка — ленты лоскутокъ;
Какъ часто блескъ твой затмѣваетъ,
Вокругъ тебя одинъ обвившись, волосокъ!
Не такъ легко затмить мое сіянье,
Когда я, въ ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю, —
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ!“
— „Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ,“
Алмазъ отвѣтствуетъ: „но я безвреденъ:
Не укоритъ меня никто ни чьей бѣдой,
И лучъ досаденъ мой
Лишь зависти одной;
А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь;
За то, всей силой съединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ.
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ-быть, къ концу.“
Тутъ силой всей народъ тушить Пожаръ принялся;
На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался:
Алмазъ-же вскорѣ отъискался,
И лучшею красой сталъ царскому вѣнцу.

XI.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
— „Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.“
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ,
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ-бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ,
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ-какъ человѣкъ медвѣдя по-слабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.

То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.“
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ — да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!“
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать на-долго тамъ остался!

XII.

ЦВѢТЫ.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ, расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ
Качалися спѣсиво,
И выставляли всѣмъ красу свою на-диво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать.
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ:
Нельзя-ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
„Юпитеръ!“ молятся: „ты дождикъ прекрати;
Что въ немъ пути,

И что его на свѣтѣ хуже?
Смотри, нельзя по улицѣ пройти:
Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи.“
Однако-же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
И зелень вся какъ-будто обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ,
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ-тѣхъ-поръ
Лишились всей красы, и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

—

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

XIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Змѣя къ Крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не попустому жить безъ дѣла,
Нѣтъ, нянчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще нажитый трудомъ!
„Я знаю,“ говоритъ она: „худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про Змѣй;
Что всѣ онѣ презлаго нраву,
Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть: но я не такова.

Я съ-роду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать-бы дала,
Когда-бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;
И, словомъ, я добрѣй
Всѣхъ Змѣй.
Суди-жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!“
— „Коль это,“ говоритъ Крестьянинъ: „и не ложно,
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю Змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая Змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится.“

—

Отцы, понятно-ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?...

XIV.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярмаркѣ подойникъ, да корову,
И съ ними сквозь дуброву

Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ,
Какъ-вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ мужика какъ липку ободралъ.
„Помилуй," всплачется Крестьянинъ: „я пропалъ,
Меня совсѣмъ ты доканалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался:
Насилу этого дождался дня."
— „Добро, не плачься на меня,"
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ:
И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ."

XV.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

„Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?"
— Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь-ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!

Есть, право, менѣе булавочной головки!“
—„А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?“
—„Да развѣ тамъ онъ?“—„Тамъ.“ Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.“

XVI.

ЛЕВЪ на ЛОВЛѢ.

Собака, Левъ да Волкъ съ Лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили.
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей съобща ловить,
И что наловится, все по-ровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поимала,
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришелъ и Левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ,
И говоритъ: „Мы, братцы, въ четверомъ.“
И на четверо онъ оленя раздираетъ.
„Теперь, давай дѣлить! Смотрите-же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ-мѣста живъ не встанетъ.“

XVII.

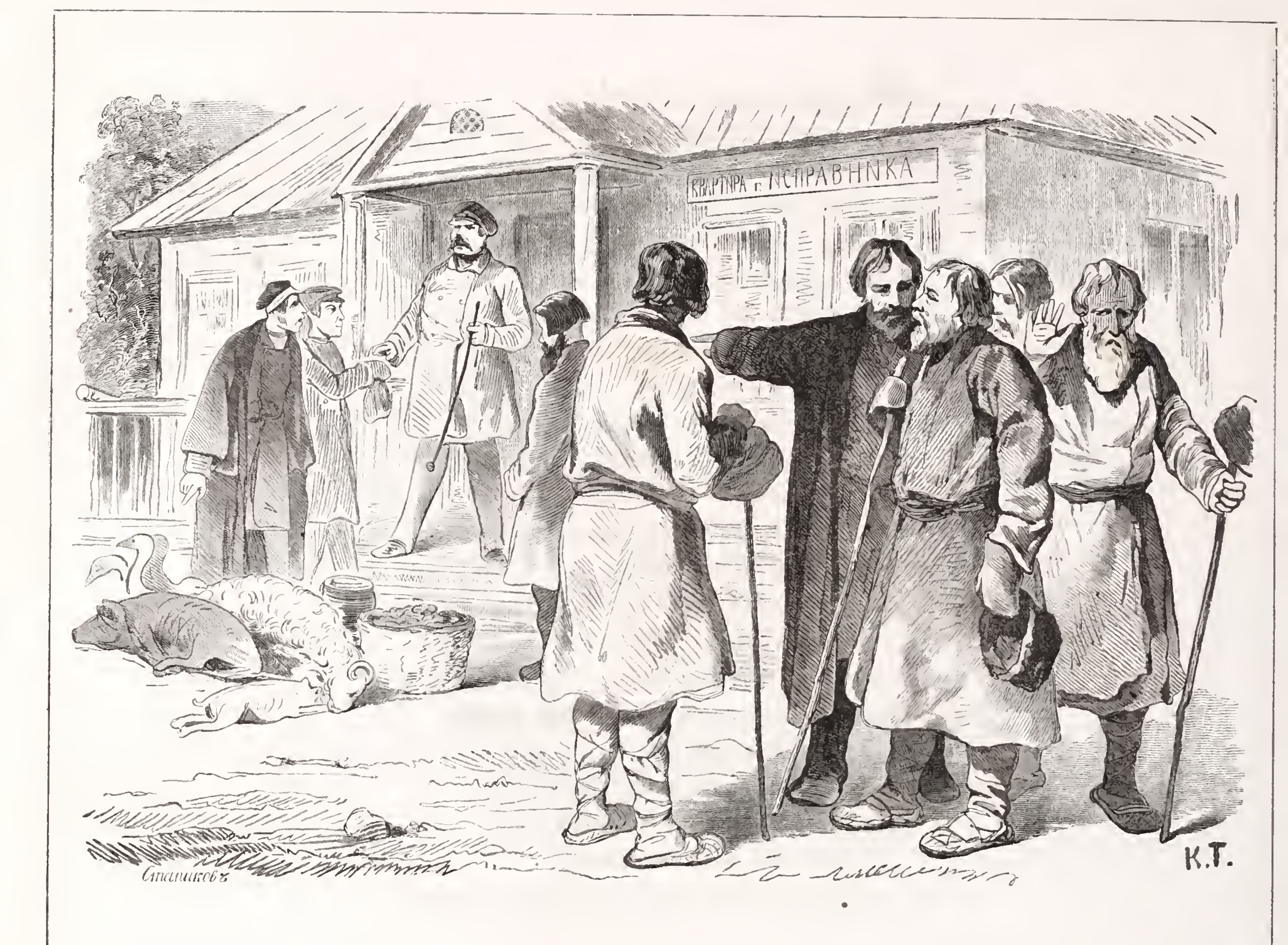
КОНЬ и ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ;
Не шевеля почти и поводовъ,
Конь слушался его лишь словъ.
„Такихъ коней и взнуздывать напрасно,“
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
„Ну, право, вздумалъ я прекрасно!“
И, въ поле выѣхавъ. узду съ Коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой.
Онъ выступкой пошелъ игривой,

Какъ-будто тѣша Сѣдока.
Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю Конь ретивой:
Вскипѣла кровь его и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ Всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезо все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До-смерти не убился.
Тутъ въ горести Сѣдокъ.
„Мой бѣдный Конь!“ сказалъ: **я сталъ виною**
Твоей бѣды!
Когда-бы не снялъ я съ тебя узды, —
Управилъ-бы навѣрно я тобою:
И ты-бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью-бъ самъ столь жалкой не погибъ!“

—

Какъ ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

XVIII.

КРЕСТЬЯНЕ и РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
От разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть!
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота что и не счесть!
А та Рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда

За ней такихъ проказъ не слышно
Такъ, вѣрно, ихъ она уйметъ,
Между собой Крестьяне разсуждали.
Но что-жъ? какъ подходить къ Рѣкѣ по-ближе стали,
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, по-пусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой,
И покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя проговорили:
„На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ."

XIX.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть-бы кончилось на ней несчастье злое.
Но нѣтъ; за ней должны еще погибнуть трое:
Онъ, бѣдныхъ, трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ,
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
„Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя;
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?“
Лисица птицамъ говоритъ,

На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
„Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше-ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ-бы твоимъ постельку имъ устлать.
Вѣдь по-пусту-жъ его ты растеряешь.
Ты, жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты-бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли,
Промыслить кормъ они и сами-бы могли:
Такъ ты-бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ-бы твоихъ пусть Богъ
Берёгъ.
Ты-бъ, ласточка, ловила мошекъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты-бы, милый соловей, —
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ, —
Межъ-тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты-бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы-бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...“ При сихъ словахъ,
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ-голоду сидѣть въ-покоѣ,
Попадали къ Лисѣ на низъ.
Что-жъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла:
И поученья не допѣла.

—

Читатель, не дивись!
Кто добръ по истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другаго,

Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ-же почти такіе люди всѣ —
Съ-родни моей Лисѣ.

XX.

МИРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

—

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали-бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И разспросить того, другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны:
Но противъ волка нѣтъ ни слова,

И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что-же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были? —
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то-бы всего нужнѣй спросить.

КНИГА ПЯТАЯ

I.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.“
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло.“ — „Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на-славу сварена!“
— „Я три тарелки съѣлъ.“ — „И, полно, что за счеты;
Лишь стало-бы охоты, —
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ-будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь-же, миленькiй дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочикъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“

Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако-же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И, очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай-же еще тарелочку, мой милой!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку, —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

—

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

II.

МЫШЬ и КРЫСА.

„Сосѣдка! слышала-ль ты добрую молву“.
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала:
„Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву?
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
— „Не радуйся, мой свѣтъ.“
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ:
„И не надѣйся по-пустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

—

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

III.

ЧИЖЪ и ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ-же издѣвался.
„Не стыдно-ль," говоритъ: "средь бѣла дня
Попался!
Не провели-бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло."
Анъ смотришь, тутъ-же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

IV.

ВОДОЛАЗЫ.

Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе-ль вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ?
Не разслабляетъ-ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе-ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти, иль по пристрастью;
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякой-бы, хоть слогомъ не кудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ: да, иль нѣтъ;
То-есть, ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или по-прежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однако-жъ какъ совѣтъ ни толковалъ:
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской:
Всякъ только дѣло затемнялъ,
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царской.
Кто говорилъ, что неученье тьма;
Что не далъ-бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда-бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали:
Что все ученье бредъ,
Что отъ него лишь нравамъ вредъ,
И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ,
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.

Короче: съ обѣихъ сторонъ,
И дѣло выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о наукахъ споръ остался не рѣшенъ;
Царь сдѣлалъ болѣе. Созвавъ отвсюду онъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.
Но способъ былъ и этотъ худъ,
Затѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье:
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ;
И если-бы имъ волю дали,
Они-бъ до нынѣ толковали,
Да жалованье брали.
Но такъ-какъ царь казною не шутилъ,
То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.
Межъ-тѣмъ часъ-отъ-часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Вотъ какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле,
И видитъ предъ собой
Пустынника, съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе-ль полезны, или вредны?
„Царь!“ старецъ отвѣчалъ: „позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны.“
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:
„На берегу, близъ моря,
Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности, и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей.
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И, ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей,

Не рыбой, — жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однако-жъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ:
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался;
Онъ, даже, не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной:
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ нимало не жалѣя,
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну:
И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
„Хоть жемчугъ находить близъ берега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
Когда-бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ?
Тамъ горы, можетъ-быть, богатствъ несчетныхъ:
Ковалловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять.
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ, вскорѣ
Въ открытое пустился море,
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.
О, царь!“ примолвилъ тутъ мудрецъ:
„Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.“

V.

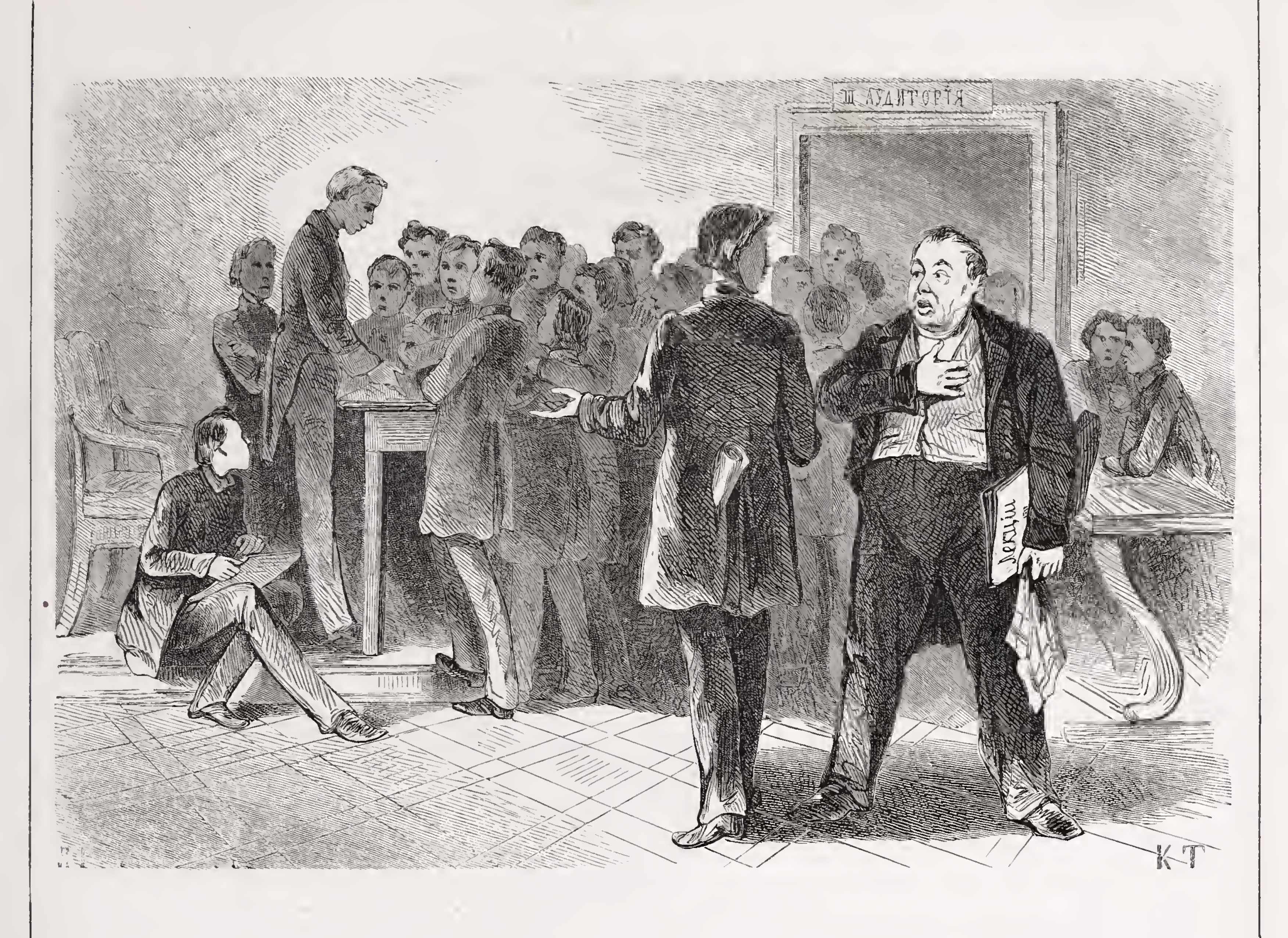
ГОСПОЖА и ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки, Служанки, коихъ часть
Была съ-утра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ — все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть-можетъ, иногда-бъ, старуха опоздала,
Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ — старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильщицамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся, — клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются;
На-завтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та-же:
Ихъ будятъ и морятъ на пряжѣ.
„Добро-же ты, нечистый духъ!“
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
„Безъ пѣсень-бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!“
И, выбравши случай. безъ сожалѣнья,
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что-жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ,
Совсѣмъ не тотъ:

То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поетъ —
        Злодѣя ихъ не стало:
Да Барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ-роду не пѣвали.
    Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ, да въ полымя попали.

—

    Такъ выбраться желая изъ хлопотъ,
    Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту-же:
        Однѣ лишь только съ рукъ сживетъ,
        Глядишь — другія нажилъ хуже!

VI.

КАМЕНЬ и ЧЕРВЯКЪ.

„Какъ разшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!“
Про дождикъ говоритъ на нивѣ Камень, лежа:
„А рады всѣ ему, пожалуй — посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогаго,
А что-же сдѣлалъ онъ такого
Всего-то шелъ часа два-три.
Пускай-же обо мнѣ разспросятъ!
Такъ я ужъ вѣки здѣсь: тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ:
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ.“
— „Молчи!“ сказалъ ему Червякъ:

„Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ,
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя,“

—

Такъ хвалится иной что служитъ сорокъ лѣтъ:
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

VII.

МЕДВѢДЬ у ПЧЕЛЪ.

Когда-то, о веснѣ, звѣрями
Въ надсмотрщики Медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можно-бъ выбрать тутъ другаго по-вѣрнѣй.
Затѣмъ, что къ меду Мишка падокъ.
Такъ не было-бъ оглядокъ;
Да, спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ,
И какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился,
Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,

По формѣ нарядили судъ.
Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ.
Рѣшили, справили, скрѣпили;
Но меду все не воротили,
А Мишенька и ухомъ не ведетъ:
Со свѣтомъ Мишка распрощался,
Въ берлогу теплую забрался,
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

VIII.

ЗЕРКАЛО и ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ Зеркалѣ увидя образъ свой.
Тихонько медвѣдя толкъ ногой:
„Смотри-ка,“ говоритъ: „кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какія у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась-бы съ тоски,
Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.
А, вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.“
— „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?“
Ей Мишка отвѣчалъ.

Но Мишенькинъ совѣтъ лишь по-пусту пропалъ.

—

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера;
Что Климычъ на руку нечистъ: всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

IX.

КОМАРЪ и ПАСТУХЪ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ, надѣяся на псовъ.
Примѣтя то, змѣя изъ-подъ кустовъ
Ползетъ къ нему, вонъ высунувши жало;
И Пастуха на свѣтѣ-бы не стало:
Но, сжаляся надъ нимъ, Комаръ, что было силъ,
Сонливца укусилъ.
Проснувшися, Пастухъ змѣю убилъ;
Но прежде Комара съ-просонья такъ хватилъ,
Что бѣднаго его какъ не бывало.

—

Такихъ примѣровъ есть не мало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то-же съ нимъ случится,
Что съ Комаромъ.

X.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной, зимной,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,

Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ собой:
„Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; ктому-жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался-ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?"
Въ такомъ уныніи, на свой пѣняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть: она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ,
И говоритъ: „Зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?"
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ, бѣднякъ, оторопѣвъ:
— „Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку."

—

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

XI.

РЫЦАРЬ.

Какой-то Рыцарь въ-старину,
Задумавши искать великихъ приключеній,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣній;
Вздѣлъ латы, и велѣлъ къ крыльцу подвесть коня.
Но прежде нежели въ сѣдло садиться,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратиться:
„Послушай, ретивой и вѣрный конь, меня:
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,

Куда глаза твои глядятъ,
Какъ рыцарски законы намъ велятъ,
И путь отъискивай въ храмъ славы!
Когда-жъ Карачуновъ я злобныхъ усмирю,
Въ супружество княжну китайскую добуду,
И царства два, три покорю,
Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду;
Съ тобой всю славу раздѣлю:
Конюшню, какъ дворецъ огромный,
Построить для тебя велю,
А лѣтомъ отведу луга тебѣ поемны;
Теперь знакомъ ты мало и съ овсомъ,
Тогда-жъ пойдетъ у насъ обиліе во всемъ:
Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова—пойло."
Тутъ Рыцарь прыгъ въ сѣдло и бросилъ повода,
А лошадь молодца, не ѣздя никуда,
Прямехонько примчала въ стойло.

XII.

ТѢНЬ и ЧЕЛОВѢКЪ.

Шалунъ какой-то Тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавлять,
Она туда-жъ; онъ, наконецъ, бѣжать:
Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и Тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь, будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется: а Тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.
—
Красавицы! слыхалъ я много разъ:
Вы думаете что? Нѣтъ, право, не про васъ;
А что бываетъ то-жъ съ фортуною у насъ
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

XIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ТОПОРЪ.

Мужикъ, избу рубя, на свой Топоръ озлился;
Пошолъ Топоръ въ-худыхъ; Мужикъ взбѣсился:
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ Топоръ:
Бранитъ его, хоть ка̀къ, Мужикъ найдетъ причину.
„Негодный!" онъ кричитъ однажды: „съ-этихъ-поръ
Ты будешь у меня обтесывать тычину,
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавиться умѣю,
И сдѣлаю простымъ ножомъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ."
— „Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля,"
Смиренно отвѣчалъ Топоръ на о̀крикъ злой:
„И такъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля,
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты по-пусту изтупишь,
А все ножомъ избы не срубишь."

XIV.

ЛЕВЪ и ВОЛКЪ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У Льва изъ-подъ когтей кусочикъ урвала;
И Царь звѣрей то снесъ, не огорчась ни мало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ, конечно, не силенъ,

Коль такъ смиренъ:
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ Волкомъ худо:
Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: „Дружокъ,
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!“

XV.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА и СОКОЛЪ.

Собака, Человѣкъ да Кошка, да Соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва-ль не общій столъ;
Клялись дѣлить они и радость и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто сидя,
Какъ-вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколъ на воздухъ, Кошка въ лѣсъ.
И Человѣкъ тутъ съ жизнью-бы простился;
Но вѣрный Песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохвátя его до кости,

Повисъ на немъ, и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А Человѣкъ? Къ-стыду, изъ насъ не всякой
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхватя ружье свое съ собой,
Пустился безъ-души домой.

—

На языкѣ легка и ласка и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать прямаго можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что такъ, ка́къ въ баснѣ сей былъ вѣрный песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выручень, избавленъ,
Его-же покидалъ въ бѣдѣ,
Его-же и ругалъ вездѣ.

XVI.

ПОДАГРА и ПАУКЪ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ, и ка̀къ, и почему;
Притомъ-же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти—бремя,
Пока они не по мѣстамъ!),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: „Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ, и землю раздѣлите!

Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите-же: отселѣ напередъ,
Кто что̀ изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ —
Вонъ, видите-ль вы пышные чертоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета.“
— „Мнѣ хижинъ ни за что не надо,“
Сказалъ Паукъ. — „А мнѣ не надобно палатъ,“
Подагра говоритъ. „Пусть въ нихъ живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора.“
Такъ смолвясь братъ съ сестрой, пошли, явились въ мірѣ,
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣченымъ
И по карнизамъ золоченымъ
Онъ паутину разостлалъ,
И мухъ-бы вдоволь нахваталъ;
Но къ-разсвѣту едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печкѣ перебрался,
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой!
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка иль крыло вездѣ его достанетъ,
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньи, и за-городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
„Чай, въ селахъ,“ говоритъ, „живетъ она царицей.“
Пришелъ—а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ Паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,

Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
„Нѣтъ, братецъ,“ говоритъ она:“ не жизнь мнѣ въ полѣ!“
А братъ
Тому и радъ;
Онъ тутъ-же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался,
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра-же, тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ-тѣхъ-поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра-же пошла по богачамъ и знатнымъ;
И, оба дѣлаютъ умно.

XVII.

ЛЕВЪ и ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ-роду Льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

—

Инаго также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

XVIII.

ХМѢЛЬ.

Хмѣль выбѣжалъ на огородѣ
И вкругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
„Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?“
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмѣль жужжалъ.
„Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?“
Межъ-тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой Хмѣль ужъ вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала!

—

Такіе-жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней;
И какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись;
А только въ случай попадись, —
Онъ первый явится въ передней.

XIX.

СЛОНЪ въ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай Слонъ попалъ у Льва.
Въ-минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И, такъ-какъ водится, пошли догадки,

Чѣмъ въ милость втерся Слонъ?
Не то красивъ, не то забавенъ онъ;
Что за пріемъ, что за ухватки!
Толкуютъ звѣри межъ собой.
„Когда-бы“, говоритъ, вертя хвостомъ, лисица:
„Былъ у него пушистый хвостъ такой,
„Я не дивилась-бы.“ — „Или, сестрица,“
Сказалъ медвѣдь: „хотя-бы по когтямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ;
Никто того не счелъ-бы чрезвычайнымъ:
Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ.“
— „Да не вошелъ-ли онъ въ случай клыками?“
Вступился въ рѣчь ихъ волъ:
„Ужъ не сочли-ли ихъ рогами?“
— „Такъ вы не знаете,“ сказалъ оселъ,
Ушами хлопая, „чѣмъ могъ онъ полюбиться,
И въ знать добиться?
А я такъ отгадалъ —
Безъ длинныхъ-бы ушей онъ въ милость не попалъ.“

—

Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ,
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

XX.

ТУЧА.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая Туча пронеслась:
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась.
И щедростью своей хвалилась предъ горою.
„Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?“
Сказала ей гора:
„И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда-бы на поля свой дождь ты пролила;
Ты-бъ область цѣлую отъ голоду спасла:
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.“

XXI.

КЛЕВЕТНИКЪ и ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ,
А правду тожъ они нерѣдко наблюдаютъ:
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
По случаю какому-то, въ аду
Змѣя съ Клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенства оставить не хотѣли
И зашумѣли:
Кому изъ нихъ итти приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ беретъ,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
Такъ въ спорѣ семъ и жаркомъ и не маломъ
Передъ Змѣею Клеветникъ
Свой выставлялъ языкъ;
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ;
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вотъ, Клеветникъ было, за ней ужъ очутился:
Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того:
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился,
И осадилъ назадъ Змѣю,
Сказавъ: „Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правдѣ отдаю:
Ты зла, — твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и то не мало!).
Но можешь-ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ Клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи-же ты за нимъ и будь впередъ смирнѣй.“
Съ-тѣхъ-поръ клеветники въ аду почетнѣй змѣй.

XXII.

ФОРТУНА и НИЩІЙ.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенькій подъ оконьемъ таскался,
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты
И даже дотого,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать;
Расторговался въ-пухъ. Тутъ, чѣмъ-бы перестать,
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому, —
Онъ въ море корабли отправилъ по-веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ-было милліонъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по̀-уши, и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И по-дѣломъ: знай честь!
Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
„Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я съискала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;

И, что всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нраву прекрутаго:
Такъ преступить никакъ устава ты не смѣй.
Однако-жъ, мой Браминъ не унываетъ.
Вотъ постный день, а онъ смѣкаетъ,
Нельзя-ли разрѣшить на сырное тайкомъ?
Досталъ яйцо, полуночи дождался,
И. свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой, и мысленно глотаетъ,
А про начальника, смѣяся, разсуждаетъ:
„Не уличишь-же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-таки я всласть.“
Анъ тутъ тихонько шасть
Къ Брамину въ келью надзиратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣту требуетъ онъ грозно.
Улика на лицо и запираться поздно!
„Прости, отецъ святой,
Прости, мое ты прегрѣшенье!“
Такъ взмолится Браминъ сквозь слезъ:
„И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье;
Ахъ, наустилъ меня проклятый бѣсъ!“
А тутъ, бѣсенокъ, изъ-за печки,
— „Не стыдно-ли,“, кричитъ: „всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей-же часъ,
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ.“

XXVI.

ФОРТУНА въ ГОСТЯХЪ.

На укоризну мы Фортунѣ тароваты:
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ;
За все про все ее бранятъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.

Кормъ подъ носомъ, вездѣ натыкано насѣстокъ,
От холоду и жару есть прiютъ,
И укромныя мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава Лисанькѣ и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчасъ повелѣнье:
На новоселье куръ не медля перевесть.
Но есть-ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажется, и крѣпокъ дворъ,
И плотенъ, и высокъ заборъ —
А куръ часъ-отъ-часу все менѣ.
Отколь бѣда, придумать не могли.
Но левъ велѣлъ стеречь. Кого-жъ подстерегли?
Тое-жъ Лису-злодѣйку.
Хоть правда, что она свела строенье такъ,
Чтобы не ворвался въ него никто, никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

XXV.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто что-нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладемъ вину въ томъ на другаго,
И какъ нерѣдко говорятъ:
„Когда-бъ не онъ, и въ умъ-бы мнѣ не вспало!"
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ.
Въ Восточной сторонѣ какой-то былъ Браминъ,
Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ своимъ житьемъ.
(Есть и въ Браминахъ лицемѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своемъ
Одинъ былъ правила такого,
Другiе-жъ всѣ житья святаго,

Не высыхала-бы вода!“
Лягушка вопитъ безъ умолку,
И наконецъ Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
—„Безумная!“ Юпитеръ говоритъ
(Знать не былъ онъ тогда сердитъ):
„Ка̀къ квакать по-пусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше-ль внизъ тебѣ спуститься до болота?“

—

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ, лишь мнѣ-бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

XXIV.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то левъ большой охотникъ былъ до куръ;
Однако-жъ у него онѣ водились худо:
Да это и не чудо!
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезчуръ.
Такъ ихъ, то крали,
То сами куры пропадали.
Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ левъ большой курятный дворъ,
И такъ его ухитрить и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ было-бъ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ льву доносятъ, что Лисица
Большая строить мастерица —
И дѣло ей поручено,
Съ успѣхомъ начато и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все, и старанье и умѣнье.
Смотрѣли, видѣли: строенье заглядѣнье!
А сверхъ-того все есть, чего ни спросишь тутъ:

Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается сором.
Смотри-жъ, я напередъ тебя остерегла:
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла."
Едва отъ радости мой Нищій дышетъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полами въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька,
— „Довольно-ль?"—Нѣтъ еще."—„Не треснула-бъ?"—„Не бойсь."
— „Смотри, ты Крезомъ сталъ." — „Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось."
— „Эй полно! Посмотри, сума ползетъ ужъ врозь."
— „Еще щепоточку." Но тутъ кошель прорвался.
Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ,
Фортуна скрылася: одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищенькимъ по-прежнему остался.

XXIII.

ЛЯГУШКА и ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣ, подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла тамъ тинистый въ лощинкѣ уголокъ,
И завела домокъ
Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однако-жъ имъ она не долго веселилась.
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи Квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
„О, боги!" молится Лягушка изъ норы:
„Меня, вы, бѣдную, не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите:
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда

Слѣпое счастіе, шатаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ гоститъ и у царей,
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть-можетъ, погостить когда-нибудь пристанетъ:
Лишь время не терять умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;
Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ,
Терпѣнья годы наградитъ.
Когда-жъ ты не умѣлъ при счастьѣ поживиться,
То не Фортунѣ ты, себѣ за то пеняй,
И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

—

Домишка старенькій край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ, и не могли разжиться:
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто что изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха,
Вездѣ потеря, иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вотъ невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія-бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: шутка-ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ какъ Крезъ богатъ.
Другой въ Приказъ пошелъ: иною-бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ, —
Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ онъ;
Посмотришь, у него деревня, домъ и дача.
Теперь, вы спросите: что-жъ третій получилъ?
Вѣдь, вѣрно, и ему Фортуна помогала?

Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,
И такъ счастливо,
Что диво!
Не знаю, прежде онъ бывалъ-ли въ томъ гораздъ:
А тутъ труды его не втунѣ:
Какъ ни взмахнетъ рукой, благодаря Фортунѣ,
Ни разу промаху не дастъ.
Вотъ гостья между-тѣмъ у братьевъ нагостилась,
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще притомъ въ чинахъ; а третій братъ,
Клянетъ судьбу, что онъ Фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.

—

Читатель, будь ты самъ судьею,
Кто-жъ въ этомъ виноватъ?

КНИГА ШЕСТАЯ

I.

ВОЛКЪ и ПАСТУХИ.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя, сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
„Какой-бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда-бы это сдѣлалъ я!“

II.

КУКУШКА и ГОРЛИНКА.

Кукушка на суку печально куковала.
„Что, кумушка, ты такъ грустна?“
Ей съ вѣтви ласково Голубка ворковала:
„Или о томъ, что миновала
У насъ весна,
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?“
— „Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать?“
Кукушка говоритъ. „Будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною,
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:
Такой-ли чаяла отъ нихъ я платы!

И не завидно-ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты:
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость — не знаю.“
— „Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня-бы не любовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ;
Скажи-жъ — такъ-стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда-же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала, да летала.“
— „Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней
Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла:
Ужъ это было-бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала.“
— „Какой-же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?“
Ей Горлинка на то сказала.

—

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь — всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы-ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

III.

ГРЕБЕНЬ.

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый Гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ;
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь, Гребешкомъ расчесываетъ онъ.
И что за Гребешокъ? Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись, однако-же, что Гребень затерялся,

Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой.
„Гдѣ Гребень мой?“
И Гребень отъискался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ:
Лишь волосы до слезъ деретъ.
„Какой-ты злой Гребнишка!“
Кричитъ мальчишка.
А Гребень говоритъ: — „Мой другъ, все тотъ-же я:
Да голова всклокочена твоя.“
Однако-жъ мальчикъ мой, отъ злости и досады,
Закинулъ Гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся Наяды.

—

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ.
Покolѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята.
Ее и слушаютъ и принимаютъ:
Но только сталъ кривить душей,
То правду далѣ отъ ушей.
И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ.
Когда ихъ всклочетъ.

IV.

СКУПОЙ и КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

—

Вотъ, что̀ въ ребячествѣ читалъ я про Скупаго.
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,

Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)
Котора яица несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной-бы и тому былъ радъ,
Что по-немногу онъ становится богатъ;
Но этого Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
И такъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что-же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

V.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая — себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но какъ та Бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

—

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку,
Кто дѣловъ истинно, — тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

VI.

АЛКИДЪ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесный,
Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ
Опасною стезей и тѣсной,
Увидѣлъ на пути, свернувшись, будто ёжъ
Лежитъ, чуть видное, не знаетъ, что такое.
Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И что́-жъ?
Оно раздулося и стало болѣ вдвое.
Отъ гнѣву вспыхнувъ, тутъ Алкидъ
Тяжелой палицей своей его разитъ.
Глядитъ,
Оно страшнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и растетъ,
Застановляетъ солнца свѣтъ,
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ,
Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
„Оставь напрасный трудъ, мой братъ!" она сказала:
„Чудовищу сему названіе Раздоръ.
Не тронуто — его едва примѣтитъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться, —
Оно отъ браней лишь тучнѣе становится,
И выростаетъ выше горъ."

VII.

АПЕЛЛЕСЪ и ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезъ-мѣру пораженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшенъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего-бы долженъ онъ стыдиться.

—

Съ Осленкомъ встрѣтясь, Апеллесъ,
Зоветъ къ себѣ Осленка въ гости;
Въ Осленкѣ заиграли кости!
Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ,
И говоритъ звѣрямъ: „Какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ:
Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,
Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса.“
— „Нѣтъ,“ Апеллесъ сказалъ, случася близко тутъ:
„Намѣряся писать Мидасовъ судъ,
Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ.
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,
Но этакихъ, какими ты богатъ,
Не только у ослятъ,
Ни даже уословъ мнѣ видѣть не случалось.“

VIII.

ОХОТНИКЪ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю.
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
И такъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

—

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму,
И друга вѣрнаго по нраву и обычью,
Гектора, — въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не зарядя ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
„Вотъ вздоръ!“ онъ говоритъ: „дорога мнѣ знакома,
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь;

До мѣста-жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ."
Но что-жъ? Лишь вонъ изъ жила
(Какъ-будто-бы надъ нимъ Фортуна подшутила).
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ;
И нашему-бъ тогда Стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить,
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда-бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только утки
На это чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ,
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились и — за лѣса веревкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу Стрѣлокъ потомъ таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:
Случись тогда
Непастье.
И такъ Охотникъ мой,
Измокши весь пришелъ домой
Съ пустой сумой;
А все-таки пѣнялъ не на себя, на счастье.

IX.

МАЛЬЧИКЪ и ЗМѢЯ.

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ Змѣю, и, вòзрившись, отъ страха
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя, на Мальчика спокойно посмотря,
„Послушай," говоритъ: „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!"

X.

ПЛОВЕЦЪ и МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился;
Потомъ, проснувшися, онъ Море клясть пустился.
„Ты“ говоритъ: „всему виной!
Своей лукавой тишиной
Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь,
И. заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь.“
Тутъ Море, на себя взявъ Амфитриды видъ,
Пловцу, явися, говоритъ:
„На что̀ винишь меня напрасно!
Плыть по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно;
Когда-жъ свирѣпствуютъ морскія глубины,
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мнѣ не даютъ покою.
Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:
Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли,
Я неподвижнѣе тогда земли.“

—

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

XI.

ОСЕЛЪ и МУЖИКЪ.

Мужикъ на-лѣто въ огородъ
Нанявъ Осла, приставилъ
Воронъ и воробьевъ гонять, нахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ:
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку;
Но Мужику барышъ былъ съ огорода плохъ.
Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперёгъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.
Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,

Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ выместилъ дубиной.
„И ништо!“ всѣ кричатъ: „скотинѣ по-дѣломъ!
Съ его-ль умомъ
За это дѣло браться?“

—

А я скажу, не съ тѣмъ, чтобъ за Осла вступаться:
Онъ, точно, виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и разсчетъ),
Но, кажется, не правъ и тотъ,
Кто поручилъ Ослу стеречь свой огородъ.

XII.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ Волкъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ Волку въ пасть, и съ трудностью большею
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
„Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный:
„Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!
Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся.“

XIII.

ПЧЕЛА и МУХИ.

Двѣ Мухи собрались летѣть въ чужіе краи,
И стали подзывать съ собой туда Пчелу:
Имъ насказали попугаи
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ-же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ. на родинѣ своей,
Вездѣ гоняютъ изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно.
И что они за чудаки!):
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
„Путь добрый вамъ,“ Пчела на это отвѣчала:
„А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала:
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите!
Вездѣ вамъ будетъ счастье то-жъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны.
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будутъ вамъ
И тамъ.“

—

Кто съ пользою отечеству трудится.
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

XIV.

МУРАВЕЙ.

Какой-то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ, даже (говоритъ его историкъ вѣрной),
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ-бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ Муравей былъ не такого нраву.
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спѣсиво всползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей, то взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ Муравья.
Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
„Не правда-ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Нраодъ безъ толку и безъ глазъ?

Возможно-ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;
А. кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ.“
И со стыдомъ отправился домой.

—

Такъ думаетъ иной.
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ — дивитъ,
Свой только муравейникъ.

XV.

ПАСТУХЪ и МОРЕ.

Пастухъ въ Нептуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморьѣ, хижины уютной обитатель.
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель,
　　И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, зато не зналъ и горя,
　　И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ-быть, онъ многихъ былъ царей.
　　Но, видя, всякой разъ, какъ съ Моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
　　И ломятся отъ нихъ анбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
　　Пастухъ на то прельстился;

Распродалъ стадо, до́мъ, товаровъ накупилъ.
Сѣлъ на корабль, и за Море пустился.
Однако-же походъ его не дологъ былъ;
Обманчивость, Морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбитъ, пошли товары ко̀-дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря Морямъ,
Пошелъ онъ въ пастухи, лишь съ разницею тою,
Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасетъ овецъ чужихъ
Изъ платы. Съ нуждой, однако-жъ, хоть большою,
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?
Не спивъ того, не съѣвъ другова,
Скопилъ деньжонокъ онъ, завелся стадомъ снова,
И сталъ опять своихъ овечекъ пастухомъ.
Вотъ, нѣкогда, на берегу морскомъ,
При стадѣ онъ своемъ
Въ день ясный сидя,
И видя,
Что на Морѣ едва колышется вода:
(Такъ Море присмирѣло),
И плавно съ пристани бѣгутъ по ней суда:
„Мой другъ!“ сказалъ: „опять ты денегъ захотѣло;
Но ежели моихъ — пустое дѣло!
Ищи кого иного ты провесть,
Отъ насъ тебѣ была ужъ честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,
А отъ меня впередъ копѣйки не достанешь.
Баснь эту лишнимъ я почелъ-бы толковать;
Но ка̀къ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нее,
На одного, кто не былъ ей обманутъ.
А мнѣ, что говорить ни станутъ,
Я буду все твердить свое:
Что̀ впереди — Богъ вѣсть; а что мое — мое!

XVI.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Къ Крестьянину вползла Змѣя,
И говоритъ: „Сосѣдъ! начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,
И кожу нынѣшней весной перемѣнила.“
Однако-жъ Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: — „Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то-же.“
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

—

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину,
Какъ хочешь, ты мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасешь,
И что съ Змѣей, съ тобой случиться можетъ то-жъ.

XVII.

ЛИСИЦА и ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись пò-пусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну, чтó-жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.“

XVIII.

ОВЦЫ и СОБАКИ.

Въ какомъ-то стадѣ у Овецъ,
Чтобъ Волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число Собакъ умножить.
Что̀-жъ? Развелось ихъ столько наконецъ,
Что Овцы отъ волковъ, то правда, уцѣлѣли
Но и Собакамъ надо-жъ ѣсть;
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,
А тамъ, по жеребью, съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталося всего Овецъ пять-шесть,
И тѣхъ Собаки съѣли.

XIX.

МЕДВѢДЬ въ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью изъ-дали шути какъ хочешь смѣло;
Но смерть вблизи — совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется Медвѣдю умереть.
Не отказался-бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него совсѣхъ сторонъ
Рогатины, и ружья, и собаки:
Такъ драка не по-немъ.
Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ,
И говоритъ ловцу: „Мой другъ, какой виною
Я проступился предъ тобою?

За что́ моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, напримѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка.“
— „То правда,“ отвѣчалъ на то ловецъ ему:
„Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
Зато, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ.
Такъ лучше-бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ.“

XX.

КОЛОСЪ.

На нивѣ, зыблемый погодой, Колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ,
И въ нѣгѣ, и добрѣ, взлелѣянный цвѣтокъ,
Межъ-тѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницѣ,
И бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ,
Хозяину съ досадой говоритъ:
„За что вы, люди, такъ всегда несправедливы,
Что кто умѣетъ вашъ утѣшить вкусъ, иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказа нѣтъ у васъ;
А кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы?
Не главный-ли доходъ твой съ нивы:
А, посмотри, въ какой небрежности она!
Съ-тѣхъ-поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ-ли подъ стекломъ когда насъ отъ ненастья?
Велѣлъ-ли насъ полоть, иль согрѣвать,
И приходилъ-ли насъ въ засуху поливать?
Нѣтъ: мы совсѣмъ расти оставлены на счастье.
Тогда, какъ у тебя цвѣты, —
Которыми ни сытъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ, —

За стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что̀ если-бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій-бы годъ
Ты собралъ-бы самъ-сотъ,
И съ хлѣбомъ караванъ отправилъ-бы въ столицу.
Подумай, выстрой-ка по-шире намъ теплицу.“
— „Мой другъ,“ хозяинъ отвѣчалъ:
„Я вижу, ты моихъ трудовъ не примѣчалъ.
Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы.
Когда-бъ ты зналъ, какой мнѣ стоило работы
Расчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ:
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождя-жъ и вѣтру ты проси себѣ у неба;
А если-бъ умный твой исполнилъ я совѣтъ,
То былъ-бы безъ цвѣтовъ, и былъ-бы я безъ хлѣба.“

—

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ, иль гражданинъ,
Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходитъ иногда въ роптанье.
Имъ можно то-жъ почти сказать и въ оправданье.

XXI.

МАЛЬЧИКЪ и ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

—

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно,
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то, которые ужъ станутъ увядать.

Крестьянинъ судитъ: „какъ пристанища не дать?
Ужли отъ Червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ-живетъ.
Притомъ-же важнаго убытку быть не можетъ,
Коль онъ листочка два-три сгложетъ.“
Позволилъ: и Червякъ на дерево ползетъ;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть не пышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ-тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый Царь.
Вотъ въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣть все стало,
Наливное, сквозное какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ:
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ:
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню Мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.
Кто-жъ въ кражѣ Мальчику помочь взялся?—Червякъ.
„Послушай,“ говоритъ: „я знаю это, точно
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ непрочно;
Однако-жъ я берусь его достать,
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станетъ вѣкъ глодать.“
Условье сдѣлано: Мальчишка согласился;
Червякъ на яблоню, и работать пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ?
Но что-жъ въ награду получилъ?
Лишь-только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его Мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой:
И такъ ни червяка, ни яблока не стало.

XXII.

ПОХОРОНЫ.

Въ Египтѣ встарину велось обыкновенье,
Когда кого хотятъ пышнѣе хоронить,
Наемныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ выть.
Вотъ. нѣкогда, на знатномъ погребеньѣ
Толпа сихъ плакальщицъ, поднявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной
Въ домъ провожала вѣчной
На упокой.
Тутъ странникъ, думая, что, въ горести сердечной,
То рвется вся покойника родня,
„Скажите, „говоритъ: „не рады-ли-бъ вы были,
Когда-бъ его вамъ воскресили?
Я Магъ; на это есть возможность у меня:
Мы заклинанія съ собой такія носимъ —
Покойникъ оживетъ сейчасъ.“
—„Отецъ!“ вскричали всѣ: „обрадуй бѣдныхъ насъ!
Одной лишь милости притомъ мы просимъ,
Чтобъ сутокъ черезъ пять
Онъ умеръ-бы опять.
Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакова.
Да врядъ-ли будетъ и впередъ;
А какъ умретъ,
То выть по немъ наймутъ насъ, вѣрно, снова.“

—

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему-нибудь годна.

XXIII.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими-же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: „Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,

А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“
— „Въ томъ,“ отвѣчалъ сосѣдъ:
„Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.“

XXIV.

СОЧИНИТЕЛЬ и РАЗБОЙНИКЪ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей,
Въ одинъ и тотъ-же часъ, Грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ,
И въ петлю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ Сирена, сладкогласенъ,
И, какъ Сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ:
Въ-минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ подъ Разбойника большой костеръ взвалили;
Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ;
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгарался.
Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужъ подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ:
Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу на часъ.
Не видя облегченья,

Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна:
„Несчастный!“ говоритъ она:
„Ты-ль Провидѣнію пеняешь?
И ты-ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты.... уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ-отъ-вѣку лютѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей, —
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? — тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть? — ты.
Не ты-ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты-ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ?
И вонъ опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!

Въ ней каждой капли слезъ и крови — ты виной.
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи-жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!“
Сказала гнѣвная Мегера —
И крышкою захлопнула котелъ.

XXV.

ЯГНЕНОКЪ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
„По мнѣ пускай что хочешь говорятъ,
Лишь былъ-бы я въ душѣ не виноватъ!“
Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить,
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вамъ знать всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,
И что она у васъ
Весенняго цвѣтка нѣжнѣе.
Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиста,
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность,
Язвить злословью васъ даетъ возможность —
И ваша слава ужъ не та.
Ужели не глядѣть? Уже-ль не улыбаться:
Не то я говорю; но только всякой шагъ
Вы свой должны обдумать такъ,
Чтобъ было не кчему злословью и придраться,

—

Анюточка, мой другъ!
Я для тебя и для твоихъ подругъ,
Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее; не нынѣ, такъ впередъ
Съ нея сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ Ягненкомъ.
Поставь свою ты куклу въ уголокъ:

Разсказъ мой будетъ коротокъ.
Ягненокъ съ-дуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И, прежде нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью пастухи, узнавъ, его отбили,
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ-умолка.
А если-бы Ягненокъ былъ уменъ:
И мысли-бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

КНИГА СЕДЬМАЯ

I.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось Мышамъ себя прославить,
И, не смотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того Совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у Мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно-ли то, теперь мы спрашивать не будемъ:
Притомъ-же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью, иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длинно-хвостыхъ брать назначено въ Совѣтъ;
У коихъ-же хвоста къ несчастью нѣтъ,
Хотя-бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья;
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ Совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять.
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И, наконецъ въ мучномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста
Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую Мышь толкаетъ
Мышенокъ молодой,
И говоритъ: „Какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?

И гдѣ-же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;
И можно-ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю губитъ.“
А Мышь въ отвѣтъ: „Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.“

II.

МЕЛЬНИКЪ.

У Мельника вода плотину прососала:
Бѣда-бъ не велика сначала,
Когда-бы руки приложить;
Но кстати-ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
„Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!“
А Мельникъ говоритъ: „Далеко до бѣды,
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата.“
Онъ спитъ, а между-тѣмъ
Вода бѣжитъ какъ изъ ушата.

И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жорновъ, мельница не служитъ.
Хватился Мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
„Негодныя!“ кричитъ: „хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.“
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое-жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды, пошелъ въ свое подворье.

—

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ
Скорёшенько пойдетъ вверхъ дномъ?

III.

БУЛЫЖНИКЪ и АЛМАЗЪ.

Потерянный Алмазъ валялся на пути;
Случилось наконецъ купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ,
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, Булыжникъ развозился,
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
„Пожалуй-ста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!

За что̀ здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;
Такой-же камень онъ, и мнѣ набитый братъ.
Возьми-жъ меня. Какъ знать? Коль тамъ я покажуся,
То также, можетъ-быть, на дѣло пригожуся."
Взялъ камень мужичокъ на свой тяжелый возъ,
И въ городъ онъ его привезъ.
Ввалился камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случа̀й совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

IV.

МОТЪ и ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ
Спустилъ все чисто; наконецъ,
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой —
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но, Ласточку увидя, малой мой
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай знаютъ,
Что ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной:
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой:
Кчему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ.
И въ сѣверную глушь морозы загнаны! —
Догадки малаго умны;
Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ:
Что ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы,

Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слезы,
И Ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:
— „Проклятая! сгубила ты себя;
А, понадѣясь на тебя,
И я теперь не во-время безъ шубы!“

V.

ПЛОТИЧКА.

Хоть я и не пророкъ,
Но, видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ удается:
Что крылышки сожжетъ мой мотылекъ.
Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненье и урокъ:
Онъ и для взрослаго, хорошъ и для ребенка.
Ужли вся басня тутъ? ты спросишь; погоди,
Нѣтъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди.
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.
Вотъ вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:
Сначала краткости, теперь ужъ ты
Боишься длинноты.

Что̀-жъ дѣлать, милый другъ: возьми терпѣнье!
Я самъ того-жъ боюсь.
Но какъ-же быть? Теперь я старѣ становлюсь:
Погода къ-осени дождливѣй,
А люди къ-старости болтливѣй.
Но чтобы дѣла мнѣ не выпустить изъ глазъ,
То выслушай: Слыхалъ я много разъ,
Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ
И говорятъ:
За что винить тутъ? это шалость;
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ:
Она становится привычкой, послѣ — страстью,
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ басенкой себя ты позабавить;
Теперь изъ-подъ пера сама идетъ она,
И можетъ съ пользою тебя наставить.

—

Не помню у какой рѣки,
Злодѣи царства водянаго,
Пріютъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, по близости у берега крутаго,
Плотичка рѣзвая жила.
Проворна и притомъ лукава,
Не боязливаго была Плотичка права:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась, какъ юла,
И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда за пожданье онъ въ чаяньѣ награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка;
Вотъ, думаетъ, взяла; въ немъ сердце встрепенется;
Взмахнетъ онъ удой: глядь, крючекъ безъ червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,
Сорветъ приманку, увернется,
И, хоть ты что̀, обманетъ рыбака.
„Послушай,“ говоритъ другая ей Плотица:
„Не сдобровать тебѣ, сестрица!
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,
Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?

Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься.
Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.
Сегодня удалось, а завтра—кто порука?"
Но глупымъ, что̀ глухимъ разумныя слова.
„Вотъ," говоритъ моя Плотва:
„Вѣдь я не близорука!
Хоть хитры рыбаки, но страхъ пустой ты брось:
Я вижу хитрость ихъ насквозь.
Вотъ видишь уду! Вонъ закинута другая!
Ахъ, вотъ еще, еще! Смотри же дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!"
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась:
Рванула съ той, съ другой, на третьей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду!
Тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше-бы бѣжать опасности сначала.

VI.

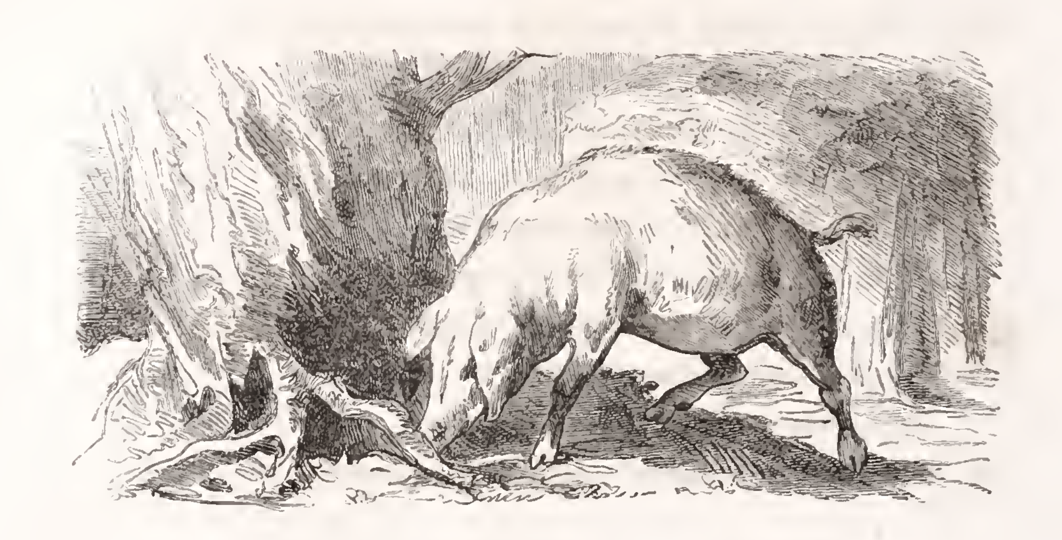
КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Когда почтенъ быть хочешь у людей, —
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

—

Мужикъ съ Змѣею подружился.
Извѣстно, что Змѣя умна:
Такъ вкралась къ Мужику она,
Что ею только онъ и клялся и божился.
Съ-тѣхъ-поръ всѣ прежніе пріятели, родня,
Никто къ нему ногой не побываетъ.
„Помилуйте," Мужикъ пеняетъ:
„За что̀ вы всѣ покинули меня!
Иль угостить жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?"
—„Нѣтъ," кумъ, Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ:
„Къ тебѣ-бы рады мы, сосѣдъ;
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ:

Но что за радость, разсуди,
Коль сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?“

VII.

СВИНЬЯ подъ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь это дереву вредитъ,“
Ей съ дубу вóронъ говоритъ:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.“
—„Пусть сохнетъ,“ говоритъ Свинья:
„Ни чуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
Лишь были-бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.“
— „Неблагодарная“ примолвилъ Дубъ ей тутъ:
„Когда-бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ-бы видно было,
Что эти желуди на мнѣ растутъ.“

—

Невѣжа такъ-же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

VIII.

ПАУКЪ и ПЧЕЛА.

По мнѣ таланты тѣ негодны,
Въ которыхъ Свѣту пользы нѣтъ,
Хоть иногда имъ и дивится Свѣтъ.
Купецъ на ярмарку привезъ полотны;
Онѣ такой товаръ, что надобно для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покупщиковъ отбою нѣтъ; у лавки
Доходитъ иногда до давки.
Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ съ рукъ,
Завистливый Паукъ
На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ на-диво,
Засѣлъ, надувшися, спѣсиво,
Отъ лавки не отходитъ прочь,
И думаетъ: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупщиковъ къ себѣ онъ переманитъ.
Вотъ день насталъ: но что-жъ? Проказни каметлой

Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
„Вотъ,“ говоритъ: „жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣе тканье:
Купцово, иль мое?“
— „Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ?“
Пчела отвѣтствуетъ: „извѣстно то давно;
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?“

IX.

ЛИСИЦА и ОСЕЛЪ.

„Отколѣ умная бредешь ты, голова?“
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
— „Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я, безъ памяти, бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь-ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымѣщалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами....“
— „Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?“
Лиса Осла перерываетъ.
— „Вотъ-на!“ Оселъ ей отвѣчаетъ:
„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыты знаетъ?“

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды;
Но упади лишь съ высоты:
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

X.

МУХА и ПЧЕЛА.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
 На тонкомъ стебелькѣ
 Качалась Муха, сидя,
 И на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спѣсиво говоритъ: „**Ужъ какъ тебѣ не лѣнь**
Съ-утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ-бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
 Вотъ, напримѣръ, мое
 Такъ, право, райское житье!
 За мною только лишь и дѣла,
 Летать по баламъ, по гостямъ;
И молвить, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
 Вельможъ и богачей всѣ домы.

Когда-бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, имянины, —
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ.
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ-же, жалуя полъ нѣжной,
Вокругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной."
— „Все это знаю я," отвѣтствуетъ Пчела:
„Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ."
— „Вотъ", Муха говоритъ: „гоняютъ! Что-жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое."

XI.

ЗМѢЯ и ОВЦА.

Змѣя лежала подъ колодой,
И злилася на цѣлый свѣтъ;
У ней другаго чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужъ такъ она природой.
Ягненокъ въ-близости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вотъ, выползши она, въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;
Вся кровь отъ яду въ немъ горитъ.
„Что сдѣлалъ я тебѣ?" Змѣѣ онъ говоритъ.
—„Кто знаетъ? Можетъ-быть, ты съ тѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня," шипитъ ему Змѣя:
„Изъ осторожности тебя караю я."
—„Ахъ, нѣтъ!" онъ отвѣчалъ,—и съ жизнью тутъ разстался.

Въ комъ сердце такъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ,
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

XII.

КОТЕЛЪ и ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ Котломъ большую дружбу свелъ,
Хотя и по-знатнѣй породою Котелъ,
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;
Горшокъ съ Котломъ за-панибрата;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ-утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И, словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,
И съ очага и на очагъ.
Вотъ вздумалось Котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ;
Горшокъ нашъ отъ Котла никакъ не отстаетъ,
И вмѣстѣ на одну телѣгу съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы —
Котлу бездѣлица; Горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка Горшку большой накладъ,
Однако-жъ онъ не думаетъ назадъ,
И глиняный Горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ Котломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой Котелъ съ дороги воротился,
А отъ Горшка одни остались черепки.

—

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.

XIII.

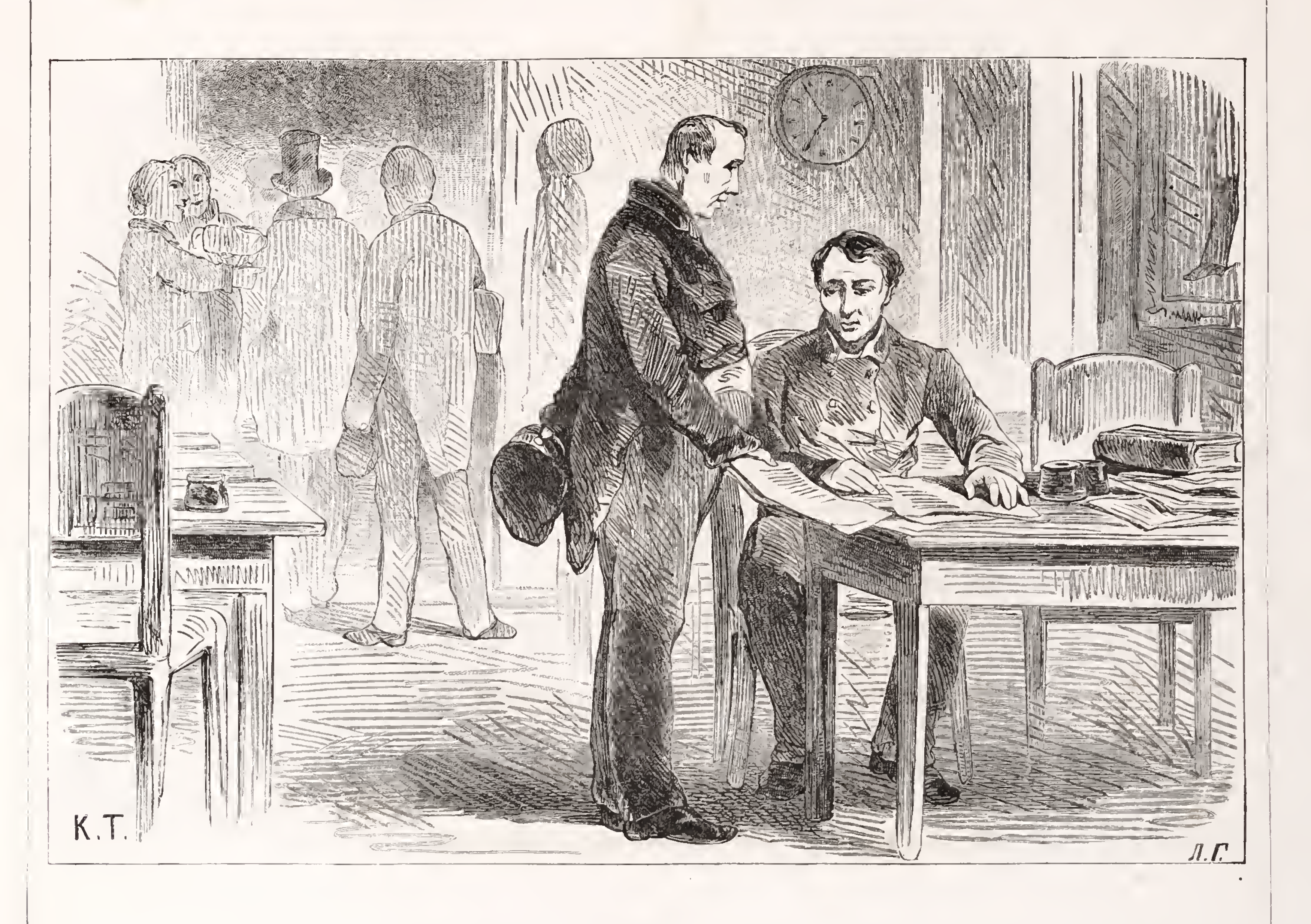
ДИКІЯ КОЗЫ.

Пастухъ нашелъ зимой въ пещерѣ Дикихъ Козъ;
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слезъ:
„Прекрасно,“ говоритъ: „ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое стадо;
И не доѣмъ и не досплю,
А милыхъ Козочекъ къ себѣ я прикормлю,
И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.“
Вѣдь пастуху стада̀, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ вольной беретъ;
И масла и сыры скопляетъ.
Подъ-часъ онъ тожъ и шкурки съ нихъ деретъ:
Лишь-только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ,
А корму на зиму у пастуха запасъ!

Вотъ отъ своихъ овецъ къ гостямъ онъ кормъ таскаетъ;
Голубитъ ихъ, ласкаетъ;
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ;
Ихъ всячески старается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,
Теперь, покамѣсть, не до нихъ,
И со своими-жъ легче сладить:
Сѣнца имъ бросить по клочку,
А станутъ приступать, такъ дать имъ по толчку,
Чтобъ менѣе въ глаза совались.
Да только вотъ бѣда: когда пришла весна,
То Козы Дикія всѣ въ горы разбѣжались,
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна;
Свое-же стадо захирѣло,
И все почти переколѣло:
И мой пастухъ пошелъ съ сумой;
Хотя зимой
На барыши въ умѣ разсчитывалъ прекрасно.

—

Пастухъ! тебѣ теперь я молвлю рѣчь;
Чѣмъ въ Дикихъ Козъ терять свой кормъ напрасно,
Не лучше-ли-бы козъ домашнихъ поберечь?

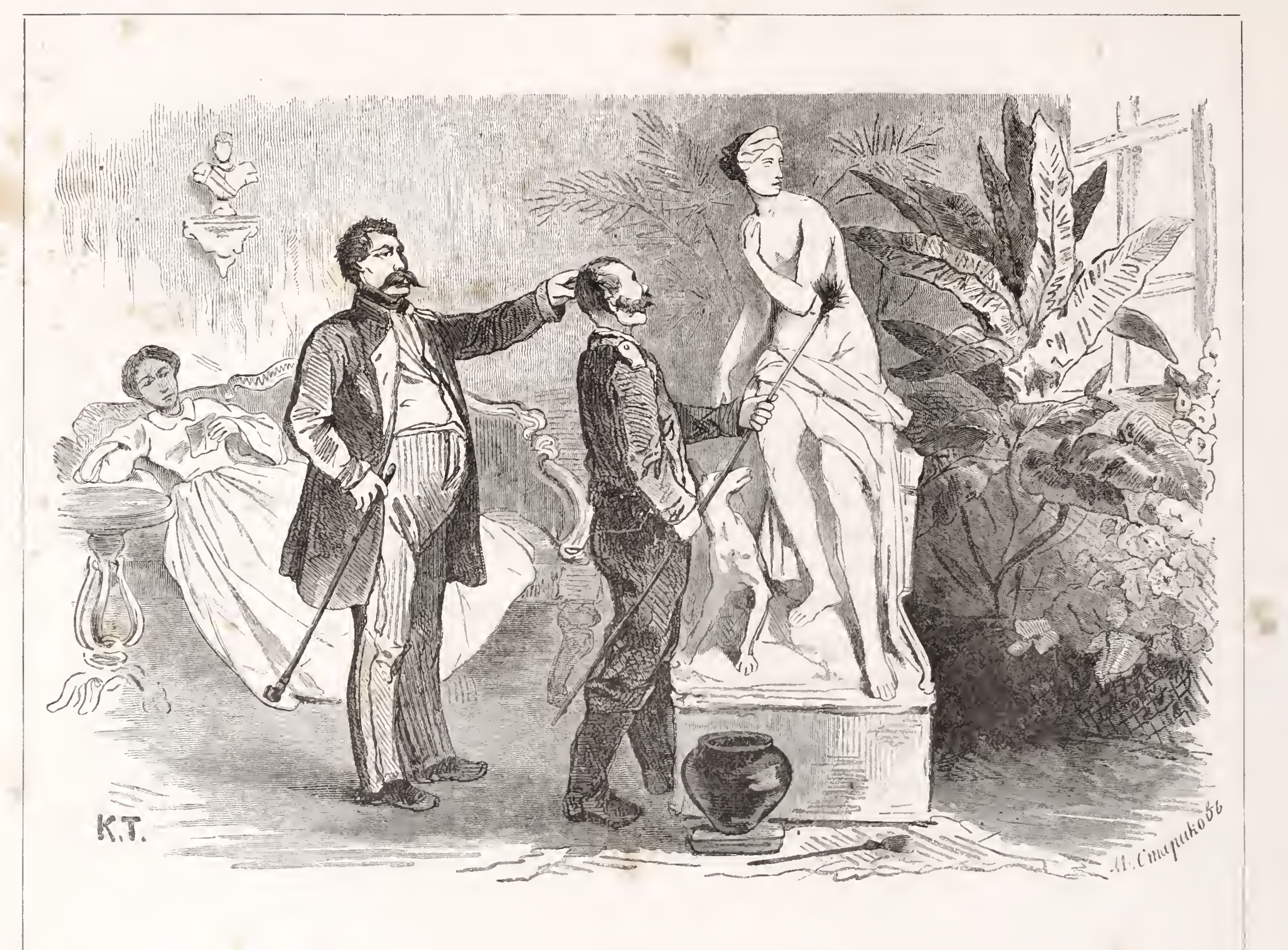

XIV.

СОЛОВЬИ.

Какой-то птицеловъ
Весною наловилъ по рощамъ Соловьевъ.
Пѣвцы разсажены по клѣткамъ, и запѣли.
Хоть лучше-бъ по лѣсамъ гулять они хотѣли:
Когда сидишь въ тюрьмѣ, до пѣсень-ли ужъ тутъ?
Но дѣлать нечего: поютъ,
Кто съ-горя, кто отъ скуки.
Изъ нихъ одинъ бѣдняжка Соловей
Терпѣлъ всѣхъ болѣ муки:
Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей.
Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ.
Сквозь слезъ изъ клѣтки онъ посматриваетъ въ поле;
Тоскуетъ день и ночь;

Однако-жъ думаетъ: „злу грустью не помочь:
Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,
А умный ищетъ средства,
Какъ дѣломъ горю пособить;
И, кажется, бѣду могу я съ шеи сбыть;
Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать.
Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать.
Такъ если голосомъ ему я угожу,
Быть-можетъ, тѣмъ себѣ награду заслужу,
И онъ мою неволю окончаетъ.“
Такъ разсуждалъ — и началъ мой пѣвецъ:
И пѣснью онъ зарю вечерню величаетъ.
И пѣснями восходъ онъ солнечный встрѣчаетъ.
Но что-же вышло наконецъ?
Онъ только отягчилъ свою тѣмъ злую долю.
Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно
Хозяинъ отворилъ и клѣтки и окно,
И распустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка Соловей,
Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

XV.

ГОЛИКЪ.

Запачканный Голикъ попалъ въ большую честь —
Ужъ онъ половъ не будетъ въ кухняхъ месть:
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно слуги были пьяны).
Вотъ развозился мой Голикъ:
По платью барскому безъ-устали колотитъ,
И на кафтанахъ онъ какъ-будто рожь молотитъ.
И подлинно что трудъ его великъ.
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ.
Что-жъ пользы отъ его труда?
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.

—

Бываетъ столько-же вреда,
Когда
Невѣжда не въ свои дѣла вплетется,
И поправлять труды ученаго возьмется.

XVI.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ Овцу;
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья — лиса: оно въ-минуту закипѣло.
Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика:
Кàкъ было дѣло; въ чемъ улика?
Крестьянинъ говоритъ: „Такого-то числа,
По-утру, у меня двухъ куръ не досчитались:
Отъ нихъ лишь косточки да перышки остались;
А на дворѣ одна Овца была.“
Овца-же говоритъ: она всю ночь спала,
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ-того она совсѣмъ не ѣстъ мяснаго.
И приговоръ лисы вотъ, отъ слова до слова:
„Не принимать никакъ резоновъ отъ Овцы.
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ-жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь —
Овца отъ куръ не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу, по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того казнить Овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.“

XVII.

СКУПОЙ.

Какой-то домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ-вдругъ ему нарядъ
От демонскаго воеводы,
Летѣть за тридевять земель на многи годы.
А служба такова: хоть радъ, или не радъ,
Исполнить должно повелѣнье.
Мой домовой въ большомъ недоумѣньѣ,
Кàкъ безъ себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовыя:
Расходы надобно большіе;
Оставить такъ его; такъ можетъ кладъ пропàсть;
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могутъ и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочетъ, думаетъ, и вздумалъ наконецъ.
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ, взявъ сокровище, является къ Скупому,
И говоритъ: „Хозяинъ дорогой!
Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;
А я всегда доволенъ былъ тобой:
Такъ на прощаньѣ, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ѣшь и веселись,
И трать ихъ безъ боязни!
Когда-же придетъ смерть твоя,
То твой одинъ наслѣдникъ я:
Вотъ все мое условье;
А впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!"
Сказалъ, и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой.
Исправя службу, домовой
Летитъ домой
Въ отечески предѣлы.
Что-жъ видитъ? О, восторгъ! Скупой съ ключемъ въ рукѣ
Отъ голоду издохъ на сундукѣ —
И всѣ червонцы цѣлы.

Тутъ Духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ,
И былъ сердечно радъ,
Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

—

Когда у золота, скупой не ѣстъ, не пьетъ, —
Не домовому-ль онъ червонцы бережетъ?

XVIII.

БОГАЧЪ и ПОЭТЪ.

Съ великимъ Богачомъ Поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ, и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и спѣсью весь раздутъ.
—„Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
Тучегонитель, громовержецъ!"
Кричитъ Поэтъ: „чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ-юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ;
Межъ-тѣмъ, какъ соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ,
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ."
— „А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки?"
Юпитеръ отвѣчалъ: „а про него
Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.
Не самъ-ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему-жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль вещи-бы онъ болѣ понималъ.
И если-бы съ его умомъ была возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность. —
Онъ болѣе-бъ тебя на жребій свой pопталъ."

XIX.

ВОЛКЪ и МЫШЕНОКЪ.

Изъ стада сѣрый Волкъ
Въ лѣсъ овцу затащилъ, въ укромный уголокъ,
Ужъ разумѣется, не въ гости:
Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И такъ ее онъ убиралъ,
Что на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жаденъ былъ, а съѣсть всего не могъ;
Оставилъ къ ужину запасъ и подлѣ легъ
Понѣжиться, вздохнуть отъ жирнаго обѣда.
Вотъ, близкаго его сосѣда,
Мышенка запахомъ пирушки привлекло.
Межъ мховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался,
Схватилъ кусокъ мясца, и съ нимъ скорѣй убрался

Къ себѣ домой, въ дупло.
Увидя похищенье,
Волкъ мой
По лѣсу похнялъ вой;
Кричитъ онъ: „Караулъ! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое имѣнье!“

—

Такое-жъ въ городѣ я видѣлъ приключенье:
У Климыча судьи часишки воръ стянулъ,
И онъ кричитъ на вора: караулъ!

XX.

ДВА МУЖИКА.

„Здорово, кумъ Ѳаддей!“ — „Здорово, кумъ Егоръ!“
—„Ну, каково, пріятель, поживаешь?“
—„Охъ, кумъ, бѣды моей, что̀ вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ,
И по̀-міру пошелъ съ-тѣхъ-поръ.“
— „Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!“
—„Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.

Ну, ты какъ?“ — „Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ,
Я, то-жъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару:
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка.
И вотъ я съ-той-поры калѣка.“
— „Пеняйте на себя, друзья!“
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. „Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ, не хуже-ль и въ потьмахъ.“

XXI.

КОТЕНОКЪ и СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-то домѣ былъ Скворецъ,
Плохой пѣвецъ;
Зато ужъ философъ презнатный,
И свелъ съ Котенкомъ дружбу онъ.

Котенокъ былъ ужъ котикъ преизрядный,
Но тихъ и вѣжливъ, и смиренъ.
Вотъ какъ-то былъ въ столѣ Котенокъ обдѣленъ.
Бѣдняжку голодъ мучитъ:
Задумчивъ бродитъ онъ, скучаючи постомъ;
Поводитъ ласково хвостомъ,
И жалобно мяучитъ.
А философъ Котенка учитъ,
И говоритъ ему: „Мой другъ, ты очень простъ,
Что терпишь добровольно постъ;
А въ клѣткѣ надъ носомъ твоимъ виситъ щегленокъ:
Я вижу, ты прямой Котенокъ.“
— „Но совѣсть...“ — „Кàкъ ты мало знаешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ,
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ — пустыя только шутки!
На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ.
Вотъ доказательства тебѣ и вотъ примѣры.“
Тутъ, выведя ихъ на свои манеры,
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Котенку на-тощакъ понравилась она:
Онъ вытащилъ и съѣлъ щегленка
Разлакомилъ кусокъ такой Котенка.
Хотя имъ голода онъ утолить не могъ.
Однако-же второй урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ,
И говоритъ Скворцу: „Спасибо, милый кумъ!
Наставилъ ты меня на умъ.“
И, клѣтку разломавъ, учителя онъ скушалъ.

XXII.

ДВѢ СОБАКИ.

Дворовый, вѣрный пёсъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ,
Къ ней ластяся, какъ будто-бы къ роднѣ,
Онъ, съ умиленья, чуть не плачетъ
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
„Ну, что, Жужутка, какъ живешь,
Съ-тѣхъ-поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь: на дворѣ мы часто голодали.

Какую службу ты несешь?“
— „На счастье грѣхъ роптать,“ Жужутка отвѣчаетъ:
„Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ:
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ; а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану,
Ты какъ живешь?“—„Я,“ отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
„Живу по-прежнему: терплю и холодъ,
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ-же ты. Жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ-тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?“—„Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
„На заднихъ лапкахъ я хожу.“

—

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ!

XXIII.

КОШКА и СОЛОВЕЙ.

Поймала Кошка Соловья,
В бѣдняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
„Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ,
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.
Мнѣ говоритъ лиса-кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсенъ
Всѣ пастухи, пастушки — безъ ума.
Хотѣла-бъ очень я, сама,
Тебя послушать.
Не трепещися такъ; не будь, мой другъ, упрямъ;

Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь спой мнѣ что-нибудь: тебѣ я волю дамъ.
И отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю,
И часто, про себя, мурлыча, засыпаю."
Межъ-тѣмъ мой бѣдный Соловей
Едва-едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
„Ну, что-же?" продолжаетъ Кошка:
„Пропой, дружокъ, хотя немножко.
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только-что пищалъ.
„Такъ этимъ-то лѣса ты восхищалъ!"
Съ насмѣшкою она спросила:
„Гдѣ-жъ эта чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ-умолку твердятъ?
Мнѣ скученъ пискъ такой и отъ моихъ котятъ.
Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусенъ!"
И съѣла бѣднаго пѣвца —
До крошки.

—

Сказать-ли на ушко, яснѣе, мысль мою?
Худыя пѣсни Соловью
Въ когтяхъ у кошки.

XXIV.

РЫБЬИ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только-что лѣса, но даже воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого-бъ надъ рыбами поставить въ воеводы?
И выбрана была лиса.
Вотъ лисынька на воеводство сѣла.
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичокъ, пріятель, сватъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ-тѣмъ, какъ съ бережку лисица рядитъ, судитъ,
Кумъ рыбку удитъ
И дѣлитъ съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.

Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривилися вѣсы,
И, улуча свободные часы,
Пустился самъ свое осматривать владѣнье.
Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, расклалъ у печки огонекъ,
И съ кумушкой попировать сбирался;
Бѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.
На мужика разинувъ зевъ,
„Кто ты, что̀ дѣлаешь?“ спросилъ сердито левъ.
—„Великій Государь!“ отвѣтствуетъ плутовка
(У лисыньки всегда въ запасѣ есть уловка):
„Великій Государь!
Онъ у меня здѣсь главный секретарь:
За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ;
А это, караси, все жители воды:
Мы всѣ пришли сюды
Поздравить, добрый Царь, тебя съ твоимъ приходомъ.“
—„Ну, какъ здѣсь идетъ судъ? Доволенъ-ли вашъ край?“
—„Великій Государь, здѣсь не житье имъ, — рай:
Лишь-только-бъ дни твои безцѣнные продлились.“
(А рыбки между-тѣмъ на сковородкѣ бились).
—„Да отчего-же,“ левъ спросилъ: „скажи ты мнѣ
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ!“
—„О, мудрый левъ!“ Лиса отвѣтствуетъ: „онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ.“
Не могши болѣ тутъ левъ явной лжи стерпѣть,
Чтобъ не безъ музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
Въ своихъ когтяхъ заставилъ пѣть.

XXV.

ПРИХОЖАНИНЪ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній, и писатель,
Зато уже другой,

Какъ хочешь сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ-быть, я тѣмъ не много досажу,
Но вмѣсто басни, быль на это имъ скажу.

—

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣдникъ),
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.
Въ ней правда чистая, казалось безъ искусства,
Какъ цѣпью золотой,
Возъемля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный тщетой.
Душъ пастырь кончилъ поученье:
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда-жъ изъ Божьяго міряне вышли дому,
„Какой пріятный даръ!“
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому:
„Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ?“ — „Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода.“

XXVI.

ВОРОНА.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

—

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спѣсиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ее
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,

И что пришла·ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой-же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она-было назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

—

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней пол-милліона.
Вотъ выдали Матрену за Барона.
Чтó-жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась,
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

КНИГА ОСЬМАЯ

I.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ;
И самого едва таскаютъ ноги хилы.
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва, въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все, и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ.
Какъ видитъ, что оселъ туда-жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть,
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ-бъ было по-больнѣе.
„О, боги!“ возопилъ, стеная, Левъ тогда:
„Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла:
Все легче, чѣмъ теперь обиды отъ осла.“

II.

ЛЕВЪ, СЕРНА и ЛИСА.

По дебрямъ гнался Левъ за Серной;
Уже ее онъ настигалъ,
И взоромъ алчнымъ пожиралъ
Обѣдъ себѣ въ ней, сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей нельзя ни какъ:
Дорогу обоимъ пересѣкалъ оврагъ;
Но Серна легкая всѣ силы натянула —
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула,
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой Левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ—Лиса,
„Какъ!“ говоритъ она: „Съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь Сернѣ хилой!
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса:
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь-же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала-бы твоихъ отваживать я дней,
Когда-бъ не знала
И крѣпости и легкости твоей.“
Тутъ кровь во Львѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однако-жъ пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ слетѣлъ и—дб-смерти убился.
А что-жъ его сердечный другъ?
Онъ по-тихохоньку въ оврагъ спустился,
И, видя, что ужъ Льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ, на просторѣ и на волѣ,
Справлять поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

III.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛОШАДЬ.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя Лошадь молодая,
Такъ про себя ворчала, разсуждая:
„За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ, говорятъ, что люди насъ умнѣе:
Чтó, можетъ быть, безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой по-пустому?
Стравилъ-бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому;
Хоть курамъ-бы его онъ вздумалъ разбросать,
Все было-бъ болѣе похоже то на стать:
Хоть спряталъ-бы его: я видѣла-бъ въ томъ скупость;
А пò-пусту бросать! Нѣтъ, это просто глупость.“
Вотъ къ-осени, межъ-тѣмъ, овесъ тотъ убранъ былъ,
И нашъ Крестьянинъ имъ того-жъ Коня кормилъ.

—

Читатель! Вѣрно, нѣтъ сомнѣнья,
Что не одобришь ты конева разсужденья;
Но съ самой древности, въ нашъ даже вѣкъ,
Не такъ-ли дерзко человѣкъ
О волѣ судитъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая Его, ни цѣли, ни путей?

IV.

БѢЛКА.

У Льва служила Бѣлка
Не знаю, какъ и чѣмъ; но дѣло только въ томъ,
Что служба Бѣлкина угодна передъ львомъ;
А угодить на льва, конечно, не бездѣлка.
За то обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ.
Обѣщанъ—между-тѣмъ все время улетаетъ;
А Бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ.
И скалитъ передъ львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотритъ: по-лѣсу то тамъ, то сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ;
Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ
Орѣшки, знай-себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ.
Но наша Бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,

Глядитъ, — нельзя никакъ.
На службу льву ее то кличутъ, то толкаютъ.
Вотъ Бѣлка наконецъ ужъ стала и стара,
И льву наскучила: въ отставку ей пора.
Отставку Бѣлкѣ дали,
И точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на-отборъ: орѣхъ къ орѣху — чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубовъ у Бѣлки нѣтъ.

V.

ЩУКА.

На Щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судьи невдалекѣ сбирались;
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однако-жъ имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя, да два иль три козла;
Для должнаго-жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана была лиса за прокурора.
И слухъ между народа шелъ,
Что Щука лисынкѣ снабжала рыбный столъ;
Совсѣмъ тѣмъ, не было въ судьяхъ лицепріязни,
И то сказать, что Щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ.
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
„Почтенные судьи!“ Лиса тутъ приступила:
„Повѣсить мало: я-бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:

Чтобъ было впредь плутамъ и страшно и опасно —
Такъ утопить ее въ рѣкѣ.“ — „Прекрасно!“
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И Щуку бросили — въ рѣку!

VI.

КУКУШКА и ОРЕЛЪ.

Орелъ пожаловалъ Кукушку въ соловьи.
Кукушка, въ новомъ чинѣ.
Усѣвшись важно на осинѣ,
Таланты въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась;
Глядитъ — всѣ прочь летятъ,
Одни смѣются ей, а тѣ ее бранятъ.
Моя Кукушка огорчилась,
И съ жалобой на птицъ къ Орлу спѣшитъ она.
„Помилуй!“ говоритъ: „по твоему велѣнью
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!“
— „Мой другъ!“ Орелъ въ отвѣтъ: „я царь, но я не Богъ.
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить;
Но сдѣлать соловьемъ Кукушки я не могъ.“

VII.

БРИТВЫ.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
По-утру, чуть-лишь я глаза продралъ,
И что́-же узнаю? — Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;

Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ.
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
„Что сдѣлалось съ тобой? мой милый!... Я надѣюсь,
Не боленъ ты.“ — „Охъ! ничего: я брѣюсь.“
— „Какъ! только?“ Тутъ я всталъ—гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ-будто-бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
„Что дива? я сказалъ: „ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только съ ними станешь.“
— „Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.“
— „А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.“

—

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ-ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

VIII.

СОКОЛЪ и ЧЕРВЯКЪ.

Въ вершинѣ дерева за вѣтку уцѣпясь,
Червякъ на ней качался.
Надъ Червякомъ Соколъ, по воздуху носясь,
Такъ съ высоты шутилъ и издѣвался:
„Какихъ-ты, бѣдненькій, трудовъ не перенесъ!
Что-жъ прибыли, что ты высоко такъ заползъ?
Какая у тебя и воля, и свобода?
И съ вѣткой гнешься ты, куда велитъ погода.“

„ — Тебѣ шутить легко,“
Червякъ отвѣтствуетъ: „летая высоко,
Затѣмъ, что крыльями и силенъ ты, и крѣпокъ;
Но мнѣ судьба дала достоинства не тѣ:
Я здѣсь на высотѣ
Тѣмъ только и держусь, что я, по счастью, цѣпокъ!“

IX.

БѢДНЫЙ БОГАЧЪ.

„Ну, стоитъ-ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ.
Мы только-лишь себя и мучимъ и безславимъ.
Нѣтъ, если-бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только-бы рубля, я-бъ тысячь не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко-бъ было слышно;
Я, даже, дѣлалъ-бы добро другимъ.
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа.“
Такъ разсуждалъ Бѣднякъ съ собой самимъ,
Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;
Какъ-вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
Кто говоритъ — колдунъ, кто говоритъ — что бѣсъ:
Послѣднее едва-ли не вѣрнѣе:
Изъ дѣла будетъ то виднѣе,
Предсталъ — и началъ такъ: „Ты хочешь быть богатъ,
Я слышалъ для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
И такъ, пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ,
Возьми-жъ, и изъ него безъ счету вынимай,
Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,

Пока въ рѣку не бросишь кошелька."
Сказалъ — и съ кошелькомъ оставилъ Бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался,
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся,
И что-жъ? — Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
Едва червонецъ вынетъ онъ,
Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
Бѣднякъ мой говоритъ:
„Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
Такъ, завтра-же богатъ я буду,
И заживу какъ сибаритъ."
Однако-жъ по-утру онъ думаетъ другое.
„То правда," говоритъ: „теперь я сталъ богатъ;
Да кто-жъ добру не радъ!
И почему-бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день!
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо-ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ:
Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
Одинъ денекъ,
А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю."
Но что-жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ —
Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
Межъ-тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за ту-жъ работу.
День кончится, и по его разсчету,
Ему всегда чего-нибудь не достаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Придетъ къ рѣкѣ, — воротится опять.
„Какъ можно," говоритъ: „отъ кошелька отстать,
Когда мнѣ золото рѣкою само льется?"
И, наконецъ, Бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ;
Какъ золото его, Бѣднякъ мой пожелтѣлъ.
Ужъ и о пышности онъ болѣ не смѣкаетъ:
Онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой,
Утратилъ все; но все дрожащею рукой

Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ-же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той-же лавкѣ онъ скончался.
Досчитывая свой девятый милліонъ.

X.

БУЛАТЪ.

Булатной сабли острый клинокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ;
Съ нимъ вмѣстѣ вынесенъ на рынокъ.
И мужику за-даромъ проданъ тамъ.
У мужика затѣи не велики:
Онъ отъискалъ тотчасъ въ Булатѣ прокъ.
Мужикъ мой насадилъ на клинокъ черепокъ
И сталъ Булатомъ драть въ лѣсу на лапти лыки,
А дома, зà-просто. лучину имъ щепать;
То вѣтви у плетня, то сучья обрубать.
Или обтесывать тычины къ огороду.
Ну, такъ. что не прошло и году,
Какъ мой Булатъ въ зубцахъ и въ ржавчинѣ кругомъ,
И дѣти ѣздятъ ужъ на немъ
Верхомъ.
Вотъ ежъ, въ избѣ подъ лавкой лежа.
Куда и клинокъ брошенъ былъ,
Однажды такъ Булату говорилъ:
„Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И ёсли про Булатъ
Такъ много громкаго не ложно говорятъ:
Не стыдно-ли тебѣ щепать лучину,
Или обтесывать тычину,
И, наконецъ, игрушкой быть ребятъ?“
— „Въ рукахъ-бы воина врагамъ я былъ ужасенъ.“
Булатъ отвѣтствуетъ: „а здѣсь мой даръ напрасенъ;
Такъ, низкимъ лишь трудомъ я занятъ здѣсь въ дому:
Но развѣ я свободенъ?
Нѣтъ, стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто не умѣлъ понять, кчему я годенъ.“

XI.

КУПЕЦЪ.

„Поди-ка, братъ, Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда, скорѣй,
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-мòему, такъ будешь не въ накладѣ.“
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику Купецъ.
„Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ, что онъ и старъ, и подмоченъ, и гнилъ:
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъ блушка послалъ.“
— „Все это, дядя, такъ,“ племянникъ отвѣчалъ:
„Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ:

Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку.“

—

Обманутъ! Обманулъ Купецъ: въ томъ дива нѣтъ;
Но если кто на свѣтъ
По-выше лавокъ взглянетъ, —
Увидитъ, что и тамъ на ту-же стать идетъ;
Почти у всѣхъ во всемъ одинъ разсчетъ:
Кого кто лучше проведетъ,
И кто кого хитрѣй обманетъ.

XII.

ПУШКИ и ПАРУСА.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
„О, боги! видано-ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь-только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ-будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по Океану,
И только чванятся; а мы — громимъ въ бояхъ!
Не нами-ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ!
Не мы-ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети-же, помоги, могучій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ по-скорѣй!“
Борей послушался — летитъ, дохнулъ и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;

Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что-жъ? Корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ: сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ Пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

—

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

XIII.

ОСЕЛЪ.

Былъ у крестьянина Оселъ,
И такъ себя, казалось, смирно велъ,
Что мужику нельзя имъ было нахвалиться;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ —
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ;
Надулся мой Оселъ: сталъ важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, онъ слыхалъ),
И думаетъ, теперь большой онъ баринъ сталъ;
Но вышелъ новый чинъ Ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ
(То можетъ не однимъ Осламъ служить урокомъ).
Сказать вамъ должно напередъ:
Въ Ослѣ не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдетъ-ли въ рожь, въ овесъ, иль въ огородъ, —
Наѣстся до-сыта, и выйдетъ тихомолкомъ.
Теперь пошло инымъ все толкомъ:
Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ-умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ.
Глядятъ: хозяинъ, взявъ дубину,

Гоняетъ то со ржи, то съ грядъ, мою скотину;
А тамъ, сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,
  Ослу коломъ ворочаетъ бока.
Ну, такъ, что бѣдный нашъ вельможа
  До осени зачахъ,
И кости у Осла остались лишь, да кожа.

—

  И у людей въ чинахъ
Съ плутами та-жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
  То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Звукъ отъ него и громокъ, и далекъ.

XIV.

МИРОНЪ.

Жилъ въ городѣ богачъ, по имени Миронъ.
Я имя вставилъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить;
Нѣтъ, этакихъ людей не худо имя помнить.
    На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди; а̀ едва-ль сосѣди и не правы,
Что будто у него въ шкатулкѣ милліонъ —
А бѣднымъ никогда не дастъ копѣйки онъ.
    Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
    Миронъ мой распустилъ въ народъ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по субботамъ.
    И подлинно, кто ни придетъ къ воротамъ —
        Онѣ не заперты ни какъ.

„Ахти!“ подумають: „бѣдняжка разорился!“
Не бойтесь, скряга умудрился:
Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ;
И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться, —
Дай Богъ здоровому съ двора убраться.
Межъ-тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.
Всѣ говорятъ: „Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ,
И трудно до него добиться:
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться.“

—

Видать случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты;
Да только все собаки виноваты —
Мироны-жъ сами всторонѣ.

XV.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛИСИЦА.

Лиса Крестьянину однажды говорила:
„Скажи, кумъ милый мой.
Чѣмъ лошадь отъ тебя такъ дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда съ тобой?
Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;
Въ дорогу-ль — съ нею ты, и часто съ нею въ полѣ;
А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей
Едва-ль она не всѣхъ глупѣй.“
— „Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила!“
Крестьянинъ отвѣчалъ: „Все это суета.
Цѣль у меня совсѣмъ не та:
Мнѣ нужно, чтобъ она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута.“

XVI.

СОБАКА и ЛОШАДЬ.

У одного крестьянина служа.
Собака съ Лошадью считаться какъ-то стали.
„Вотъ,“ говоритъ Барбосъ: „большая госпожа́!
По-мнѣ хоть-бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другаго не слыхать;
И можно-ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу;
А ночью домъ я стерегу.“
—„Конечно,“ Лошадь отвѣчала:
„Твоя правдива рѣчь;
Однако-же, когда-бъ я не пахала.
То нечего-бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.“

XVII.

ФИЛИНЪ и ОСЕЛЪ.

Слѣпой Оселъ въ лѣсу съ дороги сбился
(Онъ въ дальній путь-было, пустился).
Но къ-ночи въ чащу такъ забрелъ мой сумасбродъ,
Что двинуться не могъ ни взадъ онъ, ни впередъ,
И зрячему-бы тутъ не выйти изъ хлопотъ;
Но Филинъ вблизости, по счастію, случился,
И взялся быть Ослу проводникомъ.
Всѣ знаютъ, Филины какъ ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки,
Все это различалъ мой Филинъ будто днемъ.
И къ-утру выбрался на ровный путь съ Осломъ,
Ну, какъ съ проводникомъ такимъ разстаться?
Вотъ проситъ Филина Оселъ, чтобъ съ нимъ остаться,
И вздумалъ изойти онъ съ Филиномъ весь свѣтъ.
Мой Филинъ господиномъ
Усѣлся на хребтѣ ослиномъ;
И стали путь держать; счастливо-ль только? Нѣтъ:
Лишь солнце на небѣ и-оутру заиграло,
У Филина въ глазахъ темнѣе почи стало.
Однако-жъ Филинъ мой упрямъ;
Ослу совѣтуетъ и вкось и впрямъ —
„Остерегись!“ кричитъ: „направо будемъ въ лужѣ.“
Но лужи не было, а влѣво вышло хуже.
„Еще лѣвѣй возьми, еще лѣвѣе шагъ!“
И — бухъ Оселъ, и съ Филиномъ, въ оврагъ.

XVIII.

ЗМѢЯ.

Змѣя Юпитера просила,
Чтобъ голосъ дать ей соловья.
„А то ужъ,“ говоритъ: „мнѣ жизнь моя постыла.

Куда ни покажуся я,
То всѣ меня дичатся,
Кто по-слабѣй;
А кто меня сильнѣй,
Дай Богъ отъ тѣхъ живой убраться.
Нѣтъ, жизни этакой я болѣ не снесу;
А если-бъ соловьемъ запѣла я въ лѣсу,
То, возбудя-бы удивленье,
Снискала-бы любовь и, можетъ-быть, почтенье,
И стала-бы душой веселыхъ я бесѣдъ.“
Исполнилъ Юпитеръ Змѣи прошенье;
Шипѣнья гнуснаго пропалъ у ней и слѣдъ.
На дерево всползя, Змѣя на немъ засѣла,
Прекраснымъ соловьемъ Змѣя моя запѣла,
И стая, было, птицъ отвсюду къ ней подсѣла;
Но, возрпся въ пѣвца, всѣ съ дерева дождемъ.
Кому понравится такой пріемъ?
„Ужли вамъ голосъ мой противенъ?“
Въ досадѣ говоритъ Змѣя.
— „Нѣтъ,“ отвѣчалъ скворецъ: „онъ звученъ, дивенъ,
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, въ насъ сердце задрожало,
Когда увидѣли твое мы жало:
Намъ страшно вмѣстѣ быть съ тобой.
И такъ скажу тебѣ, не для досады:
Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады —
Да только ты отъ насъ по-далѣ пой.“

XIX.

ВОЛКЪ и КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ.
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ-бы въ первые тутъ шмыгнуть ворота —
Да то лишь горе.
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой, на заборѣ
Кота,
И молвитъ: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ!

Все это вѣдь за мной.“ — Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ,“ Котъ Васька говоритъ.
— „То такъ; да у него я ободралъ барана.“
—Ну, попытайся-жъ у Демьяна.“
— „Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка.“
—„Бѣги-жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.“
— „Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ-весны грозится за ягненка!“
— „Ну, плохо-жъ! — Но, авось тебя укроетъ Климъ!“
— „Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“
— „Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ.“
Сказалъ тутъ Васька Волку:
„Какую-жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы,—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ—то и жни.

XX.

ЛЕЩИ.

Въ саду у барина въ прудѣ,
Въ прекрасной ключевой водѣ
Лещи водились.
Станицами они у берегу рѣзвились,
И золотые дни, казалось, имъ катились.
Какъ-вдругъ
Къ нимъ баринъ напустить велѣлъ съ полсотни щукъ.
„Помилуй!“ говоритъ, его, то слыша другъ:
„Помилуй, что ты затѣваешь?
Какого ждать отъ щукъ добра:
Вѣдь не останется Лещей здѣсь ни пера.
Иль жадности ты щукъ не знаешь?“
— „Не трать своихъ рѣчей,“
Бояринъ отвѣчалъ съ улыбкою, „все знаю:
Да только вѣдать я желаю,
Съ чего ты взялъ, что я охотникъ до Лещей?“

XXI.

ВОДОПАДЪ и РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надмѣнностью сказалъ,
(Который подъ горой едва-лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лечебною своей):
„Не странно-ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?“ — „Лечиться,“
Смиренно прожурчалъ Ручей.

XXII.

ЛЕВЪ.

Когда ужъ Левъ сталъ хилъ и старъ.
То жесткая ему постеля надоѣла:
Въ ней больно и костямъ; она-жъ его не грѣла.
И вотъ сзываетъ онъ къ себѣ своихъ бояръ,
Медвѣдей и волковъ пушистыхъ и косматыхъ.
И говоритъ: „Друзья! для старика,
Постель моя ужъ черезчуръ жестка:
Такъ какъ-бы, не тягча ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Мнѣ шерсти пособрать,
Чтобъ не на голыхъ камняхъ спать.
„Свѣтлѣйшій Левъ!“ отвѣтствуютъ вельможи;
„Кто станетъ для тебя жалѣть своей,
Не только шерсти — кожи,

И мало-ли у насъ мохнатыхъ здѣсь звѣрей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платятъ дани;
Набрать съ нихъ шерсти по-скорѣй:
Отъ этого ихъ не убудетъ.
Напротивъ, имъ-же легче будетъ.“
И тотчасъ выполненъ совѣтъ премудрый сей.
Левъ не нахвалится усердіемъ друзей;
Но въ чемъ-же то они усердіе явили?
Тѣмъ, что бѣдняжекъ захватили
И до-чиста обрили;
А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
Не поступилися своимъ ни волоскомъ;
Напротивъ, всякъ изъ нихъ, кто близко тутъ случился
Изъ той-же дани поживился —
И на-зиму себѣ запасся тюфякомъ.

XXIII.

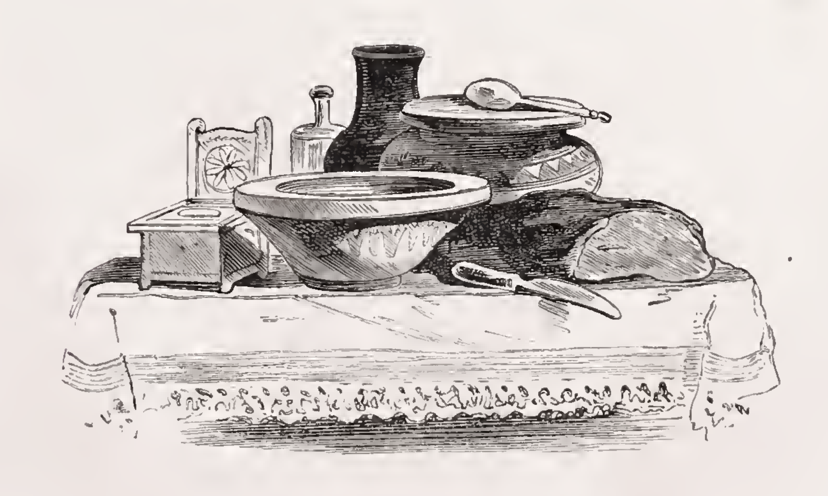
ТРИ МУЖИКА.

Три Мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали.
А такъ какъ Мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ:

Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ, — да не о томъ ужъ рѣчь;
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ Мужички перекрестились
И къ чашѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, по-смѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смѣкнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
„Ребята," говоритъ: „вы знаете Ѳому,
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему."
—„Какой наборъ?"—„Да такъ."—Есть слухъ—война съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ Китайцевъ чаемъ."
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они-же грамотѣ, къ-несчастью, знали:
Газеты и, подъ-часъ, реляціи читали),
Какъ-быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того, лукавецъ, и хотѣлъ:
Пока они судили, да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу—и щи и кашу, все приѣлъ.

—

Иному, до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего,
Что будетъ съ Индіей, когда и отъ чего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

I.

ПАСТУХЪ.

У Саввы, Пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ),
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ
Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ,
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада
И безпощадно ихъ деретъ.
„И не диковина,“ твердитъ народъ:
„Какая отъ волковъ овцамъ пощада!“
Вотъ волка стали стеречи.
Но отчего-жъ у Саввушки въ печи
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?

(Изъ поваренковъ, за грѣхи,
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи:
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ — а волка слѣду нѣтъ.
Друзья! Пустой вашъ трудъ: **на волка только слава,**
А ѣстъ овецъ-то — Савва.

II.

БѢЛКА.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ,
Народъ толпился.
На Бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвостъ.
„Землячка старая," спросилъ тутъ дроздъ: „нельзя-ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?"
— „Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большаго;
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть."
И Бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
— „Да," улетая, дроздъ сказалъ: „то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь — а все на томъ-же ты окнѣ."

—

Посмотришь на дѣльца иного:
Хлопочетъ, мечется, ему дивятся всѣ:
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается.
Какъ Бѣлка въ колесѣ.

III.

МЫШИ.

„Сестрица! знаешь-ли, бѣда!“
На кораблѣ Мышь Мыши говорила:
„Вѣдь оказалась течь: внизу у насъ вода
Чуть не хватила
До самаго мнѣ рыла
(А правда, такъ она лишь лапки замочила).
„И что диковинки—нашъ капитанъ
Или съ-похмѣлья, или пьянъ.
Матросы всѣ, одинъ лѣнивѣе другаго;
Ну, словомъ. нѣтъ порядку никакого.
Сейчасъ кричала я во весь народъ,
Что ко-дну нашъ корабль идетъ:
Куда! — Никто и ухомъ не ведетъ,

Какъ-будто-бъ ложныя я распускала вѣсти;
А ясно — только въ трюмъ лишь стоитъ заглянуть,
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица! неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ!
Пойдемъ-же, кинемся, скорѣе, съ корабля;
Авось не далеко земля!“
Тутъ въ Океанъ мои затѣйницы спрыгнули
И — утонули;
А нашъ корабль, рукой искусною водимъ,
Достигнулъ пристани, и цѣлъ и невредимъ.

—

Теперь пойдутъ вопросы:
А что-же капитанъ и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
Въ-минуту унята;
А остальное — клевета.

IV.

ЛИСА.

Зимой, ранехонько, близъ жила,
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ-тѣмъ, оплошность-ли, судьба-ль (не въ этомъ сила),
Но, кончикъ хвостика Лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко-бъ ее поправить:
Рвануться только по-сильнѣй
И волосковъ хотя десятка два оставить.
Но до людей
Домой убраться по-скорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать — вѣдь спитъ еще народъ;
А между-тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.

Глядитъ — и день свѣтаетъ,
Народъ шевѐлится, и слышны голоса.
Тутъ, бѣдная Лиса
Туда-сюда метаться,
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, Волкъ бѣжитъ. — „Другъ милый! кумъ! отецъ!
Кричитъ Лиса: „спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!“ —
Вотъ кумъ остановился —
И въ спасенье Лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ на-чисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ, безъ хвоста, домой моя пустилась дура.
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

—

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей.
Щепотки волосковъ Лиса не пожалѣй —
Остался-бъ хвостъ у ней.

V.

ВОЛКИ и ОВЦЫ.

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало,
И дотого что, наконецъ,
Правительство звѣрей благія мѣры взяло,
Вступиться въ спасенье Овецъ. —
И учрежденъ Совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были Волки;
Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки.
Видали и такихъ Волковъ, и многократъ:
Примѣры эти не забыты. —
Которые ходили близко стадъ
Смирнехонько — когда бывали сыты.
Такъ почему-жъ Волкамъ въ Совѣтѣ и не быть?
Хоть надобно Овецъ оборонить,
Но и Волковъ не вовсе-жъ притѣснить.
Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;

Судили, думали, рядили
И, наконецъ, придумали законъ.
Вотъ вамъ отъ слова въ слово онъ:
„Какъ-скоро Волкъ у стада забуянитъ,
И обижать онъ Овцу станетъ:
То Волка тутъ властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представитъ,
Въ сосѣдній лѣсъ иль боръ.“
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видалъ: до-этихъ-поръ —
Хоть говорятъ: Волкамъ и не спускаютъ —
Что будь Овца отвѣтчикъ иль истецъ:
А только Волки все-таки Овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

VI.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СОБАКА.

У мужика, большаго эконома,
Хозяина зажиточнаго дома
Собака нанялась и дворъ стеречь
И хлѣбы печь
И, сверхъ-того, полоть и поливать россаду —
Какой-же выдумалъ онъ вздоръ,
Читатель говоритъ — тутъ нѣтъ ни складу,
Ни ладу.
Пускай-бы стеречи ужъ дворъ;
Да видано-ль, чтобъ гдѣ собаки хлѣбъ пекали
Или россаду поливали?
Читатель! Я-бы былъ не правъ кругомъ,
Когда сказалъ-бы да — да дѣло здѣсь не въ томъ,
А въ томъ, что нашъ Барбосъ за все за это взялся,
И вымолвилъ себѣ онъ плату за троихъ;
Барбосу хорошо: что нужды до другихъ.
Хозяинъ между-тѣмъ на ярмарку собрался,
Поѣхалъ, погулялъ — пріѣхалъ и назадъ.

Посмотритъ — жизни сталъ не радъ
И рветъ и мечетъ онъ съ досады:
Ни хлѣба дома, ни россады.
А сверхъ-того къ нему на дворъ
Залѣзъ и клѣть его обкралъ на-чисто воръ.
Вотъ на Барбоса тутъ посыпалось ругапье:
Но у него на все готово оправданье:
Онъ за россадою печь хлѣбъ никакъ не могъ,
Россадникъ оттого лишь-только неудался,
Что сторожà вокругъ двора онъ сталъ безъ ногъ;
А вора онъ затѣмъ не устерегъ,
Что хлѣбы печь тогда сбирался.

VII.

ДВА МАЛЬЧИКА.

Сенюша, знаешь-ли, покамѣсть, какъ барановъ
Опять насъ не погнали въ классъ.
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!"
— „Нѣтъ, Өедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ, туда не взлѣсть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!"
„И, милой, да на что-жъ догадка!"
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,
А тамъ мы сами умудримся,
И до-сыта каштановъ наѣдимся."
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался,
И Өедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Өедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть, —
Не перечесть!

Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.
Что-жъ! Сенѣ оттого прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

—

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я, —
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться на верхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ — скорлупки не видали!

VIII.

РАЗБОЙНИКЪ и ИЗВОЩИКЪ.

Въ кустарникѣ залегши у дороги,
Разбойникъ подъ-вечеръ добычи нажидалъ.
И, какъ медвѣдь голодный изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озиралъ.
Посмотритъ, грузный возъ катитъ какъ валъ.
О-го! Разбойникъ мой тутъ шепчетъ: знать съ товаромъ
На ярмарку; чай все сукно, камки, парчи.
Кручина, не зѣвай — тутъ будетъ на харчи:
Не пропадетъ сегодня день мой даромъ.

Межъ-тѣмъ подъѣхалъ возъ—кричитъ Разбойникъ: стой!
И на Извощика бросается съ дубиной;
Да лихъ схватился онъ не съ олухомъ-дѣтиной.
Извощикъ малый-удалой;
Злодѣя встрѣтилъ мостовиной.
Сталъ за добро свое горой
И моему герою
Пришлося брать поживу съ бою —
И долгъ и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбитъ глазъ;
Но побѣдителемъ однако-жъ онъ остался.
Убилъ Извощика злодѣй.
Убилъ — и къ добычѣ скорѣй.
Что-жъ онъ завоевалъ? — Возъ цѣлый пузырей!

—

Какъ много изъ пустаго
На свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злаго.

IX.

ЛЕВЪ и МЫШЬ.

У Льва просила Мышь смиренно позволенья,
По-близости его въ дуплѣ завесть селенье,
И такъ примолвила: „хо тя-де здѣсь, въ лѣсахъ,

Ты и могучъ и славенъ;
Хоть въ силѣ Льву никто не равенъ.
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ;
Но будущее кто угадывать возьмется —
Какъ знать? кому въ комъ нужда доведется?
И какъ я ни мала кажусь.
А можетъ-быть, подъ-часъ тебѣ и пригожусь.“
— „Ты!“ вскрикнулъ Левъ: — „Ты, жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье,
Прочь, прочь отсель, пока жива —
Иль твоего не будетъ праху.“
Тутъ Мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ — простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однако-жъ гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ.
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ.
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался.
И въ клѣткѣ на-показъ народу увезенъ.
Про Мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ.
Чтобы помочь она ему съ-умѣла.
Что сѣть-бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла
И что его своя кичливость съѣла.

—

Читатель — истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я, и то не отъ себя —
Не по-пусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь, пригодится
Воды напиться.

X.

КУКУШКА и ПѢТУХЪ.

„Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!“
„А ты, Кукушечка, мой свѣтъ.

Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!"
„Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова."
— „А ты, красавица, божусь,
Лишь-только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ и нѣженъ и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ: собою не велички,
А пѣсни, что твой соловей!"
„Спасибо кумъ; зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички."
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я."
Тутъ воробей, случась, примолвилъ имъ: „Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!..."

—

За что-же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ Пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ Кукушку.

XI.

ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то, въ древности, Вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе, — умеръ онъ;
И, такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: — „Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?"
„Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но, такъ-какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ."
— „Что-жъ дѣлалъ ты?" — „Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ."
— „Скорѣй-же въ рай его!" — Какъ! гдѣ-же справедливость?"

Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— „Эхъ, братецъ!“ отвѣчалъ Эакъ:
„Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь, развѣ, ты? Покойникъ — былъ дуракъ!
Что, если-бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ-несчастью,
Вѣдь погубилъ-бы цѣлый край!...
И ты-бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай.
Что за дѣла не принимался.

—

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТЪ БАСНЯМЪ.

БАСНИ, ОЗНАЧЕННЫЯ ЗВѢЗДОЧКОЮ, ЗНАЧАТЪ ПЕРЕВОДЪ ИЛИ ПОДРАЖАНІЕ.

М.

Н.

О.

П.

3 1197 00034 1930